

Ж 92

ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ.

1861.

ФЕВРАЛЬ.

Прогноз 1984 г.

-- МАЙ 2008

СПбГУ

1984

СПБГУ

проверено 1948 г.

CT1617

1917-1918

Февр 1861

ОТДѢЛЪ І.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

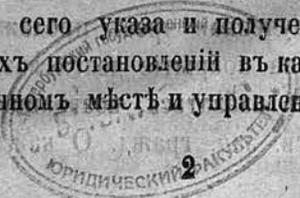
І. ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ, ОБНАРОДОВАНЫЯ ВЪ ЯНВАРЬ 1861 ГОДА.

1) *Объ изданіи новаго втораго свода военныхъ постановлений.*

При Высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату 28 декабря 1860 г. и опубликованномъ сенатомъ 13 января 1861 года, препровождены въ сенатъ разсмотрѣнные его императорскимъ величествомъ книги новаго втораго изданія свода военныхъ постановлений, въ коихъ заключаются всѣ дѣйствующія по военному вѣдомству узаконенія, обнародованныя по 1 января 1859 года. При этомъ повелѣно:

1.) Со времени обнародованія сего указа и полученія книгъ втораго изданія свода военныхъ постановлений въ каждомъ по принадлежности присутственномъ мѣстѣ и управленіи,

Ж. М. Ю. Т. VII. Ч. I.

всѣ въ дѣлахъ ссылки и указанія на законы, вмѣсто статей свода изданія 1838 года и продолженій онаго, дѣлать на статьи свода изданія 1859 года.

2.) При употребленіи свода военныхъ постановленій слѣдовать въ точности правиламъ, въ приложеніи XV къ ст. 247 книги 1-й части 1-й сего свода означеннымъ.

3. Всѣ постановленія по военному вѣдомству, изданныя послѣ 1-го января 1859 г. и тѣ, кои будутъ впредь издаваемы, собирать и издавать въ видѣ продолженій свода, на точномъ основаніи особыхъ Высочайшихъ повелѣній, данныхъ по сему предмету военному министру.—Постановленія сіи, доколѣ не войдутъ въ продолженія свода, приводить по числамъ ихъ и означеніямъ непосредственно.

и 4.) Какъ сводъ военныхъ постановленій ничего не пзмѣняетъ въ силѣ и дѣйствиіи оныхъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ, то въ случаѣ неясности самаго закона въ существѣ его, такъ и въ случаѣ недостатка или неполноты онаго, порядокъ поясненія и дополненія остается тотъ же, какой существовалъ до нынѣ.

2) *О приѣмѣ въ залогъ, по титейнымъ откупамъ, акцій общества московско-ярославской желѣзной дороги.*

Высочайше утвержденнымъ 3 мая 1860 года положеніемъ комитета гг. министровъ, между прочимъ, постановлено: акціи общества московско-ярославской желѣзной дороги, когда по нимъ уплачено не менѣе 50% нарицательной ихъ цѣны, допускаются въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ въ размѣрѣ двухъ третей внесенной по опымъ суммы, съ тѣмъ: что въ случаѣ невнесенія по заложеннымъ казпѣ неоплаченнымъ акціямъ остальныхъ, по требованію общества, платежей и продажи затѣмъ сихъ акцій по дубликатамъ, вырученная чрезъ продажу сумма поступаетъ преимущественно на покрытіе долга казнѣ и только остатокъ, могущій за сямъ оказаться, возвращается обществу, согласно ст. 1999 т. X св. зак. гражд. О каждомъ же приѣмѣ неоплаченныхъ ак-

цій въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, равно какъ и объ освобожденіи оныхъ изъ подъ залога, подлежащія присутственныя мѣста немедленно увѣдомляютъ правленіе общества.

Нынѣ. Высочайше утвержденнымъ 28 минушаго декабря положеніемъ того же комитета, признано возможнымъ допустить сіи акціи и свидѣтельства на оныя къ приему въ залогъ и по питейнымъ откупамъ, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ разрѣшено принимать оныя въ залогъ по казеннымъ подрядамъ.

3) *О томъ, чтобы дѣла объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ посредствомъ печати или инымъ способомъ опубликованія, были начинаемы въ судебныхъ палатахъ и другихъ равныхъ имъ судебныхъ учрежденіяхъ.*

26 Декабря 1860 года Высочайше утверждено и 23 января 1861 года опубликовано мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ постановлено: въ измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановить, что дѣла объ оскорбленіяхъ разнаго рода, паноспныхъ посредствомъ печати или инымъ способомъ опубликованія, начинаютъ въ судебныхъ палатахъ и другихъ равныхъ имъ судебныхъ учрежденіяхъ, въ качествѣ суда 1-й степени.

4) *О предоставленіи межевой комисіи Войска-Донскаго и особому отдѣленію оной руководствоваться въ составленіи межевыхъ плановъ и книгъ формами, учрежденными для черниговской и полтавской губерній.*

15 декабря 1860 г. Высочайше утверждено и 30 января 1861 года обнародовано положеніе военнаго совѣта, коимъ постановлено: 1) Предоставить межевой комисіи Войска Донскаго и особому отдѣленію оной руководствоваться въ составленіи межевыхъ плановъ и книгъ формами, приложенными къ § 159 Высочайше утвержденнаго 27 октября 1859 года по-

ложения о размежеваніи черниговской и полтавской губерній. 2., Сообразно сему дополнить пунктъ 129 положенія о размежеваніи земель Войска Донскаго, приложеннаго къ ст. 1859 ч. I. кн. II. св. воен. пост. слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Въ составленіи межевыхъ плановъ и книгъ комиссія по особое отдѣленіе оной руководствуется формами, приложенными къ § 159 Высочайше утвержденнаго 27 октября 1859 года положенія о размежеваніи черниговской и полтавской губерній».

5) *Объ изданіи XXXIII тома полного собранія законовъ, содержащаго въ себѣ узаконенія за 1858 годъ.*

31 января 1861 года распубликовано объ изданіи XXXIII т. полного собранія законовъ, содержащаго въ себѣ узаконенія за 1858 годъ.

6) *Объ изданіи алфавитнаго указателя къ общему своду законовъ изданія 1857 года.*

31 января 1861 года распубликовано объ изданіи составленнаго во II отдѣленіи собственной его императорскаго вѣлчества канцеляріи алфавитнаго указателя къ общему своду законовъ изд. 1857 года.

II. Высочайшее повелѣніе, предложенное правительствующему сенату.

Объ учрежденіи попечительства надъ имѣніемъ инженеръ штабсъ-капитана Федора Бажанова.

По всеподданнѣйшемъ докладѣ комисіи прошеній просьбы гвардіи инженеръ штабсъ-капитана Федора Бажанова объ учрежденіи надъ имѣніемъ его, состоящимъ изъ двухъ домовъ

и дачи въ С.-петербургѣ, попечительства, съ возложеніемъ на оное расчетовъ съ его кредиторами, его императорскому величеству благоугодно было изъять Всемилостивѣйшее на сіе ходатайство соизволеніе съ тѣмъ, чтобы, по бывшимъ примѣрамъ, подчинить попечительство, по нахожденію пмѣнія въ С.-петербургѣ, 4-му департаменту правительствующаго сената, которому и предоставить утвержденіе избранныхъ просителемъ попечителей.

О таковой Высочайшей волѣ, 15 декабря 1860 г. предложено правительствующему сенату, для надлежащаго исполненія.

Въ слѣдъ затѣмъ предложено сенату, что, какъ видно изъ всеподданнѣйшей просьбы Бажанова, попечительство, по просьбѣ Бажанова, изъявили согласіе принять на себя: генераль-адъютанты: инженеръ генераль Витовтовъ и генераль отъ артиллеріи Философовъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Сушинскій.

ОТДѢЛЪ II.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

А. ПО МИНИСТЕРСТВУ ЮСТИЦІИ.

Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ юстиціи и. начальникамъ губерній относительно правилъ объ окончательномъ утвержденіи въ должностяхъ судебныхъ слѣдователей (11 Февраля 1861 года) ().*

Озабочиваясь скорѣйшимъ и самымъ точнымъ исполненіемъ послѣдовавшей въ 8-й день іюня 1860 года Высочайшей воли объ отдѣленіи слѣдственной части отъ полиціи въ 44-хъ губерніяхъ, образованныхъ на общемъ основаніи, я, какъ вамъ, милостивый государь, уже извѣстно, циркулярнымъ отношеніемъ отъ 26 іюля тогоже года просилъ между прочимъ, всѣхъ гг. начальниковъ вышеупомянутыхъ губерній сдѣлать въ возможно непродолжительномъ времени должныя распоряженія о назначеніи, согласно особому росписанію, над-

(*). Копіи съ сего циркулярнаго отношенія, а равно и съ приложенныхъ къ оному правилъ сообщены 12 февраля отъ министерства юстиціи гг. генералъ-губернаторамъ, губернскимъ прокурорамъ и уголовнымъ палатамъ.

лежащаго числа судебных слѣдователей изъ лицъ, по преимуществу, окончившихъ курсъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и практически знакомыхъ съ судебнымъ дѣломъ, и за тѣмъ не оставитъ въ свое время сообщеніемъ формулярныхъ о ихъ службѣ списковъ для окончательнаго ихъ утвержденія въ должностяхъ самимъ министерствомъ.

Въ слѣдствіе такого моего отписанія, во ввѣренное мнѣ министерство стали поступать, въ послѣднее время, представленія гг. начальниковъ губерній объ окончательномъ утвержденіи въ должностяхъ судебных слѣдователей допущенныхъ къ исправленію сихъ должностей чиновниковъ; но, при первоначальномъ же обзорѣнн сихъ представленій, оказалось, что мѣстныя губернскія власти, ссылаясь, большею частію, на недостатокъ вообще лицъ способныхъ занять столь важныя должности, ходатайствуютъ по преимуществу объ утвержденіи въ таковыхъ лицъ, и *не получившихъ достаточнаго юридическаго образованія и не имеющихъ по предшествовавшей ихъ дѣятельности быть практически знакомыми съ порядкомъ производства уголовныхъ слѣдствій, а равно и уголовныхъ дѣлъ*. Наконецъ въ числѣ представленныхъ къ утвержденію въ сихъ должностяхъ оказались даже такія лица, кои находились *подъ судомъ*.

Имѣя въ виду съ одной стороны весь вредъ, могущій произойти отъ повсемѣстнаго окончательнаго назначенія въ должности судебных слѣдователей такихъ лицъ, кои представляютъ собою *мало ручательства* въ исполнѣнн успешномъ и добросовѣстномъ исполненіи возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, въ особенности, если принять въ соображеніе, что судебные слѣдователи могутъ быть удаляемы отъ должностей не иначе, какъ съ преданіемъ суду, а съ другой стороны—слишкомъ обширный смыслъ, который можетъ быть приданъ § 3-му положенія о судебныхъ слѣдователяхъ, предписывающему назначать въ таковыя должности лицъ *преимущественно окончившихъ курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведе-*

пяхъ, занимавшихся уголовными дѣлами и т. д., я считаю совершенно необходимымъ, предварительнаго окончательнаго утвержденія допущенныхъ нынѣ вами къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей, сообщить вамъ, милостивый государь, тѣ болѣе подробныя правила, которыми министерство юстиціи будетъ *исключительно* руководствоваться при разсмотрѣніи всѣхъ представленій по предмету утвержденія въ должностяхъ означенныхъ чиновниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я вмѣняю себѣ въ обязанность просить объ окончательномъ утвержденіи въ должности каждаго допущеннаго вами чиновника къ исправленію оной войти съ представленіемъ во вѣренное миѣ министерство: а, не иначе, какъ по истеченіи 6-ти мѣсяцевъ исправленія нынѣ сей должности, считая однако сей срокъ, для допущеннаго уже нынѣ къ оной *со дня полученія сего отношенія*, и б, по истребованіи предварительнаго отзыва уголовной палаты о степени оказавшейся на практикѣ дѣйствительной его *способности*.

Упомянутыя выше правила, коими министерство юстиціи будетъ руководствоваться, при семъ прилагаются, а что касается касается сообщенныхъ вами послужныхъ списковъ избранныхъ вами чиновниковъ, буде оныя уже поступили во вѣренное миѣ министерство, то мною вмѣстѣ съ симъ сдѣлано подлежащее распоряженіе объ обратномъ оныхъ возвращеніи.

Подписаль: *управляющій министерствомъ юстиціи Д. Замятинъ.*

Правила, коими министерство юстиціи будетъ руководствоваться при разсмотрѣніи представленій губернскихъ начальствъ объ окончательномъ утвержденіи въ должностяхъ лицъ, допущенныхъ ими къ исправленію обязанностей судебныхъ слѣдователей.

§ 1. Окончательному утвержденію въ должностяхъ судебныхъ слѣдователей подлежатъ только тѣ лица, не менѣе 6-ти мѣсяцевъ съ успѣхомъ исправлявшія сіи должности, кои

а, или окончили курсъ образованія въ *высшихъ* учебныхъ *юридическихъ* заведеніяхъ; (*)

б, или же получили полное воспитаніе въ другихъ *высшихъ* гражданскихъ учебныхъ и специальныхъ заведеніяхъ, кромѣ юридическихъ, или только въ *среднихъ* учебныхъ заведеніяхъ; но при этомъ прослужили по крайней мѣрѣ не мене 3 лѣтъ и занимались производствомъ уголовныхъ дѣлъ или разсмотрѣніемъ слѣдствій, или же наконецъ производствомъ самыхъ слѣдствій.

Примѣчаніе. Изъ означенныхъ въ семь п. б. лицъ, получившихъ образованіе въ *высшихъ учебныхъ и специальныхъ заведеніяхъ*, должны имѣть преимущество предъ получившими образованіе въ *среднихъ учебныхъ заведеніяхъ*.

в, или же наконецъ не подходятъ подъ изложенныя выше условія, но о конхъ есть особое, на *фактахъ* основанное, удостовѣреніе начальника губерніи, что онъ ихъ признаетъ вполне способными занять должности судебныхъ слѣдователей.

§ 2. При этомъ *неупустительно* наблюдается:

а, чтобы въ виду губернскаго начальства былъ непременно отзывъ мѣстной уголовной палаты о дѣйствительной способности чиновника, обнаружившейся 6-ти мѣсячною практикою;

б, чтобы въ виду самаго министерства былъ положительный отзывъ губернскаго прокурора объ его согласіи утвердить въ должности допущеннаго къ направленію оной чиновника, подъ какія бы условія онъ ни подходилъ. Согласіе это прокурора признается положительно выраженнымъ только письменнымъ образомъ.

(*) Подъ высшими юридическими заведеніями здѣсь подразумѣваются, кромѣ юридическихъ факультетовъ университетовъ, еще императорское училище Правовѣдѣнія, императорскій Александровскій лицей, юридическое отдѣленіе Ришельевского лицея, а равно лицей князя Безбородко и Демидовскій.

§ 3. Въ случаѣ, если при разсмотрѣніи представленія начальника губерніи окажется, что относительно нѣкоторыхъ изъ представленныхъ имъ кандидатовъ не соблюдены вышеозначенныя условія, то, не останавливаясь утвержденіемъ тѣхъ, кои онымъ удовлетворяютъ, слѣдуетъ немедленно входить въ сношенія:

а, съ начальникомъ губерніи объ оставленіи *хотя* и при исправленіи должности допущеннаго имъ кандидата, но о присканіи вмѣстѣ съ тѣмъ другаго, болѣе удовлетворяющаго требуемымъ условіямъ, объясняя при этомъ, что именно недостаточно, или

б, съ губернскимъ прокуроромъ о немедленномъ представленіи своего отзыва (если такового представлено не было) на согласіе или несогласіе его съ мнѣніемъ начальника губерніи и, въ послѣднемъ случаѣ, почему именно.

§ 4. Лица находящіяся подъ судомъ или слѣдствіемъ, или только подвергшихся прежде опытъ и не вполне оправданныхъ, вовсе не утверждать, какъ подвергшихся съ одной стороны нареканію, а съ другой, — какъ неблагонадежныхъ.

Примѣчаніе. Условіе это не относится только къ лицамъ, подвергшимся суду и взысканію за маловажныя нарушенія собственно *полицейскихъ правилъ*, не влекущія за собою другихъ взысканій, кромѣ кратковременнаго ареста или денежной пенн.

§ 5. Объ окончательно утвержденнымъ, тотчасъ отдавать въ приказѣ по министерству юстиціи съ поясненіемъ, что они утверждаются со дня допущенія къ должности, если срокъ этотъ неизвѣстенъ, а если извѣстенъ, то съ обозначеніемъ онаго.

§ 6. Въ какой именно уѣздъ и участокъ будетъ опредѣленъ слѣдователь на первый разъ въ приказахъ не означать, такъ какъ по этому предмету имѣеть быть въ послѣдствіи особое распоряженіе по окончательномъ уже утвержденіи числа и пространства всѣхъ участковъ.

§ 7. По мѣрѣ обращенія въ министерство желающихъ занять должности слѣдователей лицъ, назначеніе коихъ министерство считало бы небезполезнымъ, объявлять имъ, что они буде не желаютъ тотчасъ же и непосредственно обратиться къ губернскимъ начальствамъ, допускающимъ уже къ симъ должностямъ, то могутъ бытъ внесены въ списокъ кандидатовъ на сіи должности со стороны самаго министерства.

§ 8. Внесенными въ таковой списокъ кандидатами замѣщать должности въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, кои по совершенному недостатку способныхъ чиновниковъ останутся вовсе безъ судебныхъ слѣдователей. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ отдавать преимущество тѣмъ мѣстностямъ, въ кои окончательно откажутся начальники губерній назначить своихъ кандидатовъ предъ тѣми, о которыхъ еще неполучены таковыя отзывы, а только происходитъ переписка.

§ 9. На кандидатовъ сихъ въ полной силѣ распространяется, какъ правило о предварительномъ шестимѣсячномъ исправленіи должности, такъ и всѣ вообще изложенныя въ §§ 1—6 правила о представленіи судебныхъ слѣдователей со стороны губернскаго начальства къ окончательному утвержденію ихъ въ должностяхъ министерствомъ юстиціи.

§ 10. Независимо отъ всего вышеизложеннаго, за министерствомъ юстиціи остается право, при разсмотрѣніи представленій губернскаго начальства, руководствоваться и другими, кромѣ вышеизложенныхъ, основаніями, по коимъ можетъ быть признано неудобнымъ назначеніе извѣстнаго чиновника вообще судебнымъ слѣдователемъ, или же въ частности въ извѣстной мѣстности.

Подписаль: *управляющій министерствомъ юстиціи Д. Замятинъ.*

Б. по сенату.

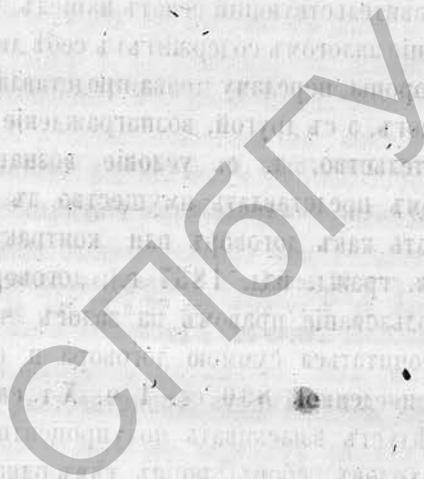
По вопросу о взыскании пошлины съ представленныхъ къ засвидѣтельствуванію условій на передачу права представленія недвижимыхъ имуществъ въ залогъ по откупамъ, казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ судовъ, въ 1850 году, явлено было, для засвидѣтельствуванія, условіе на передачу права представленія недвижимаго имущества въ залогъ по откупамъ, казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, съ платежемъ за такое право вознагражденія. Уѣздный Судъ, при засвидѣтельствovanіи помянутаго условія, взыскалъ въ пользу городскихъ доходовъ полупроцентный сборъ съ суммы, определенной въ вознагражденіе за право представленія имущества въ залогъ; мѣстная казенная палата нашла, что, согласно 718 ст. X т. св. зак. гражд. изд. 1842 г. (изд. 1857 г. ст. 887 ч. 1), за явку подобнаго документа слѣдуетъ взыскать четверть процента со всей цѣнности имущества. Изъ доставленныхъ правительствующему сенату свѣдѣній о томъ, какимъ порядкомъ совершаются документы на передачу имуществъ для представленія въ залогъ по откупамъ, казеннымъ подрядамъ и поставкамъ и въ какомъ размѣрѣ взимается при этомъ сборъ въ пользу городскихъ доходовъ, оказывается: 1, что въ большей половинѣ губерній подобныхъ условій вовсе не было заключаемо; 2, что тамъ, гдѣ таковыя условія совершались, онѣ всегда были разсматриваемы, какъ договоры или контракты, а не какъ долговья обязательства; 3, что слѣдующій, въ пользу городскихъ доходовъ, съ документовъ этого рода сборъ, взимался съ договорной или контрактной суммы, платимой за пользованіе залогомъ за все срочное время, въ количествѣ полупроцента. При этомъ большею частію всегда мѣстныя начальства ссылались на буквальный смыслъ 720 ст. X т. св.

зак. гражд. по VI-му прод. (изд. 1857 г. ст. 890), и 4, что только въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущены были отъ двухъ предыдущихъ общихъ правилъ отступленія, заключавшіяся главнѣйше въ слѣдующемъ: а, иногда вѣдалось, вмѣсто полупроцента, только четверть процента; б, при засвидѣтельствованіи нѣкоторыхъ подобныхъ сдѣлокъ не вѣдалось вовсе никакого сбора, за исключеніемъ канцелярской пошлины 3 р. за записку въ актовую книгу; в, были случаи, что полупроцентный, въ пользу городскихъ доходовъ, сборъ взыскивался со всей цѣнности имущества, передававшася во временное пользованіе, для представленія въ залогъ. Разсмотрѣвъ изложенныя обстоятельства, правительствующій сенатъ нашелъ, что подобная сдѣлка на пользованіе залогомъ содержитъ въ себѣ два обстоятельства: съ одной стороны, передачу права представлять вѣренное имущество въ залогъ, а съ другой, вознагражденіе за сіе право. Последнее обстоятельство, т. е. условіе вознагражденія за пользованіе правомъ представлять имущество въ залогъ, слѣдуетъ разсматривать какъ договоръ или контрактъ (ст. 890 X т. ч. 1 св. зак. гражд. изд. 1857 г.); договорная же сумма платежа за пользованіе правомъ на залогъ чужихъ имуществъ должна почитаться суммою договора и съ оной, на основаніи вышеприведенной 890 ст. 1 ч. X т. св. зак. гражд. изд. 1857 г., слѣдуетъ взыскивать полупроцентный, въ пользу городскихъ доходовъ, сборъ, но съ тѣмъ однако, чтобы въ расчетъ была принимаема полная плата въ общей сложности за все время дѣйствія сдѣлки, къ чему никогда и не можетъ представиться затрудненія, потому что въ довѣренностяхъ на представленіе залоговъ, согласно ст. 1620 X т. св. зак. гражд. изд. 1857 г., непременно долженъ быть означенъ срокъ. Сказанная полная договорная сумма, по силѣ ст. 147 и 148 уст. о пош. V т. изд. 1857 г., должна равнымъ образомъ опредѣлять достоинство гербовой бумаги, на которой слѣдуетъ писать самый договоръ. Посему правительствующій сенатъ опредѣлилъ: для предупрежденія на будущее время могущихъ произойти по сему предмету недора-

зумѣній, а равно для свѣдѣнія и руководства, дать знать о семъ всѣмъ губернскимъ, войсковымъ и областнымъ правлениямъ, палатамъ гражданскаго суда и казеннымъ указами, а въ департаменты правительствующаго сената и общія оныхъ со-грація сообщить вѣдѣнія и припечатать въ сенатскихъ вѣдомостяхъ.

Это опредѣленіе сената распубликовано 11 января 1861 года.

ОТДѢЛЪ III.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

Главнѣйшія перемѣны въ личномъ составѣ по
ведомству министерства юстиціи.

(Высоч. прик. отъ 23 декабря и 1 января за №№ 21 и 1,
и прик. по м-ву юст. отъ 29 и 31 дек. за
№№ 39 и 40).

1) ПО ДЕПАРТАМЕНТУ МИНИСТЕРСТВА:

Назначены: редакторъ отдѣленія, надворный совѣтникъ
Селифонтовъ—начальникомъ отдѣленія (21-го декабря 1860
года).

Секретарь канцеляріи министерства юстиціи, титулярный
совѣтникъ *Березниковъ*—исправляющимъ должность редактора
отдѣленія департамента (22-го декабря 1860 года).

Старшій помощникъ столоначальника, титулярный совѣт-
никъ *Галкинъ*—столоначальникомъ (22-го декабря 1860 года).

Причислены къ департаменту: товарищъ предсѣдателя
оренбургской палаты уголовного суда коллежскій совѣтникъ
Зенкевичъ и посредникъ гдовскаго уѣзда надворный совѣт-
никъ *фонъ-Гардеръ*, первый 16, а послѣдній 22 декабря
1860 года.

2) ПО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ ВООБЩЕ:

Назначены: членъ консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, тайный совѣтникъ *Беръ*—къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ; тайные совѣтники: директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ *Переверзевъ* и с.-петербургскій гражданскій губерпаторъ *Смирновъ*—къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, съ увольненіемъ отъ настоящихъ должностей.

Произведены изъ тайныхъ въ дѣйствительные тайные совѣтники: сенаторы: Николай *Тукмачевъ* и Иванъ *Ореусъ*.

3) по 1-му отдѣленію 3-го департамента:

Утвержденъ въ должности: оберъ-прокурора исправлявшій эту должность дѣйствительный статскій совѣтникъ *Гольтштеръ*.

4) по межевому департаменту:

Назначены: старшій столоначальникъ департамента министерства юстиціи коллежскій ассесоръ *Бобриковъ*—неправляющимъ должность оберъ-секретаря (17 декабря 1860).

5) по губернскимъ учрежденіямъ:

Утвержденъ по выборамъ: борзеньскій уѣздный судья надворный совѣтникъ *Петрукевичъ*—предсѣдателемъ черниговской палаты уголовного суда (29 ноября 1860 г.).

Назначены: екатеринославскій губернскій прокуроръ коллежскій совѣтникъ *Поппе*—предсѣдателемъ олонеккой палаты уголовного и гражданскаго суда (26 декабря 1860 г.); товарищъ предсѣдателя костромской палаты гражданскаго суда коллежскій ассесоръ *Балшизъ*—товарищемъ предсѣдателя харьковской палаты гражданскаго суда (16 декабря 1860 г.); совѣтникъ бессарабскаго областнаго гражданскаго суда титулярный совѣтникъ *Джунковский*—товарищемъ предсѣдателя того суда (21 декабря 1860 г.).

Утвержденъ въ должности товарища предсѣдателя ковенской палаты уголовного суда исправлявшій эту должность коллежскій ассесоръ *Кириловъ* (21 декабря 1860 г.).

ОТДѢЛЪ I.

ОБЩАЯ ТЕОРІЯ

ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЪ

ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекцій Д. И. Мейера.)

(Окончаніе).

ДѢЙСТВІЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА.

Ближайшее и самое общее дѣйствіе обязательства состоитъ въ обязанности должника представить удовлетвореніе по обязательству, исполнить его (*). Разсмотримъ подробно это удовлетвореніе относительно лицъ, участвующихъ въ обязательствѣ, предмета обязательства, времени и мѣста совершенія дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства.

(*) Удовлетвореніе по обязательству называется иногда также *платежемъ*, но платежъ относится только къ денежному обязательству, имѣетъ слѣдовательно тѣсное значеніе, не выражая собою того общаго смысла, какой выражается въ словахъ: «удовлетвореніе по обязательству». Всего менѣе слово «платежъ» можетъ относиться къ личнымъ обязательствамъ, т. е. къ обязательствамъ, предметъ которыхъ личная услуга, тогда какъ выраженіе: «удовлетвореніе по обязательству» обнимаетъ и исполненіе личныхъ обязательствъ. Слово «платежъ» въ смыслъ удовлетворенія по обязательству стали

Относительно *участниковъ обязательства* прежде всего представляется вопросъ, кто долженъ произвести удовлетвореніе? Его обязанъ произвести должникъ по обязательству, самъ, или его законный представитель, или даже представитель договорный, если по существу данного обязательства договорное представительство въ немъ можетъ имѣть мѣсто.—Но спрашивается, можно ли за должника произвести удовлетвореніе другому лицу, не представителю должника, будетъ ли удовлетвореніе всякаго другаго лица считаться удовлетвореніемъ по обязательству? Напр., А долженъ В 1000 руб., является С и платитъ В 1000 руб. Спрашивается, можно ли считать обязательство удовлетвореннымъ? Практика по отношенію къ этому вопросу дѣлаетъ различіе между обязательствами по содержанію ихъ: если содержаніе обязательства таково, что для вѣрителя все равно, отъ кого бы ни получить удовлетвореніе, то оно допускается отъ всякаго лица и обязательство представленнымъ удовлетвореніемъ разрѣшается; если же обязательство по содержанію своему таково, что для вѣрителя не все равно, то или другое лицо совершить дѣйствіе, составляющее предметъ обязательства, тогда совершеніе дѣйствія за должника стороннимъ лицомъ не допускается. Такъ, въ дѣйствительности мы видимъ, что денежные платежи, напр. взносъ податей, денежныхъ штрафовъ и т. п., принимаются отъ всякаго лица безъ удостовѣренія въ полномочіи, а только съ указаніемъ, за кого именно производится платежъ долга. Конечно, въ этомъ случаѣ можно допустить, что полномочіе подразумѣвается, по-

употреблять у насъ, кажется, по примѣру римскаго права, въ которомъ слово «*solutio*» (платежъ) употребляется вообще для означенія исполненія обязательства; но латинское «*solutio*» дѣйствительно удобно можно употреблять въ смыслъ удовлетворенія по обязательству, потому что, означая *платежъ*, «*solutio*» имѣетъ еще и другое, обширнѣйшее значеніе: оно значитъ также *разрѣшеніе* и въ этомъ значеніи равно смыслу выраженія «*удовлетвореніе по обязательству*», потому что удовлетвореніе по обязательству прекращаетъ, разрѣшаетъ обязательство, слѣдовательно выраженіе очень удачное, какъ прямо противоположное по смыслу своему слову «*обязательство*», указывающему на связь между лицами, тогда какъ «*разрѣшеніе*» указываетъ на прекращеніе связи, развязку, исходъ обязательства.

тому что самое дѣйствіе, о которомъ идетъ рѣчь, производство платежа, таково, что въ нормальномъ положеніи не совершается стороннимъ лицомъ иначе, какъ по полномочію должника, или въ видѣ дара въ его пользу, но дара, разумѣется, принятаго или по крайней мѣрѣ предполагаемаго принятымъ, такъ что все-таки можно сказать, что есть согласіе должника на производство удовлетворенія по обязательству стороннимъ лицомъ. Но удовлетвореніе можетъ быть произведено стороннимъ лицомъ не только безъ согласія должника, явнаго или предполагаемаго, но и вопреки его прямому несогласію: спрашивается, освобождается ли тогда должникъ отъ обязанности представить удовлетвореніе по обязательству? Оtvѣтъ должно дать отрицательный, потому что безъ согласія лица нельзя совершить за него какое либо дѣйствіе, а только съ согласія его; если же и допускается иногда совершеніе дѣйствія безъ прямого согласія лица, то потому только, что согласіе предполагается, но предположеніе уже не имѣетъ мѣста при прямомъ несогласіи лица. Поэтому, если стороннее лицо уже представило удовлетвореніе вѣрителю, оно можетъ потребовать его обратно, ибо удовлетвореніе это безъ согласія должника на его производство нельзя считать удовлетвореніемъ по обязательству, нельзя понимать его и въ смыслѣ дара вѣрителю, ибо даръ характеризуется намѣреніемъ дарителя обогатить одаряемое лицо, но стороннее лицо, представляя удовлетвореніе за должника, не имѣетъ въ виду обогатить вѣрителя, предоставить ему новое право, а только разрѣшить прежнее обязательство, по которому вѣрителю принадлежитъ право. Спрашивается наконецъ, какое же отношеніе между стороннимъ лицомъ, удовлетворившимъ по обязательству, и должникомъ? Если обязательство таково, что вѣритель удобно можетъ передать его другому лицу, напр. обязательство денежное, то стороннее лицо, изъявляющее готовность удовлетворить по обязательству, не рѣдко требуетъ передачи себѣ акта обязательства по передаточной надписи, что и совершается по производствѣ удовлетворенія: въ такомъ случаѣ возникаютъ между стороннимъ лицомъ и лицомъ обязаннымъ такія же отношенія,

какъ между цессіонаріемъ и должникомъ; но въ такомъ случаѣ значить собственно, что стороннее лицо вызывается не удовлетворить вѣрителя по обязательству, а вызывается приобрести себѣ по передачѣ право по обязательству, дѣло идетъ слѣдовательно объ уступкѣ права по обязательству. Если же уступка права по обязательству не можетъ имѣть мѣста и передаточной надписи не совершается, то производство удовлетворенія стороннимъ лицомъ можетъ имѣть двойкій смыслъ: а) или оно безмездно, и тогда между должникомъ по обязательству и стороннимъ лицомъ возникаютъ такія же отношенія, какія возникаютъ по даренію между лицомъ одаряемымъ и дарителемъ; б) или удовлетвореніе произведено съ цѣлю получить вознагражденіе, тогда для должника возникаетъ обязательство представить это вознагражденіе стороннему лицу, но для этого требуется признаніе удовлетворенія со стороны должника, что обыкновенно и дѣлается, если же признанія не послѣдуетъ въ томъ смыслѣ, что должникъ явно выразитъ несогласіе на производство удовлетворенія по его обязательству стороннимъ лицомъ, то наступаютъ точно такія же отношенія, какія наступаютъ по производствѣ удовлетворенія стороннимъ лицомъ вопреки предварительному несогласію должника, т. е. стороннему лицу остается только требовать отъ вѣрителя возвращенія удовлетворенія. Можно сказать, что стороннее лицо производитъ удовлетвореніе по обязательству условно: напр., А удовлетворяетъ В по долговому обязательству С съ тѣмъ условіемъ, что С признаетъ удовлетвореніе, производимое А; но С не признаетъ удовлетворенія, значить, условіе, при которомъ А удовлетворяетъ В за С не наступаетъ, значить для В нѣтъ законнаго основанія удержать за собою полученное отъ А въ удовлетвореніе по обязательству его съ С и В обязанъ возвратить полученное отъ А.—Удовлетвореніе, чтобъ разрѣшить обязательство, должно быть произведено лицу, имѣющему право по обязательству, вѣрителю, или его представителю. Но точно также, какъ иногда удовлетвореніе производится за должника стороннимъ лицомъ, оно производится нерѣдко вмѣсто вѣрителя стороннему лицу. Такъ, въ особенности часто бываетъ, что удовле-

твореніе производится кому либо изъ членовъ семейства вѣрителя, напр. сыну его, женѣ и т. п., или удовлетвореніе производится другому стороннему лицу, напр. кредитору вѣрителя. Во всѣхъ этихъ случаяхъ производство удовлетворенія не разрѣшаетъ обязательства и должникъ не освобождается отъ обязанности представить удовлетвореніе самому вѣрителю, а за нимъ существуетъ только право требовать возвращенія удовлетворенія отъ того сторонняго лица, которому оно представлено. Другое дѣло, если вѣритель, какъ это и бываетъ нерѣдко въ практикѣ, впоследствии признаетъ удовлетвореніе, произведенное вмѣсто его стороннему лицу: тогда это производство удовлетворенія имѣетъ то же значеніе, какъ бы оно было представлено самому вѣрителю, хотя бы самое удовлетвореніе и не дошло до него. Напримѣръ, должникъ уплачиваетъ долгъ женѣ вѣрителя и онъ впоследствии признаетъ это удовлетвореніе: хотя полученныя деньги не перейдутъ въ руки мужа, вѣрителя по обязательству, и будутъ напримѣръ растрачены женою, тѣмъ не менѣе удовлетвореніе, произведенное женѣ, имѣетъ полную силу удовлетворенія дѣйствительнаго и обязательство разрѣшается. Но бываетъ и такъ, что самъ вѣритель указываетъ стороннее лицо, которому должно быть произведено удовлетвореніе по обязательству; иногда это указаніе дѣлается уже при самомъ вступленіи въ обязательство, такъ что въ самомъ актѣ обязательства указывается лицо, которому должно быть произведено удовлетвореніе—«*что и доставите такому—то*», говоритъ вѣритель должнику. Въ такомъ случаѣ, какъ скоро удовлетвореніе произведено стороннему лицу, оно имѣетъ то же значеніе, какъ бы было произведено самому вѣрителю, хотя стороннее лицо и не имѣетъ значенія его представителя: нельзя сказать, что стороннее лицо, указанное вѣрителемъ какъ лицо, которому должно быть произведено удовлетвореніе по обязательству, приобретаетъ тѣмъ право требовать удовлетворенія. И вотъ замѣчательная характеристическая особенность положенія лица, указываемаго для производства платежа по обязательству; лицо это не въ правѣ требовать удовлетворенія, но какъ скоро

удовлетвореніе представлено ему и принято имъ, должникъ тѣмъ самымъ непосредственно освобождается отъ обязательства ¹⁾.

Предметъ удовлетворенія опредѣляется самымъ содержаниемъ обязательства: именно, то дѣйствіе должно быть совершено, которое составляетъ содержаніе обязательства, оно только служить удовлетвореніемъ, такъ что совершеніемъ другаго дѣйствія должникъ не освобождается отъ обязательства, развѣ на такую замѣну одного дѣйствія другимъ будетъ согласіе вѣрителя, явно выраженное или безмолвное, подразумѣваемое ²⁾. Въ дѣйствительности часто бываетъ, что должникъ совершаетъ другое дѣйствіе, а не то, которое составляетъ содержаніе обязательства, и требуетъ, чтобъ этому другому дѣйствію было присвоено значеніе удовлетворенія по обязательству. Напр., держатели фабрикъ, въ особенности во время застоя въ сбытѣ фабричныхъ произведеній, позволяютъ себѣ удовлетворять рабочихъ вмѣсто денежнаго платежа фабричными произведеніями, по извѣстной ихъ оцѣнкѣ. Но такая замѣна денежнаго платежа товарами совершенно произвольна и каждый работникъ въ правѣ требовать платежа денегъ и не принимать товара, развѣ самъ соглашается на замѣну. Но замѣна одного *дѣйствія* другимъ не есть замѣна одного *обязательства* другимъ и не должна быть съ нею смѣшиваема. Замѣна одного дѣйствія другимъ только и можетъ произойти съ согласія участниковъ обязательства, тогда какъ замѣна одного обязательства другимъ можетъ произойти и независимо отъ ихъ согласія, по крайней мѣрѣ независимо отъ согласія вѣрителя. Напр., должникъ не совершаетъ дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства, и тѣмъ нарушаетъ право вѣрителя: отсюда для должника рождается обязательство вознаградить вѣрителя, но это уже новое обязательство, возникшее въ слѣдствіе нарушенія права, такъ что представленіе вознагражденія будетъ исполненіемъ новаго обязательства, замѣнившаго прежнее, а не замѣною дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства преж-

1) *Wening, Civilrecht. II, § 245.*

2) *Св. зак. гр. ст. 1536, 1948, 1955.*

няго. Далѣе, для удовлетворенія по обязательству требуется, чтобъ дѣйствіе было совершено такъ, какъ оно опредѣляется содержаніемъ обязательства. Такимъ образомъ, если содержаніемъ обязательства опредѣляется, что дѣйствіе, составляющее предметъ его, должно быть совершено вдругъ, то обязательство тогда только и исполняется, когда дѣйствіе совершается вдругъ: вѣритель не обязанъ принимать удовлетворенія по частямъ, ибо совершеніе части дѣйствія не есть совершеніе самаго дѣйствія, и въ отдѣльномъ случаѣ для вѣрителя можетъ быть даже особенный интересъ въ томъ, чтобъ не принимать удовлетворенія по частямъ (*). Но разумѣется, что по обоюдному соглашенію между участниками обязательства можетъ быть допущено и совершеніе дѣйствія по частямъ, хотя бы содержаніемъ обязательства и было опредѣлено одновременное его совершеніе. И обыкновенно вѣрители соглашаются на совершеніе дѣйствія по частямъ, по тому соображенію, что если не согласиться на совершеніе дѣйствія по частямъ, то, быть можетъ, должникъ и вовсе не въ состояніи будетъ совершить его. Но иногда такое совершеніе дѣйствія по частямъ прикрывается тѣмъ, что между вѣрителемъ и должникомъ заключается новое обязательство на меньшую сумму. Напр., не рѣдко бываетъ, что должникъ по заемному письму въ срокъ платежа представляетъ вѣрителю только часть долговой суммы, и вѣритель, чтобъ не протестовать заемное письмо, не входитъ въ расходы и не оглашаетъ неисправности должника, соглашается принять отъ него новое заемное письмо на сумму меньшую противъ прежняго разностию уплаты. Точно также и качество дѣйствія должно соответствовать содержанію обязательства. Такъ, если удовлетвореніе производится по образцу, то оно должно соответствовать образцу. Но такъ какъ не бываетъ предметовъ, совершенно сходныхъ, то незначительное отступленіе отъ образца не мѣшаетъ удовлетво-

(*) По отношенію къ денежному удовлетворенію сводъ законовъ устанавливаетъ такую терминологию; что удовлетвореніе въ части называется *улатою*, а полное удовлетвореніе *платежемъ*.

ренію по обязательству ¹⁾. По обязательству родовому удовлетвореніе должно быть дѣйствиємъ, принадлежащимъ къ среднимъ видамъ своего рода: крайности, какъ уже сказано, могутъ имѣть мѣсто только по особому о томъ соглашенію между участниками обязательства. Наконецъ, удовлетвореніе должно быть произведено сполна, т. е. лицо обязанное не въ правѣ уменьшить удовлетвореніе, сдѣлать какіе либо вычеты. Исключеніе отсюда составляетъ случай *учѣта*: если между участниками обязательства существуетъ еще другое обязательство, въ которомъ роли участниковъ представляются въ обратномъ порядкѣ, и оба обязательства по времени совпадаютъ, т. е. наступилъ уже срокъ удовлетворенія по тому и другому обязательству, въ такомъ случаѣ должникъ, производя удовлетвореніе, въ правѣ вычесть изъ него ту сумму, которую долженъ ему вѣритель ²⁾. Другое исключеніе представляетъ случай *несчастной несостоятельности должника*: тогда и удовлетвореніе въ меньшей мѣрѣ признается удовлетвореніємъ по обязательству ³⁾. Независимо же отъ этихъ случаевъ, неполное удовлетвореніе по обязательству можетъ имѣть мѣсто только при согласіи вѣрителя на сбавку, въ противномъ случаѣ составляетъ нарушеніе его права. И мы можемъ присовокупить къ этому только то, что въ дѣйствительности нерѣдко бываетъ вынужденная сбавка, когда удовлетвореніе считается слишкомъ значительнымъ, неправильнымъ, или когда должникъ не въ состояніи произвести полного удовлетворенія и вѣрители соглашаются на сбавку, чтобы не входить въ хлопоты и убытки, обыкновенно соединяющіеся съ процессомъ и нерѣдко оканчивающіеся ничѣмъ.

Удовлетвореніе по обязательству должно быть произведено *въ надлежащее время*. Собственно говоря, съ возникновеніемъ обязательства связывается и обязанность его исполненія. Но очень часто бываетъ извѣстный промежутокъ

1) Св. зак. гр. ст. 1948.

2) Тамъ же, ст. 1964; уст. о торг. несост. ст. 1967.

3) Уст. о торг. несост. ст. 2000; св. зак. о суд. и вз. гр. ст. 1021.

времени между возникновением обязательства и его исполнением, такъ что обязательство произвести удовлетворение слѣдуетъ уже за заключениемъ обязательства. Это объясняется различными обстоятельствами и соображениями: а) по своейственной зрѣлому человѣку предусмотрительности, онъ нерѣдко заранее принимаетъ мѣры для удовлетворения своихъ потребностей: заключеніе обязательства представляется однимъ изъ самыхъ удобныхъ способовъ обезпечить въ будущемъ удовлетвореніе какой либо потребности, и поэтому нерѣдко обязательство заключается въ такое время, когда еще нѣтъ надобности въ его выполненіи. б) Обязательство служить человѣку средствомъ удовлетворить настоящей потребности на счетъ будущаго имущества: въ настоящее время нѣтъ равновѣсія между потребностями лица и средствами къ ихъ удовлетворенію, у лица нѣтъ средствъ для удовлетворенія той или другой его потребности, но впоследствии равновѣсіе установится и у лица будутъ средства, и вотъ оно вступаетъ въ обязательство, клонящееся къ удовлетворенію настоящей потребности на счетъ будущихъ средствъ, такъ что лицу придется впоследствии употребить свои средства на минувшія потребности. Или, наконецъ, в) когда возникаетъ обязательство, нѣтъ еще надлежащаго удостовѣренія въ дѣйствительномъ его существованіи: въ такомъ случаѣ удовлетвореніе по обязательству также отдѣляется отъ его возникновенія извѣстнымъ пространствомъ времени, въ теченіи котораго происходитъ удостовѣреніе. Такъ бываетъ именно при обязательствахъ, вытекающихъ изъ нарушенія права: обязательство возникаетъ въ самый моментъ нарушенія права, но чтобы вѣритель былъ въ правѣ требовать удовлетворенія по обязательству нужно удостовѣреніе, что право дѣйствительно нарушено. Опредѣленіе времени удовлетворенія по обязательству составляетъ *срокъ обязательства*. Онъ опредѣляется, какъ и всегда, или посредствомъ гражданскаго лѣтосчисленія, днемъ, мѣсяцемъ и годомъ, или какими либо обстоятельствами, имѣющими совершиться во времени, и притомъ, въ томъ и другомъ случаѣ или точно обозначается время удовлетворенія по обязательству, или

означается только время, ранѣе или позднѣе котораго не можетъ быть произведено удовлетвореніе по обязательству. Опре- дленіе срока обязательства имѣетъ то значеніе, что до на- ступленія его вѣритель не въ правѣ требовать удовлетворенія по обязательству, но съ другой стороны онъ не обязанъ и принимать удовлетвореніе до срока (*); по наступленіи же срока вѣритель въ правѣ требовать удовлетворенія и если должникъ не представляетъ его, то нарушаетъ тѣмъ право вѣрителя, по съ другой стороны по наступленіи срока и вѣритель обязы- вается принять представляемое ему должникомъ удовле- твореніе, въ противномъ случаѣ подвергается нѣкоторымъ невыго- дамъ, или по крайней мѣрѣ лишается тѣхъ выгодъ, которыя могутъ протекать для него отъ поздняго удовлетворенія со стороны должника ¹⁾. Такимъ образомъ, нормальное положе- ніе обязательства то, что удовлетвореніе производится въ срокъ. Но по взаимному соглашенію между участниками обязатель- ства удовлетвореніе можетъ быть произведено и до срока. Особенный юридическій интересъ имѣетъ досрочное удовле- твореніе по обязательствамъ денежнымъ, т. е. по такимъ, ко- торыхъ предметъ составляетъ платежъ денегъ. Какъ общій представитель пѣнности, деньги въ особенности легко могутъ быть употребляемы и приносить болѣе или менѣе значитель- ную выгоду, такъ что въ каждомъ, сколько нибудь развитомъ, гражданскомъ быту на денежные капиталы всегда полагается извѣстный ростъ. Поэтому понятно, что если должникъ про- изводитъ удовлетвореніе по обязательству до срока, то тѣмъ лишаетъ себя выгоды, которую можетъ онъ получить отъ упо- требленія капитала до наступленія срока, слѣдовательно платить болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, тогда какъ вѣритель, получая капиталъ до

(*) Понятно, что во многихъ случаяхъ для вѣрителя можетъ быть инте- ресъ въ томъ, чтобы не принимать удовлетворенія до срока: напр., когда вѣритель не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ капитала, тогда какъ капиталъ, находясь въ рукахъ должника, приноситъ ему извѣстные проценты, или, напр., когда у вѣрителя нѣтъ свободнаго помѣщенія для складки товаровъ, доставленіе которыхъ составляетъ предметъ обязатель- ства, и т. п.

1) Св. зак. гр. ст. 1530, 1536.

срока и употребляя его на обороты, получаетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Спрашивается, по какому же расчету произвести удовлетвореніе, чтобъ не было излишка? Расчетъ дѣлается различно: есть именно три системы расчета досрочнаго удовлетворенія. Первая, система *Картцова* (Cartzov), состоитъ въ томъ, что изъ суммы, слѣдующей въ удовлетвореніе по обязательству, вычитаются проценты за то время, которое проходитъ между платежемъ и срокомъ обязательства, или указные проценты (6%), или проценты коммерческіе (10%), такъ что если напримѣръ слѣдуетъ заплатить a рублей и платежъ происходитъ за годъ до срока обязательства, то платится a р. безъ 6% (принимая указные $\frac{6}{100}$), или a р. безъ 10% (принимая коммерческіе $\frac{10}{100}$). Этотъ способъ расчета обыкновенно принимается въ нашей практикѣ ¹⁾. Но онъ очень нецѣлѣу, потому что a р. безъ 6% къ концу года не составятъ a рублей, такъ что вѣритель получить менѣе, чѣмъ слѣдуетъ ему, слѣ. онъ долженъ получить болѣе a р. безъ 6%, ибо только въ такомъ случаѣ полученная сумма съ процентами составитъ сумму долга. Поэтому предлагается вторая система расчета досрочнаго удовлетворенія, по которой сумма платежа опредѣляется такая, которая бы вмѣстѣ съ процентами, имѣющимися нарости до срока, равнялась суммѣ платежа, составляющей предметъ обязательства. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ расчетъ выразится формулою: $x + \frac{6}{100}x = a$. Эта система расчета принята въ Германіи и называется *гофмановою системою*, потому что предложена юристомъ *Гофманомъ*. Но и при расчетѣ по этой системѣ возможна нецѣлѣу: проценты даютъ свои проценты, такъ что къ сроку обязательства у вѣрителя окажется болѣе капиталъ, нежели сумма платежа по обязательству. Если напр. $x + \frac{6}{100}x = a$, то $x + b$ (проц. на x) $+ c$ (проц. на b) будетъ болѣе a . Поэтому *Лейбницемъ* предложена третья система расчета досрочнаго удовлетворенія, по которой рассчитываются не только проценты съ капитала, но и проценты, имѣющіе нарости на проценты (*рекалбія*), и вычитаются изъ

1) Св. зак. о суд. и вз. гр. ст. 1013 п. 7; уст. о торг. несост. ст. 1884.

суммы платежа. Напр., сумма платежа по обязательству a : сумма досрочнаго удовлетворенія выразится формулою: $x = a - b - c$. Такимъ образомъ, сумма, платимая до срока по этому расчету, есть средняя между суммою, платимою по первому расчету (она болѣе ея), и суммою, платимою по второму (она менѣе ея). Но и этотъ способъ не всегда вѣренъ и для дѣйствительности не совсѣмъ удобенъ: онъ предполагаетъ капиталъ въ ежедневномъ оборотѣ и ежедневно приносящимъ доходъ, который приноситъ свой доходъ, и. т. д.; но въ дѣйствительности не всегда есть возможность дать капиталу немедленное употребленіе, а иногда проходитъ нѣсколько времени, что онъ остается безъ движенія и не приноситъ никакого дохода; самые проценты въ дѣйствительности рассчитываются не по днямъ, а обыкновенно погодно, такъ что только по прошествіи года проценты, выросшіе на капиталъ, прилагаются къ нему и начинаютъ приносить свои проценты. Поэтому, и лейбницева система расчета удобно примѣняется только къ тѣмъ случаямъ, когда удовлетвореніе по обязательству производится за нѣсколько лѣтъ до срока платежа, или когда сумма платежа слишкомъ значительна, такъ что и въ нѣсколько мѣсяцевъ проценты на проценты могутъ составить значительную сумму, напр. къ случаямъ досрочнаго удовлетворенія по государственнымъ займамъ, заключаемымъ нерѣдко на огромную сумму и на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Къ обыкновеннымъ же оборотамъ удобно и безошибочно можетъ быть примѣняема вторая система, которая, какъ сказано, и употребляется въ Германіи, а также и въ другихъ государствахъ западной Европы. Въ особенности важно примѣненіе наиболѣе вѣрнаго способа расчета досрочнаго удовлетворенія къ тѣмъ случаямъ, когда удовлетвореніе до срока производится независимо отъ соглашенія участниковъ обязательства, какъ это бываетъ, напр., въ случаѣ несостоятельности должника ¹⁾, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, въ которыхъ удовлетвореніе

1) Св. зак. о суд. и вз. гр. ст. 1006—1008, 1013 п. 7; уст. о торг. несост. ст. 1884.

до срока производится по взаимному соглашению участников обязательства, въ юридическомъ отношеніи все равно, по той или другой системѣ опредѣляется сумма досрочнаго платежа, ибо по соглашенію участниковъ обязательства не только можетъ измѣниться его содержаніе, но можетъ прекратиться и само обязательство. Упущеніе срока удовлетворенія по обязательству называется *просрочкою*, должникъ, допустившій просрочку, называется должникомъ *неисправнымъ*. Всякая просрочка составляетъ нарушеніе права вѣрителя и влечетъ за собою всѣ послѣдствія правонарушенія. Изъ нихъ ближайшее по отношенію къ обязательствамъ то, что обязательство продолжаетъ существовать, т. е. должникъ и по прошествіи срока обязательства все-таки обязанъ совершить дѣйствіе, составляющее предметъ обязательства, развѣ по существу его дѣйствіе по истеченіи срока уже неумѣстно, или даже невозможно ¹⁾. Технически это продолженіе существования обязательства называется *перпетуаціею обязательства*. Но ею не ограничивается дѣйствіе просрочки. Должникъ, пропустившій срокъ удовлетворенія по обязательству, обязанъ вознаградить вѣрителя также и за всѣ убытки, происшедшіе для него отъ несвоевременнаго представленія удовлетворенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ само законодательство опредѣляетъ, какіе это убытки, и полагаетъ за нихъ вознагражденіе—такъ, напр., при просрочкѣ по вексельному обязательству ²⁾. Но большею частію убытки исчисляются независимо отъ прямого опредѣленія законодательства, по соображенію особыхъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая. Кромѣ того, по нѣкоторымъ обязательствамъ налагается на неисправнаго должника еще особое взысканіе—*пеня*. Иногда она опредѣляется самимъ закономъ, напримѣръ, на случай неисправности по обязательству займа ³⁾, иногда взаимнымъ соглашеніемъ контрагентовъ и называется *неустойкою*, въ пер-

1) Св. зак. гр. ст. 1549—1551, 1585, 2051 и др.

2) Уст. о векс. ст. 664.

3) Св. зак. гр. ст. 1575.

вомъ случаѣ *законою*, во второмъ *договорною* ¹⁾. Но разумѣется, что тягостныя послѣдствія просрочки могутъ быть и устранены взаимнымъ соглашеніемъ контрагентовъ, состоявшимся или по наступленіи просрочки, или предварительно, уже при заключеніи обязательства. Само законодательство даетъ примѣръ такому соглашенію, опредѣляя обстоятельства, разрушающія дѣйствія просрочки по отношенію къ обязательствамъ между частными лицами и казною (*). Независимо отъ того послѣдствія просрочки устраняются иногда тѣмъ, что отдалается срокъ обязательства, какъ бы снова устанавливается срокъ продолжительнѣе назначеннаго при заключеніи обязательства. Такое отдаленіе срока по обязательству называется *отсрочкою*. Она устанавливается или по обоюдному соглашенію участниковъ обязательства, или независимо отъ ихъ соглашенія, и въ обоихъ случаяхъ обсуживается точно также, какъ и срокъ, т. е. просрочка по обязательству наступаетъ только по истеченіи отсрочки ²⁾. Установленіе отсрочки по взаимному соглашенію участниковъ обязательства не представляетъ ничего особеннаго: точно также какъ вѣритель воленъ вовсе отказаться отъ права по обязательству, точно также, какъ скоро и должникъ на то соглашается, вѣритель въ правѣ отказаться отъ требованія дѣйствія—предмета обязательства въ настоящее время, сохраняя за собою право требовать его совершенія въ будущемъ. Но другое дѣло—установленіе отсроч-

1) Св. зак. гр. ст. 1583.

(*) Обстоятельства эти: пожаръ, наводненіе, мелководіе, неурожай, вторженіе непріятеля, правительственныя распоряженія, препятствующія исполненію по обязательству и т. п., словомъ, такія обстоятельства, которые выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ случаевъ жизни и превышаютъ силы чловѣка (св. зак. гр. ст. 1987—1990). Указывая на эти обстоятельства и признавая ихъ по отношенію къ обязательствамъ между частными лицами и казною, наше законодательство какъ бы высказываетъ мысль, что точно также какъ собственникъ несетъ всѣ несчастные случаи, разрушающіе или повреждающіе его собственность—*casum sentit dominus*,—точно также и субъектъ права по обязательству, если это право задѣвается или разрушается несчастными случаями, несетъ на себѣ ихъ послѣдствія—*casum sentit subjectum juris*.

2) Св. зак. гр. ст. 1963, 2040—2044; св. зак. о суд. и вз. гр. ст. 1044.

ки независимо отъ соглашения участниковъ обязательства, въ особенности независимо отъ соглашения вѣрителя: такая отсрочка задѣваетъ право вѣрителя и поэтому можетъ быть дарована лишь верховною властію. Но и отъ нея исходить отсрочка какъ величайшая рѣдкость и только въ случаяхъ почти явной несостоятельности должника при значительномъ его недвижимомъ имѣніи, которое общаетъ постепенное, медленное, но полное удовлетвореніе вѣрителей въ замѣнъ того неполнаго удовлетворенія, которое доставитъ имъ признаніе должника несостоятельнымъ и имѣющая за тѣмъ послѣдовать продажа его движимаго и недвижимаго имущества ¹⁾.

Въ нашей практикѣ однако предоставляется иногда отсрочка должнику и безъ соизволенія верховной власти: въ практикѣ случается, что при требованіи отъ должника удовлетворенія полицейскимъ или судебнымъ порядкомъ должникъ отзывается, что въ настоящее время онъ не можетъ произвести удовлетворенія, но что скоро дѣла его поправятся и онъ произведетъ удовлетвореніе въ такое то время, и бываетъ, что полицейское или судебное присутственное мѣсто, находя, что дѣйствительно должнику въ настоящее время нѣтъ возможности удовлетворить вѣрителя, допускаетъ отсрочку. Но съ точки зрѣнія положительнаго права должно сказать, что отсрочка въ данномъ случаѣ не можетъ быть допущена: независимо отъ отсрочки, исходящей отъ верховной власти, наше законодательство допускаетъ только отсрочку со стороны самаго вѣрителя, по соглашенію его съ должникомъ, слѣд., судебное, или другое какое-либо присутственное мѣсто не въ правѣ принять въ уваженіе объясненія должника и дать ему отсрочку, а обязано непосредственно приступить ко взысканію,

1) Въ нашемъ древнемъ правѣ акты, устанавлившіе отсрочку, назывались *политными грамотами*, и такіа грамоты распространялись иногда на цѣлыя сословія лицъ, впрочемъ всегда выдавались въ видѣ исключеній по какимъ либо особенно уважительнымъ причинамъ (*Неволюпа*, ист. гр. зак. III, стр. 127—132). Въ римскомъ правѣ отсрочка по обязательству, исходящая отъ верховной власти, называется *moratorium*. Во время существованія имперіи она часто предоставлялась придворнымъ мотамъ *Wening Civilrecht*. II, § 258.

или, если окажется, что должникъ не имѣетъ имущества для удовлетворенія вѣрителя, обязано признать его несостоятельнымъ и довольствоваться тѣмъ имуществомъ, которое оказывается у должника, тѣмъ болѣе, что если вѣритель и не получитъ полного удовлетворенія изъ наличнаго имущества должника, онъ не лишается права на пополненіе недостатка впоследствии, когда у должника явится новое имущество ¹⁾. Мы тѣмъ съ болѣею справедливостію считаемъ себя въ правѣ объявить допущеніе отсрочки судебнымъ или полицейскимъ присутственнымъ мѣстомъ дѣйствіемъ съ его стороны незаконнымъ и произвольнымъ, что эта судебная или полицейская отсрочка не существуетъ въ нашей практикѣ въ смыслѣ постоянного обычая (тогда бы мы примирились съ нею), а допускается только въ отдѣльныхъ случаяхъ, нерѣдко по поводамъ и интересамъ, не совсѣмъ чистымъ и далеко непохвальнымъ. Наконецъ, послѣдствія просрочки не наступаютъ, когда виною ея самъ вѣритель, напр., когда онъ уклоняется отъ принятія удовлетворенія, или не совершаетъ того дѣйствія, совершеніемъ котораго обуславливается производство удовлетворенія. Станнымъ можетъ показаться, что вѣритель уклоняется отъ принятія удовлетворенія. Но въ дѣйствительности это бываетъ, наиримѣръ, когда вѣритель желаетъ навязать должнику даръ, котораго онъ по чему—либо не хочетъ принять, или когда вѣритель находитъ выгоднымъ для себя помѣщеніе капитала въ рукахъ должника и хочетъ какъ бы насильно продолжить существованіе обязательства, чего не желаетъ должникъ, или, наконецъ, и то бываетъ, что вѣритель подѣскивается подъ должника, хочетъ шиканировать его, ослабить несправнымъ и тѣмъ подорвать его кредитъ. Само законодательство, имѣя въ виду явленія дѣйствительности, обращаетъ вниманіе на случай уклоненія вѣрителя отъ принятія удовлетворенія по обязательству и опредѣляетъ, что въ такомъ случаѣ удовлетвореніе по денежному обязательству можетъ быть представлено должникомъ присутственному мѣсту, судебному

1) Св. зак. о суд. и вз. гр. ст. 30—74, 1005.

или полицейскому ¹⁾). Но такой способ удовлетворенія только и возможен по такимъ обязательствамъ, предметъ которыхъ—производство денежнаго платежа; доставленіе же другихъ предметовъ, оказаніе личной услуги, совершеніе дѣйствія, обусловливаемаго какимъ-либо дѣйствіемъ самаго вѣрителя, не возможно при уклоненіи его отъ принятія удовлетворенія. Но значеніе просрочки со стороны вѣрителя не ограничивается устраненіемъ отъ должника послѣдствій позднаго удовлетворенія по обязательству: если должникъ обязанъ представить удовлетвореніе въ срокъ, то съ другой стороны можно сказать также, что и вѣритель обязанъ принять удовлетвореніе въ срокъ, такъ, что уклоненіе отъ принятія, посредственное или непосредственное, составляетъ съ его стороны нарушеніе права должника и влечетъ за собою всѣ послѣдствія правонарушенія ²⁾). Такъ, если напимѣрь, вѣритель уклоняется отъ принятія въ срокъ товара и должнику приходится хранить его, то такъ какъ храненіе товара всегда сопрягается съ издержками, вѣритель обязанъ вознаградить должника за эти издержки, равно какъ и за всѣ убытки, причиняемые ему просрочкою въ принятіи удовлетворенія. И такъ, просрочка возможна и со стороны вѣрителя. Вслѣдствіе того въ дѣйствительности высказывается иногда воззрѣніе, будто просрочка для должника только и наступаетъ при напиминаніи со стороны вѣрителя о производствѣ удовлетворенія по обязательству, и что нѣтъ просрочки со стороны должника, если вѣритель при наступленіи срока обязательства не напиминаетъ ему объ удовлетвореніи. Въ дѣйствительности, правда, большею частію бываетъ такъ, что вѣритель напиминаетъ должнику о наступленіи срока по обязательству (*). Но

1) Св. зак. гр. ст. 2055.

2) Тамъ же, ст. 569, 570, 684.

(*) Такое напиминаніе дѣлается словесно или письменно, въ торговомъ быту также присылкою должнику счета. Иногда присылается даже счетъ, подписанный должникомъ: это, разумѣется, намекъ, которымъ высказывается увѣренность, что платежъ будетъ произведенъ немедленно; но присылка должнику подписаннаго счета составляетъ рискъ для вѣрителя, ибо счетъ въ рукахъ должника принимается за доказательство платежа, опроверженіе котораго всегда очень затруднительно, а иногда и невозможно.

тѣмъ не менѣе должно сказать, что это напоминаніе не имѣетъ никакого юридическаго значенія: обязательство произвести удовлетвореніе наступаетъ въ срокъ обязательства само собою, независимо отъ напоминанія со стороны вѣрителя. Спрашивается, не имѣетъ ли напоминаніе со стороны вѣрителя по крайней мѣрѣ значенія заявленія о его намѣреніи воспользоваться тѣми выгодами, которыя предоставляетъ ему просрочка по обязательству со стороны должника, не составляетъ ли напоминаніе условія наступленія послѣдствій просрочки? Но и такого значенія напоминанію нельзя придать, потому что послѣдствія нарушенія права вѣрителя наступаютъ совершенно независимо отъ всякаго съ его стороны заявленія. Вѣритель, конечно, можетъ отречься отъ права воспользоваться выгодами просрочки, но воздержаніе отъ напоминанія должнику о наступленіи срока обязательства еще не составляетъ безмолвнаго отреченія, а вѣритель можетъ воздержаться отъ напоминанія должнику, именно имѣя въ виду, что послѣдствія, связанныя съ просрочкою по обязательству со стороны должника, наступаютъ сами собою, какъ послѣдствія нарушенія права. И такъ, съ напоминаніемъ должнику со стороны вѣрителя о наступленіи срока удовлетворенія по обязательству, хотя оно и часто дѣлается въ дѣйствительности, въ нашемъ юридическомъ быту не связывается никакого значенія ¹⁾. Но что сказать объ обязательствахъ, въ которыхъ срокъ удовлетворенія не означенъ? Такія обязательства нерѣдко встрѣчаются, и спрашивается, когда же должно быть произведено удовлетвореніе по *безсрочному обязательству*, когда вѣритель можетъ требовать совершенія дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства, когда должникъ совершеніемъ этого дѣйствія можетъ освободиться отъ него? Намъ кажется, что безсрочныя обязательства подлежатъ удовлетворенію по первому требованію вѣрителя, такъ, что если лицо обязано совершеніемъ какого-либо дѣйствія, но не опредѣлено время его совершенія, то это значитъ, что совершеніе дѣйствія

1) Ср. *Puchta*, *Curs. d. jnst.* III, § 278.

можетъ быть потребовано отъ должника въ каждую минуту. Такое положеніе относительно безсрочныхъ обязательствъ совершенно естественно: если назначенъ срокъ обязательства и вѣритель потребуетъ удовлетворенія до срока, то должникъ въ правѣ отозваться, что онъ не обязанъ удовлетворять по обязательству, потому что еще не наступилъ срокъ его, но если въ обязательствѣ срока не назначено, то должникъ никогда не можетъ отозваться ненаступленіемъ срока, такъ что и выходитъ, что по безсрочному обязательству вѣритель въ правѣ требовать удовлетворенія во всякое время. Въ нашей практикѣ очень часто опускаютъ изъ виду это значеніе безсрочныхъ обязательствъ, не понимаютъ ихъ такими, въ которыхъ отъ вѣрителя зависитъ требовать удовлетворенія въ то или другое время; оттого и бываетъ, что безсрочныя обязательства служатъ орудіемъ злоупотребленій: бываетъ, что лицо, желая злостно объявить себя несостоятельнымъ, передаетъ свое имущество, въ особенности деньги другому лицу по какому-либо безсрочному обязательству, разумѣется, лицу близкому себѣ, и лицо это на требованія со стороны кредиторовъ платежа по обязательству отвѣчаетъ, что въ настоящее время не можетъ произвести платежа, да и кредиторы не имѣютъ права требовать отъ него удовлетворенія, ибо срокъ платежа не означенъ. По нашему мнѣнію, такой отзывъ нельзя признать основательнымъ: это значило бы поставить право по обязательству въ зависимость отъ воли лица обязаннаго, такъ что если должнику вздумается вовсе не произвести удовлетворенія, онъ можетъ и это сдѣлать, отзываясь на каждое требованіе вѣрителя, что вѣритель не въ правѣ требовать удовлетворенія по обязательству въ настоящее время, но что онъ самъ произведетъ его впоследствии, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; но такая зависимость права отъ доброй воли лица обязаннаго разрушаетъ самое понятіе о правѣ. Спрашивается, съ какого же времени наступаетъ просрочка по безсрочному обязательству? Если справедливо, что по безсрочному обязательству вѣритель въ

правъ требовать удовлетворенія во всякое время, то значить, что предъявленіе требованія составляетъ срокъ по обязательству, неисполненіе же его будетъ началомъ просрочки. Но это не значить, что въ ту же минуту, какъ предъявлено вѣрителемъ требованіе удовлетворенія, должникъ обязывается произвести его, иначе подвергается послѣдствіямъ просрочки, а по соображенію самаго существа обязательства должно быть предоставлено должнику время, въ которое бы онъ безъ особеннаго стѣсненія для себя могъ совершить дѣйствіе, составляющее предметъ обязательства, и только по прошествіи уже этого времени можно считать право вѣрителя нарушеннымъ и признать наступленіе просрочки. Или иногда самъ вѣритель назначаетъ срокъ, требуя удовлетворенія по обязательству не немедленно, а къ извѣстному, болѣе или менѣе отдаленному времени. Въ такомъ случаѣ къ обязательству присоединяется срокъ и оно обсуживается точно также, какъ бы срокъ назначенъ былъ при самомъ заключеніи обязательства, т. е. просрочка начинается съ того времени, какъ истечетъ срокъ, по обязательству, назначенный вѣрителемъ. Наконецъ, по отношенію къ безсрочнымъ обязательствамъ представляется еще тотъ вопросъ: можетъ ли самъ должникъ произвести удовлетвореніе по обязательству и тѣмъ освободиться отъ него, если вѣритель не требуетъ удовлетворенія? Конечно, если вѣритель принимаетъ удовлетвореніе, представляемое ему должникомъ, то значить—онъ соглашается на разрѣшеніе обязательства и этимъ очень просто разрѣшается вопросъ. Но какъ разрѣшается онъ въ томъ случаѣ, когда вѣритель не принимаетъ удовлетворенія по обязательству? Если назначенъ срокъ обязательства, то должникъ въ правѣ требовать отъ вѣрителя принятія въ срокъ удовлетворенія, въ противномъ случаѣ вѣритель подвергается, смотря по обстоятельствамъ, тѣмъ или другимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ просрочки съ его стороны; но нельзя признать такого права за должникомъ, когда срокъ обязательства не назначенъ, потому что по такому обязательству срокъ составляетъ время требованія удовлетво-

ренія со стороны вѣрителя, а пока нѣтъ требованія, не наступаетъ и срокъ обязательства.

Наконецъ, удовлетвореніе по обязательству имѣеть извѣстное отношеніе къ *мѣсту*. Для участниковъ обязательства во многихъ случаяхъ не все равно, въ томъ или другомъ мѣстѣ будетъ произведено удовлетвореніе, напримѣръ, не все равно, на ту или другую фабрику будутъ доставлены товары. Потому, вопросъ о мѣстѣ удовлетворенія по обязательству получаетъ существенное значеніе, такъ что удовлетвореніе должно быть производимо всегда въ надлежащемъ мѣстѣ, иначе вѣритель въ правѣ не принимать удовлетворенія, или принять его, но съ условіемъ вознагражденія за убытки, причиняемые ему представленіемъ удовлетворенія не въ надлежащемъ мѣстѣ. Какое же это мѣсто, въ которомъ должно произвести удовлетвореніе по обязательству? Иногда оно опредѣляется въ самомъ обязательствѣ, иногда не опредѣляется. Въ первомъ случаѣ вопросъ о мѣстѣ удовлетворенія не представляетъ никакого затрудненія: удовлетвореніе по обязательству и должно произвести именно тамъ, гдѣ назначено. Но гдѣ должно произвести удовлетвореніе, если мѣсто его производства въ обязательствѣ не опредѣлено? Должникъ и вѣритель находятся въ одномъ городѣ: въ этомъ случаѣ также нѣтъ затрудненія при опредѣленіи мѣста удовлетворенія по обязательству, потому что все равно, опредѣлить ли, что удовлетвореніе производится по мѣсту жительства вѣрителя, или что оно производится по мѣсту жительства должника, такъ какъ эти мѣста совпадаютъ. Но и при этомъ условіи бываютъ такіе случаи, что вѣритель и должникъ находятся не въ мѣстѣ ихъ жительства, а въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, напримѣръ, въ мѣстѣ, гдѣ происходитъ ярмарка: тогда вопросъ разрѣшается по существу обязательства: если оно таково, что удовлетвореніе по нему должно быть произведено немедленно, то оно и должно быть произведено въ мѣстѣ временнаго пребыванія участниковъ обязательства ¹⁾; если же удовлетворенію

1) Св. зак. гр. напр., ст. 1494, 1495.

по обязательству назначено такое время, въ которое участники обязательства уже не будутъ находиться въ томъ же мѣстѣ, то вопросъ разрѣшается точно также, какъ и въ томъ случаѣ, когда участники обязательства имѣютъ жительство въ разныхъ мѣстахъ. И такъ, спрашивается, слѣдуетъ ли вѣрителю явиться въ мѣсто жительства должника для получения удовлетворенія, или должнику слѣдуетъ представить удовлетвореніе вѣрителю въ его мѣстожительство? Должникъ, оставаясь въ своемъ мѣстожествѣ, не производитъ удовлетворенія вѣрителю и тѣмъ нарушаетъ его право, отсутствіе же вѣрителя въ мѣстожительство должника не служитъ для него оправданіемъ неисправности, слѣдовательно удовлетвореніе должно быть произведено въ мѣстожительство вѣрителя: должникъ обязанъ явиться въ тотъ городъ, гдѣ живетъ вѣритель, и совершить то дѣйствіе, которое составляетъ предметъ его обязательства. Конечно, нѣтъ надобности, чтобъ должникъ всегда лично являлся къ вѣрителю и совершалъ это дѣйствіе: иногда удовлетвореніе, какъ, напримѣръ, производство денежнаго платежа, можетъ быть доставлено и чрезъ представителя, или по почтѣ. Такое разрѣшеніе вопроса о мѣстѣ удовлетворенія по обязательству можетъ показаться еще недовольно точнымъ: можно спросить еще, въ какомъ именно домѣ, или помѣщеніи должно произвести удовлетвореніе? Но и этотъ вопросъ разрѣшается точно также, какъ вопросъ о мѣстѣ удовлетворенія вообще: удовлетвореніе должно быть представлено должникомъ въ квартиру, или контору вѣрителя, а не вѣритель обязанъ явиться за полученіемъ удовлетворенія въ квартиру, или контору должника, хотя въ дѣйствительности и бываетъ нерѣдко, что самъ вѣритель является къ должнику и требуетъ отъ него удовлетворенія *).

Дѣйствіе, оказываемое удовлетвореніемъ по обязательству, заключается въ его прекращеніи, но конечно при томъ условіи, что удовлетвореніе произведено соотвѣтствен-

1) Св. зак. гр. ст. 1521; *Thibaut, System d. Pand.*—Rts (Jena, 1834), II § 654.

но всѣмъ требованіямъ, вытекающимъ для него изъ существа обязательства. Поэтому, напр., удовлетвореніе несвоевременное не прекращаетъ обязательства, а требуется нѣчто болѣе, добавокъ для того, чтобы оно прекратилось по удовлетворенію. Или, напр., когда предметъ обязательства составляетъ цѣлый рядъ дѣйствій, то только совершеніемъ послѣдняго дѣйствія прекращается обязательство. Но между одними и тѣми же лицами можетъ существовать нѣсколько обязательствъ, и притомъ всѣ они могутъ быть однородны, напр., всѣ могутъ имѣть предметомъ производство денежнаго платежа: тогда возникаетъ вопросъ, къ какому обязательству отнести производство удовлетворенія? Прежде всего вопросъ разрѣшается волею должника: удовлетвореніе по обязательству—его дѣйствіе, слѣдовательно, представляя удовлетвореніе, онъ въ правѣ указать, къ какому обязательству оно относится. Если же должникъ не объясняетъ, къ какому обязательству относится удовлетвореніе, то естественно принять, что онъ предоставляетъ вѣрителю отнести удовлетвореніе къ какому обязательству, такъ что тогда уже вопросъ разрѣшается волею вѣрителя. Но и вѣритель иногда не объясняетъ немедленно по полученіи удовлетворенія, къ какому обязательству онъ относитъ его: тогда остается только разрѣшить вопросъ по предположенію. И вотъ прежде всего предполагается желаніе должника отнести удовлетвореніе къ обязательству, для него наиболѣе тягостному. Такъ, если по одному обязательству, существующему между вѣрителемъ и должникомъ, платятся проценты, а по другому не платятся, то предполагается, что должникъ производитъ удовлетвореніе по первому обязательству, по которому платятся проценты. Точно также, если одно обязательство обезпечено, напр., залогомъ, а другое не обезпечено, то предполагается, что удовлетвореніе относится къ обязательству обезпеченному, какъ наиболѣе тягостному. Но если и предположеніе въ пользу того или другаго обязательства по наибольшей его тягости для должника не можетъ имѣть мѣста, ибо всѣ обязательства одинаково тягостны, то отдается преимущество обязательству старшему по времени: естественно предположить, что должникъ

прежде всего очищает старыя обязательства, по очереди. Наконецъ, если равно тягостныя обязательства одновременны, такъ что и по очереди ихъ нельзя опредѣлить, къ которому обязательству относится удовлетвореніе, то остается принять только, что удовлетвореніе распредѣляется на всѣ обязательства по соразмѣрности. Но разумѣется, что дается значеніе тому или другому предположенію, въ такомъ только случаѣ, когда во время производства удовлетворенія наступилъ уже срокъ нѣсколькимъ обязательствамъ, существующимъ между вѣрителемъ и должникомъ, а не берутъ въ расчетъ тѣ обязательства, которымъ срокъ еще не наступилъ, ибо до срока они и не подлежатъ удовлетворенію, развѣ только по особому соглашенію участниковъ обязательства, котораго въ данномъ случаѣ мы не предполагаемъ, или, лучше сказать, котораго именно нѣтъ, почему и приходится рѣшить вопросъ по предположенію ¹⁾.— Но какъ доказать производство удовлетворенія по обязательству: значеніе его очень важно, ибо оно прекращаетъ обязательство, а между тѣмъ само по себѣ производство удовлетворенія не оставляетъ слѣда? Какъ о существованіи обязательства не рѣдко свидѣтельствуетъ письменный актъ, также точно и о фактѣ, прекращающемъ обязательство, составляется иногда письменный актъ, называемый *роспискою* или *квитанціею*. Какъ обязательство считается существующимъ по признанію должника, точно также и производство удовлетворенія по обязательству можно считать достовѣрнымъ по признанію вѣрителя. Слѣдовательно, какъ актъ обязательства исходитъ отъ имени должника, такъ росписка должна исходить отъ имени вѣрителя. Такъ и бываетъ въ дѣйствительности: росписка представляется актомъ, въ которомъ вѣритель заявляетъ о полученіи имъ удовлетворенія по обязательству, должникъ же въ этомъ актѣ не принимаетъ никакого участія, подобно тому, какъ вѣритель не принимаетъ участія въ актѣ такого обязательства, по которому ему принадлежитъ только право, а не возлагается на него никакой обязанности. Росписка эта или соединяется съ долго-

1) *Wening, Civilrecht. II, § 245.*

вымъ актомъ, значится на немъ, что очень естественно, такъ какъ удовлетвореніе прекращаетъ обязательство, а долговой актъ свидѣтельствуеетъ о его существованіи, или дается отдѣльно отъ долговаго акта, составляетъ собою особый актъ ¹⁾. Въ послѣднемъ случаѣ важно, чтобъ росписка именно указывала, какое обязательство прекращается удовлетвореніемъ, ибо при этомъ только условіи росписка удобно служить доказательствомъ удовлетворенія, а иначе вѣритель можетъ отозваться, что данная имъ росписка относится къ другому обязательству, существовавшему между нимъ и должникомъ, и тогда предъявителю росписки особыми фактами придется доказать, что она относится именно къ тому обязательству, по которому вѣритель требуетъ вторичнаго удовлетворенія, но доказать это чрезвычайно трудно, а иногда и невозможно. Но росписка не единственное доказательство удовлетворенія по обязательству: ей равняется по доказательной силѣ принятое вѣрителемъ заявленіе самаго должника о производствѣ удовлетворенія. Такое заявленіе представляется обыкновенно въ формѣ *надписи должника на документъ обязательства*: онъ хранится у вѣрителя, и для должника нѣтъ возможности сдѣлать на немъ подпись о производствѣ удостовѣренія безъ согласія на то вѣрителя, но вѣритель, конечно, не дастъ своего согласія, не получивъ удовлетворенія, поэтому-то надпись должника на долговомъ документѣ о производствѣ удовлетворенія и равносильна роспискѣ самаго вѣрителя въ полученіи платежа ²⁾. Наконецъ, еще есть актъ, которому приписывается значеніе, одинаковое съ роспискою—это *захрипваніе*, или *наддраніе* долговаго документа ³⁾. Но разумѣется, чтобъ захрипваніе, или наддраніе акта обязательства имѣло это значеніе, нужно, чтобъ оно исходило отъ самаго вѣрителя: поэтому, если вѣритель докажетъ, что не онъ наддралъ, или за-

1) Св. зак. гр. ст. 2052, 2054.

2) По крайней мѣрѣ въ практикѣ надписи должника на документъ обязательства всегда придается тоже значеніе, какое имѣетъ росписка вѣрителя въ полученіи платежа.

3) Св. зак. гр. ст. 1553.

хѣрилъ актъ обязательства, то наддраніе или захѣриваніе не имѣетъ никакого значенія. Должно сознаться однако же, что всѣ эти доказательства удовлетворенія по обязательству не доказываютъ, собственно, самага производства удовлетворенія, а только прекращеніе обязательства, которое можетъ послѣдовать и независимо отъ удовлетворенія. Такъ, росписка вѣрителя въ полученіи удовлетворенія по обязательству большею частію дается, конечно, по дѣйствительномъ полученіи удовлетворенія, но вѣритель можетъ дать росписку, и не получивъ удовлетворенія, что и бываетъ иногда на самомъ дѣлѣ: тогда росписка эта собственно имѣетъ значеніе отреченія вѣрителя отъ права по обязательству, значеніе дара въ пользу должника. Тоже самое должно сказать и о надписи должника на долговомъ документѣ о производствѣ удовлетворенія: и не получивъ удовлетворенія, вѣритель можетъ дозволить должнику сдѣлать такую надпись, и значеніе ея при безденежности то же, что и значеніе безденежной росписки. Наконецъ, и захѣриваніе или наддраніе долговаго документа иногда имѣетъ значеніе прощенія долга, отреченія вѣрителя отъ права по обязательству: вѣритель уничтожаетъ долговой документъ и тѣмъ лишаетъ себя возможности доказать существованіе обязательства. Такимъ образомъ, ни одно изъ доказательствъ производства удовлетворенія по обязательству не доказываетъ, собственно, дѣйствительнаго производства удовлетворенія, а всѣ они непосредственно доказываютъ только прекращеніе обязательства. Правда, для самага обязательства все равно, тѣмъ или другимъ способомъ оно прекращается, производствомъ ли удовлетворенія со стороны должника, или иначе: въ томъ и другомъ случаѣ оно перестаетъ оказывать вліяніе на юридическія отношенія лицъ. Но есть разница въ послѣдствіяхъ прекращенія обязательства по удовлетворенію, или по отреченію отъ права со стороны вѣрителя: отреченіе отъ права имѣетъ значеніе дара въ пользу должника, а даръ въ извѣстныхъ случаяхъ прекращается ¹⁾. И если доказательства про-

1) Св. зак. гр. ст. 1547; уст. о торг. несост. ст. 1932—1934.

производства удовлетворенія по обязательству, по существу своему, могут не соответствовать на дѣлѣ видимому значенію, то ихъ нельзя считать непреложными, а они способны подлежать опроверженію, которое дѣйствительно и допускается, и какъ скоро будетъ доказано, что обязательство прекратилось только повидимому платежемъ, въ сущности же по отреченію вѣрителя отъ права, то прекращеніе обязательства обсуживается какъ даръ со стороны вѣрителя должнику и влечетъ за собою всѣ послѣдствія дара. Поэтому-то нельзя сказать, чтобъ для должника было все равно, произведено, или не произведено удовлетвореніе по обязательству, какъ скоро въ рукахъ его есть, напримѣръ, росписка вѣрителя въ полученіи удовлетворенія, потому что самая росписка эта, какъ доказательство, можетъ быть опровергнута, и тогда наступятъ иныя послѣдствія, нежели какія имѣли бы мѣсто при дѣйствительномъ производствѣ удовлетворенія. Трудно, конечно, а иногда даже и совсѣмъ невозможно доказать, что удовлетвореніе по обязательству не было произведено, когда у должника есть росписка вѣрителя въ полученіи платежа, или другое доказательство производства удовлетворенія, но бываютъ случаи, что это и доказывается.

ИСТОЧНИКИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЪ.

Принимаются обыкновенно три источника обязательствъ: законъ, договоръ и правонарушеніе, такъ что всѣ обязательства по происхожденію ихъ дѣлятся на три вида: обязательства вытекающія изъ закона, обязательства, вытекающія изъ договора, и обязательства, вытекающія изъ нарушенія правъ. Различіе между этими видами обязательствъ въ практическомъ отношеніи очень важно, потому что юридическое значеніе обязательства весьма много зависитъ отъ того, изъ какого источника оно вытекаетъ: вытекая изъ одного источника, обязательство обсуживается по однимъ началамъ, вытекая изъ дру-

гаго, оно обсуживается по другимъ началамъ. Напримѣръ, обязательство, вытекающее изъ договора, обсуживается ближайшимъ образомъ на основаніи соглашенія, состоявшагося между контрагентами ¹⁾, тогда какъ, напримѣръ, обязательство, вытекающее изъ закона, обсуживается по его опредѣленію, воля же участниковъ обязательства непосредственно тутъ не имѣетъ значенія. Но это различіе между обязательствами по ихъ происхожденію не должно понимать въ томъ смыслѣ, будто обязательства, вытекающія изъ договора или правонарушенія, не суть обязательства законныя: и для нихъ послѣднее основаніе—также юридическія опредѣленія, существующія въ обществѣ. Если же мы говоримъ о законѣ, договорѣ и правонарушеніи, какъ объ отдѣльныхъ источникахъ обязательствъ, то говоримъ о нихъ только, какъ о непосредственныхъ источникахъ, изъ которыхъ выливаются обязательства. Такъ, о законѣ, какъ источникѣ обязательствъ идетъ рѣчь въ томъ смыслѣ, что иногда содержаніемъ закона налагается на какое-либо лицо имущественное обязательство, такъ что другое лицо, физическое или юридическое, въ правѣ требовать отъ лица обязаннаго совершенія въ свою пользу извѣстнаго дѣйствія непосредственно на основаніи закона. Таково, напримѣръ, обязательство гражданина платить государству подати, или, напримѣръ, обязательство дѣтей оказывать призрѣніе ихъ престарѣлымъ родителямъ, и. т. п. *Договоръ* признается источникомъ обязательствъ въ томъ смыслѣ, что право на чужое дѣйствіе вытекаетъ непосредственно не изъ опредѣленія закона, а изъ взаимнаго соглашенія извѣстныхъ лицъ. Напримѣръ, А занимаетъ деньги у В и вслѣдствіе того В приобретаетъ право въ извѣстное время потребовать отъ А платежа денегъ: непосредственное основаніе этого требованія заключается въ договорѣ займа. Наконецъ, *нарушеніе права* представляется источникомъ обязательствъ въ томъ смыслѣ, что безъ нарушенія обязательство не существуетъ. Напримѣръ, А, вслѣдствіе

1) Св. зак. гр. ст. 1538, 1539.

того, что В нарушил его право, приобретает право требовать от него вознаграждения за убытки: обязательство В следовательно выливается непосредственно из правонарушения. Но повторяем, последнее основание всех обязательств—юридическія опредѣленія, существующія въ обществѣ, какъ нормы, опредѣляющія юридическую сторону его быта (*).

РИСКЪ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМЪ.

Каждое обязательство сопровождается *рискомъ* или *страхомъ*. Дѣйствіе, составляющее предметъ обязательства и представляющееся при заключеніи его возможнымъ, можетъ оказаться впоследствии невозможнымъ; невозможность же совершения дѣйствія составляетъ ущербъ въ имуществѣ, и вотъ обязательство нести этотъ ущербъ тому или другому участнику и составляетъ рискъ или страхъ по обязательству (*periculum*). Такая невозможность совершения дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ обстоятельствъ можетъ наступить относительно каждаго дѣйствія, по этому то мы и сказали, что каждое обязательство сопровождается рискомъ. А обязанъ доставить извѣстную вещь В, но А лишается возможности доставить эту вещь, напимѣръ, потому, что она сгорѣла: если А тѣмъ не менѣе обязанъ доставить В другую вещь, равноцѣнную, то значитъ, что совершеніе дѣйствія предмета обязательства оказывается невозможнымъ къ ущербу А, рискъ по обязательству на его сторонѣ; но если А не обязанъ доставить В другую, равноцѣнную вещь, то рискъ по обязательству на сторонѣ В. А обязанъ доставить В извѣстную вещь, а В обязанъ уплатить за то А извѣстную сумму денегъ, впоследствии вещь сгораетъ и А лишается возможности доставить ее В: если и В вслѣдствіе того перестаетъ быть обя-

(*) Изложеніе отдѣльных видовъ обязательствъ, вытекающихъ изъ трехъ непосредственныхъ источниковъ—закона, договора и правонарушения, мы не включаемъ въ настоящую статью. *Изд.*

ваннымъ уплатить А условленную сумму денегъ, то, очевидно, рискъ по обязательству на сторонѣ А, потому что онъ, лишаясь вещи, лишается и права на получение вознагражденія; но если В тѣмъ же не менѣе обязанъ уплатить А условленную сумму, то рискъ по обязательству на сторонѣ В, потому что, не получая вещи, онъ все-таки платитъ деньги, опредѣленные за ея доставленіе. Къ этимъ видамъ сводятся всѣ разнообразныя случаи риска по обязательствамъ. Кто же, спрашивается, изъ участниковъ обязательства несетъ рискъ, должникъ, или вѣритель? Въ вещномъ правѣ всѣ поврежденія въ имуществѣ, происходящія отъ несчастнаго случая, падаютъ на счетъ субъекта права ¹⁾, что и выражается классическою формулою: *casum sentit dominus*. Если бы эту же формулу примѣнить къ обязательствамъ, то должно бы сказать, что ущербъ, происходящій отъ невозможности исполненія дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства, падаетъ на счетъ субъекта права по обязательству, т. е. что страхъ по обязательству всегда на сторонѣ вѣрителя. Но вопросъ объ обязательствѣ нести страхъ разрѣшается въ обязательственномъ правѣ по инымъ началамъ, нежели въ вещномъ правѣ, такъ что иногда страхъ по обязательству можетъ быть дѣйствительно на сторонѣ вѣрителя, но иногда, и должно сказать большею частію, онъ находится на сторонѣ должника. Прежде всего, конечно, и въ обязательственномъ правѣ имѣетъ силу непреложно справедливое правило, что ущербъ, происходящій въ имуществѣ, падаетъ на счетъ субъекта права, становится дѣйствительно для него ущербомъ, лишь тогда, когда онъ произошелъ отъ несчастнаго случая, а не отъ дѣйствія другаго лица, такого дѣйствія, которое составляетъ собою нарушение права, въ противномъ случаѣ ущербъ падаетъ на лицо, нарушившее право, ибо нарушение права рождаетъ для виновнаго обязательство вознаградить лицо, чье право нарушено, за всѣ убытки, понесенныя имъ вслѣдствіе правонарушенія ²⁾.

1) Св. зак. гр. ст. 647.

2) Тамъ же, ст. 644, 648, 684.

Поэтому, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ при опредѣленіи, къ чьему ущербу отнести наступившую невозможность совершенія дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства, прежде всего должно обращать вниманіе на то, не произошелъ ли ущербъ вслѣдствіе нарушенія права противною стороною. Но далѣе, по отношенію къ вопросу, кому нести страхъ по обязательству—должнику, или вѣрителю, должно различать обязательства одностороннія и взаимныя, потому что въ тѣхъ и другихъ обязательство нести страхъ опредѣляется различно. Въ обязательствахъ одностороннихъ, по самому существу ихъ, рискъ всегда на сторонѣ вѣрителя ¹⁾. А обязанъ доставить В извѣстную вещь, но она сгораетъ и для А нѣтъ уже возможности исполнить обязательство: эта невозможность наступила безъ вины А, безъ нарушенія права съ его стороны, слѣдовательно для него нѣтъ обязательства вознаградить В, такъ что дѣйствіе—предметъ обязательства—совершается къ ущербу вѣрителя, рискъ на его сторонѣ. Другое дѣло, если одностороннее обязательство родовое, или предметъ его опредѣляется мѣрою, вѣсомъ, или счетомъ: тогда гибель одной вещи не освобождаетъ должника отъ обязательства, и онъ обязанъ представить вѣрителю другую вещь. Напримѣръ, А обязанъ доставить В лошадь, не опредѣленную именно лошадь, а вообще лошадь, впослѣдствіи одна изъ его лошадей умираетъ: тѣмъ не менѣе А обязанъ доставить В другую лошадь. И точно также, если у А только одна лошадь и погибаетъ, онъ все-таки обязанъ пріобрѣсти другую лошадь и доставить ее В, если не тотъ именно индивидуумъ, который находится у А, составляетъ предметъ односторонняго обязательства. Повидимому этотъ случай разрѣшается отлично отъ перваго: тогда какъ въ первомъ случаѣ рискъ по обязательству на сторонѣ вѣрителя, во второмъ онъ какъ будто на сторонѣ должника. Но это только повидимому: родовое обязательство исполняется представленіемъ каждаго вида родоваго понятія, такъ что развѣ по исключенію дѣйствіе, составляющее

2) Puchta, Pand. § 269.

предметъ такого обязательства, можетъ оказаться дѣйствіемъ невозможнымъ, и вотъ поэтому-то съ погибелью одного вида родового понятія мы не признаемъ прекращенія односторонняго родового обязательства. Въ обязательствахъ двустороннихъ вопросъ объ обязаности нести рискъ можно разрѣшить въ пользу вѣрителя, или въ пользу должника, смотря потому, какъ считать дѣйствіе вѣрителя, составляющее эквивалентъ дѣйствія должника: если считать обязательство вѣрителя эквивалентомъ самаго обязательства должника, то въ случаѣ невозможности совершенія дѣйствія, составляющаго предметъ обязательства, безъ вины лица обязаннаго, вѣритель все-таки долженъ представить эквивалентъ, слѣдовательно рискъ на сторонѣ вѣрителя; но если считать обязательство вѣрителя эквивалентомъ не обязательства должника, а самаго дѣйствія, совершаемаго въ пользу вѣрителя, то, конечно, если совершеніе дѣйствія оказывается невозможнымъ и оно не совершается, то и вѣритель не обязанъ исполнять свое обязательство, представлять эквивалентъ, слѣдовательно дѣйствіе-предметъ обязательства—совершается къ ущербу должника, т. е. рискъ по обязательству на его сторонѣ. Сама естественная справедливость ведетъ къ тому, чтобы считать обязательство вѣрителя эквивалентомъ не обязательства должника, а самаго дѣйствія, совершаемаго имъ въ пользу вѣрителя, такъ что во взаимныхъ обязательствахъ развѣ только по исключенію рискъ можетъ быть на сторонѣ вѣрителя, тогда какъ въ обязательствахъ одностороннихъ, по самому существу дѣла, рискъ падаетъ на вѣрителя и только по исключенію можетъ оказаться на сторонѣ должника ¹⁾. Напримѣръ, заключается договоръ найма, по которому лицо пріобрѣтаетъ право жить на дачѣ другаго лица и обязывается платить за то извѣстную сумму денегъ; но до перехода нанимателя на дачу она стораецъ: наниматель не обязанъ платить наемную плату, потому что она платится за пользованіе вещью, за удовлетвореніе его потребности, а не за одно обя-

1) *Puchta*, Pand. § 259.

зательство хозяина вещи предоставить ее въ пользование на-
 нимателя. Но каково бы ни было обязательство, на которой
 бы изъ сторонъ, участвующихъ въ немъ, ни лежалъ страхъ
 по обязательству, какъ скоро одна изъ нихъ нарушаетъ пра-
 во другой, къ ней переходитъ и страхъ по обязательству, хо-
 тя бы до того времени онъ былъ на противной сторонѣ ¹⁾.
 Напримѣръ, заключенъ договоръ поклажи, по которому извѣст-
 ная вещь отдана на сохраненіе, но по требованію хозяина
 она не возвращена ему въ опредѣленное время лицомъ, при-
 нявшимъ ее на сохраненіе, а впоследствии вещь сгорѣла: до
 требованія выдачи вещи страхъ по обязательству былъ на
 сторонѣ вѣрителя, хозяина вещи, и если бы она сгорѣла въ
 это время, лицо, принявшее ее на сохраненіе, не отвѣчало
 бы за ея уничтоженіе отъ пожара; но, не выдавъ вещь по
 требованію ея хозяина, лицо, принявшее ее на сохраненіе, тѣмъ
 нарушило право хозяина вещи и вслѣдствіе того къ нему уже,
 т. е. къ лицу обязанному, перешелъ страхъ по обязательству,
 такъ что, какъ скоро вещь сгорѣла и выдача ея сдѣлалась
 невозможною, то ему приходится вознаградить хозяина вещи
 за ея погибель, не по предположенію, что вещь не сгорѣла
 бы въ домѣ хозяина—такое предположеніе могло бы быть еще
 и опровергнуто—не по предположенію вины лица обязаннаго.
 его нерадѣнія о вещи, принятой на сохраненіе—и это пред-
 положеніе, пожалуй, могло бы быть опровергнуто,—а именно
 потому, что, не выдавъ вещь по требованію ея хозяина, лицо
 обязанное тѣмъ нарушило право вѣрителя и вслѣдствіе того
 становится обязаннымъ отвѣтствовать и за случайный вредъ,
 которому можетъ подвергнуться вещь, словомъ, къ нему пе-
 реходитъ страхъ по обязательству, обязанность нести убытки,
 могущіе произойти вслѣдствіе наступленія невозможности со-
 вершить дѣйствіе, составляющее предметъ обязательства ²⁾.
 Такими началами опредѣляется обязанность нести страхъ по

1) *Puchta*, Pand. § 260.

2) Св. зак. гр. ст. 2115.

обязательству. Но, разумѣется, по взаимному соглашенію между участниками обязательства можетъ быть опредѣлено и иначе: рискъ можетъ быть переданъ должнику, тогда какъ, независимо отъ такого соглашенія по существу обязательства, онъ былъ бы на сторонѣ вѣрителя, точно также можетъ быть и наоборотъ. Въ такомъ случаѣ вопросъ объ обязательствѣ нести рискъ прежде всего долженъ быть разрѣшаемъ на основаніи соглашенія. Наконецъ, страхъ по обязательству по особому договору, называемому *договоромъ застрахованія*, можетъ быть переданъ и стороннему лицу: точно также, какъ страхъ, сопровождающій вещное право, по договору застрахованія передается стороннему лицу, напримѣръ, страхъ собственника дома или вообще строенія передается компаніи страховаго отъ огня общества, точно также можетъ быть переданъ стороннему лицу и страхъ по обязательству. Такъ иногда и бываетъ въ дѣйствительности: напримѣръ, хозяинъ дома, или хозяинъ товаровъ застраховываетъ свое имущество у сторонняго лица, отдѣльнаго лица или страховаго общества; но такъ какъ, подобно всякому обязательству, и обязательство, вытекающее изъ договора застрахованія, сопровождается извѣстнымъ рискомъ, страховщикъ можетъ оказаться несостоятельнымъ, то собственникъ имущества вступаетъ иногда вторично въ договоръ застрахованія съ другимъ стороннимъ лицомъ, за извѣстную премію передаетъ ему страхъ по обязательству, вытекающему изъ перваго договора, и приобрѣтаетъ отъ него право требовать вознагражденія въ случаѣ несостоятельности перваго страховщика. По взаимному соглашенію между участниками обязательства, или между участниками обязательства и сторонними лицами могутъ быть постановлены также и различныя сочетанія: напр., страхъ можетъ быть принятъ на половину, на треть обязательства; равнымъ образомъ, страхъ можетъ быть принятъ только при извѣстныхъ условіяхъ, на опредѣленное время и т. д.

1. Рискъ... 2. 200.
В. С. 200. 10. 11. 12.

ПРЕКРАЩЕНІЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЪ

Намъ остается сказать о прекращеніи обязательствъ. Способы ихъ прекращенія распадаются на двѣ группы: первую составляютъ способы, направленные къ прекращенію обязательствъ, такъ что они представляются дѣйствіями, именно предпринятыми съ тѣмъ, чтобы прекратить известное обязательство; вторую группу составляютъ такіе способы, которые прекращаютъ обязательства, хотя дѣйствія или факты, составляющіе эти способы, не направляются къ прекращенію обязательствъ, но прекращаютъ ихъ по существу своему. Къ способамъ первой группы принадлежатъ: 1) *удовлетвореніе по обязательству*: оно представляется актомъ, котораго цѣль непосредственно заключается въ прекращеніи обязательства. Но мы уже прежде подробно говорили объ этомъ способѣ прекращенія обязательствъ, равно какъ и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ удовлетвореніе прекращаетъ обязательство, такъ что въ настоящее время намъ нѣтъ надобности распространяться объ этомъ способѣ прекращенія обязательствъ. 2) *Обновленіе обязательства* (*novatio*)¹⁾. Въ сущности оно состоитъ въ замѣнѣ одного обязательства другимъ, устанавливаемымъ на мѣсто прежняго. Такая замѣна или явственно выражается, или безмолвно, именно заключеніемъ новаго обязательства. Но бывають и такіе случаи, что обновленіе обязательства происходитъ даже безъ непосредственнаго объявленія на то воли его участниковъ. Такіе случаи представляются именно, когда по обязательствамъ возникаютъ споры между участниками и доходитъ дѣло до судебного разбирательства: опредѣленіе суда, разрѣшающее споръ, устанавливаетъ для одной стороны право, для другой обязательство, уже независимо отъ обязательства, по поводу котораго возникъ споръ

1) Puchta, Pandekt. §. 276, 277.

и судебное изслѣдованіе, такъ что рѣшеніе суда, составляющее само по себѣ источникъ обязательства, становится на мѣсто обязательства прежняго. По соображенію такихъ случаевъ въ римскомъ правѣ обновленіе раздѣляется на *добровольное* (*novatio voluntaria*) и *необходимое* (*novatio neces-saria*). Обновленіе обязательства добровольное происходитъ или между тѣми же лицами, которыя были участниками въ первомъ обязательствѣ, или и между другими лицами, такъ что иногда въ обязательствѣ, замѣняющемъ прежнее, на той или другой сторонѣ, или даже на обѣихъ является новое лицо. Въ первомъ случаѣ обновленіе называется *простымъ*, во второмъ *сложнымъ* или *квалифицированнымъ*, которое опять, смотря по тому, представляется ли новый участникъ на сторонѣ должника, или вѣрителя, называется *экспромиссіею* (*expromissio*), или *делегациею* (*delegatio*) (*). Для обновленія обязательства требуется: а) два обязательства, обновляемое и обновляющее, установленіемъ котораго прекращается первое обязательство. Интересенъ въ особенности случай, когда одно изъ подлежащихъ обязательствъ представляется условнымъ. Положимъ, заключено условное обязательство и впоследствии обновлено другимъ, безусловнымъ: если наступитъ условіе, то второе обязательство разсматривается какъ дѣйствительное и слѣдовательно обновленіе не встрѣчаетъ никакого препятствія; если же условіе не наступитъ, то обязательство не существуетъ, значить нѣтъ обязательства, которое бы подлежало обновленію, а поэтому и обязательство обновляющее недѣйствительно. Но, положимъ, за-

(*) Но это сложное обновленіе обязательства не совпадаетъ съ уступкою права по обязательству, или съ замѣною должника другимъ лицомъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ представляется то же самое обязательство, только что оно продолжается при участіи новаго вѣрителя или новаго должника, тогда какъ въ случаѣ обновленія обязательства является новое обязательство, которое можетъ установлять для вѣрителя другое право и вообще рождаетъ новыя юридическія отношенія, тогда какъ при уступкѣ права цессіонарій продолжаетъ только тѣ отношенія, которыя существовали для цедента, или новый должникъ является обязаннымъ совершеніемъ того же дѣйствія, которымъ обязанъ былъ прежній должникъ.

ключено обязательство безусловно и впоследствии замѣнено другимъ, условнымъ. Если наступитъ условіе, то, разумѣется, представляется обновленіе; но если условіе не наступитъ, то второе обязательство не существуетъ, значитъ нѣтъ обязательства, которое бы замѣнило первое, и поэтому первое обязательство сохраняетъ свою силу. б) Требуется, чтобы второе обязательство было заключено съ мыслию устранить первое, требуется *намѣреніе обновленія*. Во многихъ конкретныхъ случаяхъ самое заключеніе новаго обязательства не иначе можетъ быть разъяснено, какъ намѣреніемъ контрагентовъ устранить помощью этого новаго обязательства прежнее, существовавшее между ними обязательство. Но встрѣчаются и такіе случаи, въ которыхъ это намѣреніе ясно не выражается при заключеніи втораго обязательства: тогда должно допустить, что оба обязательства сохраняютъ силу, развѣ должникъ докажетъ, что первое обязательство устранено вторымъ. Дѣйствіе обновленія заключается въ томъ, что обязательство обновляющее совершенно устраняетъ обязательство обновляемое со всѣми его дѣйствіями, такъ что, (и это въ особенности важно замѣтить), и обезпеченіе, существующее для обновляемаго обязательства, въ случаѣ новации прекращается. Напр., существуетъ заемъ, обезпечиваемый залогомъ, но впоследствии этотъ заемъ устраняется другимъ долговымъ обязательствомъ въ видѣ новации: разумѣется, что съ прекращеніемъ займа, прекращается и право залога, и новое обязательство является уже безъ обезпеченія. Если же участники обязательства имѣютъ въ виду перенести обезпеченіе и на новое обязательство, то должно быть составлено о томъ особое соглашеніе, и если установленіе обезпеченія сопрягается съ какими-либо формальностями, какъ напр., установленіе залога по недвижимому имуществу, то необходимо новое совершеніе этихъ формальностей. Въ практикѣ часто встрѣчается этотъ способъ прекращенія обязательствъ, въ особенности въ видѣ *переписки документа*, какъ говорится въ практикѣ: такая переписка обыкновенно имѣетъ цѣлю установить новый срокъ по обязательству, предоставить должнику

отсрочку, но въ сущности такое предоставленіе отсрочки составляетъ ничто иное, какъ замѣну одного обязательства другимъ, такъ что прежнее обязательство прекращается со всѣми своими послѣдствіями, а на мѣсто его становится новое обязательство. 3) *Истечение срока, или наступленіе резолютивного условія*: понятно, что если обязательство заключено на срокъ, или время продолженіе его поставлено въ зависимость отъ какого либо условія, то какъ скоро срокъ истекаетъ, или наступаетъ условіе, обязательство прекращается. 4) *Давность*¹⁾; какъ скоро искъ, прикрывающій право по обязательству, прекращается по давности, прекращается и право, вытекающее изъ обязательства, т. е. прекращается само обязательство. 5) *Отступленіе вѣрителя отъ требованія удовлетворенія по обязательству*²⁾, при чемъ вѣритель дѣйствуетъ односторонне, или по соглашенію съ должникомъ. Одностороннее отступленіе вѣрителя, отреченіе, имѣетъ значеніе дара (вѣритель прощаетъ долгъ) и дѣйствіе обсуживается какъ дареніе, такъ что на сколько вообще существенно для дѣйствительности даренія принятіе дара, на столько же и для прощенія долга существенно согласіе должника, или на сколько вообще дареніе можетъ быть признано недѣйствительнымъ, на столько же можетъ быть признано недѣйствительнымъ и прощеніе долга. Отступленіе вѣрителя отъ обязательства по соглашенію съ должникомъ имѣетъ значеніе договора. Но это соглашеніе возможно въ двоякомъ видѣ: а) или заключается договоръ, по которому вѣритель обязывается не требовать удовлетворенія по существующему обязательству: это *actum de non petendo* римскаго права. Обязательство само по себѣ, слѣдовательно, существуетъ, только что дѣйствіе его парализируется договоромъ, по которому вѣритель лишается возможности отыскивать удовлетворенія по обязательству. б) Или заключается договоръ, непосредственно направляемый къ прекращенію обязательства: это

1) Св. зак. гр. ст. 1549, 1550.

2) Тамъ же, ст. 1547.

mutuus dissensus римскаго права: цѣль договора—именно прекращеніе прежняго обязательства. Въ практическомъ отношеніи между этими двумя договорами разница значительная: тогда какъ договоръ о прекращеніи обязательства уже не оставляетъ отъ него никакого слѣда, разрушаетъ его совершенно,—послѣ договора, по которому вѣритель обязывается только не требовать удовлетворенія по обязательству, слѣдъ обязательства остается, и самый договоръ можетъ быть заключенъ ограниченно, относительно только, напр., такъ, что вѣритель лично обязывается не требовать удовлетворенія по обязательству,—тогда договоръ не обязательенъ для наслѣдника вѣрителя,—или, напр., такъ, что вѣритель обязывается только не требовать удовлетворенія отъ должника, но не отъ наслѣдника его.

Вторую группу составляютъ: 1) учѣтъ или *компенсація*, т. е. прекращеніе или погашеніе одного обязательства по дѣйствию другаго, которое также прекращается ¹⁾. Напр., А долженъ В, а В въ свою очередь долженъ А, и вслѣдствіе того прекращаются оба обязательства, какъ обязательство А, такъ и обязательство В. Но такой способъ прекращенія обязательствъ можетъ имѣть мѣсто только при слѣдующихъ условіяхъ: а) когда оба обязательства дѣйствительны; б) когда одно обязательство покрываетъ другое; в) когда оба они однородны; г) когда оба подлежатъ удовлетворенію; наконецъ, е) когда оба существуютъ между однимъ и тѣми же участниками. Что касается до перваго условія, то оно разумѣется уже само собою, ибо обязательство недѣйствительное не есть обязательство, слѣдовательно оно не можетъ служить и для учѣта. Обязательства компенсируемыя должны покрывать другъ друга, т. е. одно обязательство должно равняться другому; если же нѣтъ такого равенства, то одно обязательство, по крайней мѣрѣ, отчасти сохраняетъ свою силу, переживаетъ другое, а полного учѣта нѣтъ. Обязательства должны быть однородны: это значить, что предметъ ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же. Такъ если одно обяза-

1) *Puchta*, *Pandekt.* § 274, 275; *Thibaut Syst. d. Pand.* § 676—679.

тельство состоитъ въ доставленіи имущества, а другое въ оказаніи услуги, то они не могутъ быть компенсиремы. Оба обязательства должны подлежать удовлетворенію: обязательство, которому не наступило еще время удовлетворенія, не можетъ быть принято въ соображеніе для учёта, и расчетъ предварительнаго, досрочнаго удовлетворенія въ этомъ случаѣ безъ согласія противной стороны не допускается. Напр., А долженъ В 1,000 р., а В долженъ А 1,000 р., но В слѣдуетъ произвести удовлетвореніе чрезъ годъ, тогда какъ А долженъ произвести его въ настоящее время: въ такомъ случаѣ, если В требуетъ удовлетворенія, А не можетъ отозваться, что В долженъ ему; А не въ правѣ также требовать, чтобъ долгъ въ уменьшенномъ размѣрѣ теперь же былъ ему заплаченъ со стороны В, а онъ долженъ произвести полное удовлетвореніе. На этомъ же основаніи обязательство спорное не можетъ идти въ учётъ съ обязательствомъ безспорнымъ: обязательство безспорное подлежитъ удовлетворенію немедленно, тогда какъ обязательство спорное подлежитъ удовлетворенію только по рѣшеніи спора. Наконецъ, оба обязательства должны существовать между одними и тѣми же участниками: безъ этого дѣйствіе одного обязательства совершенно независимо отъ дѣйствія другаго, и оба обязательства существуютъ отдѣльно, не прекращая другъ друга. Всѣ эти условія учёта имѣютъ однако же значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда учётъ происходитъ порядкомъ судопроизводственнымъ, т. е. когда по опредѣленію суда одно обязательство вполнѣ, или отчасти прекращается по дѣйствію другаго. Напр., вѣритель предъявляетъ противъ должника искъ, требуя отъ него удовлетворенія по обязательству, должникъ—отвѣтчикъ отзывается, что онъ не обязанъ производить удовлетвореніе, такъ какъ самъ истецъ долженъ ему столько же, или что онъ обязанъ произвести удовлетвореніе не сполна, а только отчасти, только въ излишнѣ претензій истца противъ претензій его, отвѣтчика; доказательства обѣихъ сторонъ представлены: тогда судъ постановляетъ, что дѣйствительно отвѣтчикъ не обязанъ удовлетворять истца, или по крайней мѣрѣ не обязанъ удовлетворять

его сполна, что слѣдовательно въ цѣлости, или отчасти негь неоснователенъ. Отсюда видно также, что учётъ не составляетъ необходимаго способа прекращенія обязательства: учётъ составляетъ только право должника, но отъ него зависитъ воспользоваться имъ, или не воспользоваться. И если должникъ произведетъ удовлетвореніе по обязательству, то онъ въ правѣ затѣмъ самостоятельно требовать отъ противника удовлетворенія по другому обязательству. А съ другой стороны, если должникъ произведетъ удовлетвореніе по обязательству, хотя самъ является вѣрителемъ по другому обязательству, допускающему учётъ, онъ не вправе требовать отъ него обратно, ибо все-таки, производя удовлетвореніе, онъ тѣмъ исполняетъ обязательство. Но когда учётъ производится независимо отъ участія суда, когда должникъ самъ собою убѣждаетъ вѣрителя принять въ расчетъ претензію, по которой самъ онъ оказывается должникомъ, тогда, какія бы ни были условія, представляющіяся въ отдѣльныхъ обязательствахъ, подлежащихъ учёту, онъ можетъ получить мѣсто. Напр., для учёта требуется, чтобы оба обязательства были однородны, или напр., чтобы оба они уже подлежали удовлетворенію: очевидно, что при взаимномъ согласіи участниковъ возможенъ учётъ и между обязательствами, неудовлетворяющими этимъ условіямъ. Независимо отъ участія суда, учётъ, дѣйствительно, нерѣдко производится, и при томъ не между двумя только, а между многими обязательствами. Если напр. А долженъ В, В долженъ С, С долженъ Д, . . . У долженъ Z, то конечно, вмѣсто того, чтобы деньги переходили отъ одного лица къ другому по всей цѣпи участниковъ различныхъ обязательствъ, проще свести крайнія звѣнья этой цѣпи, проще, если А произведетъ платежъ Z. И вотъ, дѣйствительно въ такомъ видѣ встрѣчается учётъ между обязательствами, заключаемыми на биржахъ и особенно на ярмаркахъ. чему благоприятствуетъ то, что всѣ расчеты на ярмаркахъ обыкновенно производятся въ одно, опредѣленное время, въ послѣдній день ярмарки, если она продолжается нѣсколько дней, или въ теченіи по-

слѣдней недѣли, если она продолжается нѣсколько недѣль (*). Самый расчетъ между участниками обязательствъ называется *дисконтированиемъ*. 2) *Совпаденіе въ одномъ лицѣ и права по обязательству и обязанности* (и стороны вѣрителя, и стороны должника): обязательство, по существу своему, предполагаетъ всегда два лица; неудобомыслимо существованіе обязательства въ лицѣ одного участника, и поэтому, какъ скоро по какому либо обстоятельству обѣ стороны совпадаютъ, обязательство прекращается. Самый обыкновенный случай такого прекращенія обязательства тотъ, что право по обязательству переходитъ къ должнику по наслѣдству, или къ вѣрителю переходитъ по наслѣдству роль должника по обязательству. Но здѣсь прекращеніе обязательства составляетъ лишь необходимое послѣдствіе соединенія въ одномъ лицѣ и вѣрителя и должника: собственно потому прекращается обязательство, что соединеніе обѣихъ сторонъ въ одномъ лицѣ составляетъ препятствіе для удовлетворенія по нему. Поэтому, какъ скоро исчезаетъ препятствіе для удовлетворенія, или приходится различить въ лицѣ наслѣдника сторону вѣрителя и сторону должника, то существованіе обязательства принимается въ соображеніе ¹⁾. Положимъ, напримѣръ, что дѣла наслѣдодателя въ упадкѣ и приходится признать его несостоятельнымъ: тогда слѣдуетъ принять въ соображеніе и обязательство, существовавшее между наслѣдодателемъ и наслѣдникомъ, не смотря на то, что по смерти наслѣдодателя въ лицѣ наслѣдника соединились обѣ стороны, и сторона вѣрителя и сторона должника. 3) По римскому праву способомъ прекращенія обязательствъ представляется также *concursum causarum lucrativus*: если лицо имѣетъ право требовать безмездно одного и того же предмета по различнымъ обязательствамъ и получить удовлетвореніе по одному изъ нихъ, то другія обязательства тѣмъ самымъ прекращаются ²⁾. Напримѣръ, лицо въ правѣ требовать вещи

(*) Напр., на нижегородской ярмаркѣ расчеты производятся обыкновенно до 25 августа; на лейпцигской ярмаркѣ для расчетовъ назначается послѣдняя (шестая) недѣля.

1) Напр., св. зак. гр. ст. 1260.

2) *Thibaut, Syst. d. Pand. § 674.*

по даренію, въ правѣ требовать ея также и по отказу, и, положимъ, получить ея по даренію: обязательство, основывающееся на отказѣ, тѣмъ самымъ прекращается. Спрашивается, этотъ способъ прекращенія обязательствъ имѣетъ ли примѣненіе къ нашему юридическому быту? Для разрѣшенія вопроса должно обратить вниманіе на то, что какъ скоро происходитъ удовлетвореніе по одному обязательству, то уже нѣтъ предмета для удовлетворенія по другому, и оно естественно прекращается. Но съ другой стороны отсюда слѣдуетъ, что оно прекращается только въ такомъ случаѣ, если дѣйствительно оказывается безпредметнымъ, т. е. если ближайшій предметъ обязательства не можетъ быть замѣненъ другимъ, если предметъ его опредѣленъ видомъ, или если смыслъ обязательства не тотъ, чтобы въ случаѣ неимѣнія предмета замѣнить его общимъ эквивалентомъ—деньгамъ; въ такомъ смыслѣ нерѣдко заключаются обязательства, такъ что иное обязательство, по формѣ одночленное, въ сущности оказывается раздѣлительнымъ. Вотъ въ этомъ смыслѣ, конечно, *concursum causarum lucrativus* естественно имѣетъ примѣненіе и къ нашему юридическому быту. 4) *Смерть лица естественная, или политическая* ¹⁾: конечно, не всѣ обязательства прекращаются смертію лица, а даже большею частію они активно и пассивно переходятъ къ его наслѣднику; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ для лица умершаго всѣ его обязательства, равно какъ и всѣ другія его юридическія отношенія прекращаются смертію, такъ что въ этомъ смыслѣ смерть является общимъ способомъ прекращенія обязательствъ. Но кромѣ того, смерть составляетъ еще способъ прекращенія нѣкоторыхъ обязательствъ въ особенности, въ томъ смыслѣ, что эти обязательства не существуютъ и для наслѣдника умершаго лица. Таково напримѣръ, дѣйствіе смерти по отношенію къ личному найму. 5) *Отдача лица податнаго состоянія въ военную службу* ²⁾: по опредѣленію нашего законодательства, если лицо мѣщанскаго сословія на-

1) Св. зак. гр. ст. 1543, 1544.

2) Тамъ же, ст. 1552.

значается къ отправленію рекрутской повинности и у него есть долги, а имущества недостаточно на ихъ удовлетвореніе, то городское общество выдаетъ 30 р. с. на удовлетвореніе долговъ и затѣмъ обязательства лица уже считаются прекратившимися. Наконецъ, 6) *погибель предмета обязательства* составляетъ способъ его прекращенія, но только тогда, когда оно дѣйствительно оказывается безпредметнымъ, слѣдовательно только при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ прекращается обязательство по совпаденію нѣсколькихъ правъ на одномъ и томъ же предметѣ (п. 3.).

ИЗД. А. ВИЦЫНЪ.

СЛБГ

1. Сл. зак. пр. от 1811 1811.
2. Тамъ же. от 1832.

НАЧАЛЪ СОВЕРШЕНІЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ

КАКЪ УСЛОВІИ ДЛЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ НАЧАЛА ПОКУШЕНІЯ.

(По Миттермайеру).

При сравненіи законодательствъ, ученыхъ изслѣдованій и судебныхъ рѣшеній въ разныхъ государствахъ Европы, мы находимъ замѣтное различіе почти во всякомъ ученіи уголовного права, какъ въ отношеніи къ частнымъ спорнымъ вопросамъ, такъ въ особенности въ ученіи о покушеніи на преступленіе. Къ числу рѣдкихъ положеній, въ которыхъ согласны законодательства и ученые изслѣдованія новѣйшаго времени во всѣхъ европейскихъ государствахъ, даже въ Америкѣ, принадлежитъ положеніе, что покушеніе на преступленіе заслуживаетъ только тогда наказанія, когда поступокъ заключаетъ въ себѣ начало совершенія преступленія. Странно только одно, что въ отношеніи къ другому положенію, состоящему въ тѣсной связи съ первымъ, именно—о наказуемости покушенія, предпринятаго съ недостаточными средствами, господствуетъ самое замѣчательное различіе мнѣній.

По мнѣнію нѣкоторыхъ криминалистовъ, всеобщее принятіе въ законодательствахъ новѣйшаго времени того положенія,—что покушеніе на преступленіе только тогда заслуживаетъ наказанія, когда оно заключаетъ въ себѣ начало совершенія преступленія,—произошло случайно, подѣ влияніемъ

Французскаго права и ученыхъ изслѣдованій, въ нарушение прежнихъ судебныхъ обычаевъ. Неосновательность этого мнѣнія будетъ очевидна, если мы внимательно прослѣдимъ путь, по которому упомянутое положеніе перешло въ судебную практику, и если изслѣдуемъ истинныя причины, оправдывающія это положеніе.

Исторія показываетъ, что нынѣшнія мнѣнія о покушеніи, подлежащемъ наказанію, основываются на изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ въ Италіи еще въ средніе вѣка. Здѣсь установилось прежде всего общее юридическое понятіе о покушеніи въ уголовномъ правѣ и принято было различіе:—сдѣлано-ли только покушеніе на преступленіе или уже совершено самое преступленіе. Основываясь на этомъ различіи, приняли за правило, что слѣдуетъ легче наказывать покушеніе, нежели совершенное преступленіе.

При изученіи характера ученыхъ изслѣдованій итальянскихъ криминалистовъ не трудно замѣтить двоякое ихъ направленіе. Одни изъ юристовъ болѣе обратили вниманіе на практическую потребность и мало по малу образовавшееся обычное право, принявъ въ уваженіе отдѣльные статуты. Ими руководило ученое стремленіе и духъ умѣренности, требовавшій соразмѣрности наказанія со степенью вины. Они не довольствовались однимъ примѣненіемъ изрѣченій римскаго права, но взвѣшивали всегда, насколько эти изрѣченія совмѣстны съ измѣнившимися понятіями. Другой классъ юристовъ занимался исключительно римскимъ правомъ, мало обращая вниманія на его практическое примѣненіе, выхватывая римскія изрѣченія изъ систематическаго ихъ порядка, обобщая ихъ и вслѣдствіе того указывалъ болѣе строгія мнѣнія о покушеніи.

Однако въ *atrocioribus criminibus* (тяжкихъ преступленіяхъ), особенно при покушеніи на *crimen majestatis*, и юристы умѣреннаго направленія допускали, что покушеніе можетъ быть наказано строже, даже можетъ подлежать полному наказанію. Они дошли до этого вслѣдствіе того, что постоянныя крайности и революціи въ Италіи требовали въ отдѣльныхъ

случаяхъ болѣе строгаго примѣненія закона; притомъ же они хотѣли дѣлать нѣкоторую уступку строгимъ воззрѣнїямъ противниковъ. Наконецъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что духъ теорїи устрашенія, мало по малу, сталъ оказывать свое вліяніе, и особенно въ началѣ XVI столѣтія прїобрѣталъ все болѣе значенія въ итальянскихъ городскихъ статутахъ и у отдѣльныхъ юристовъ; между тѣмъ какъ другіе постоянно защищали умѣренное воззрѣніе на покушеніе.

Какъ сильно была уже распространена въ это время теорія устрашенія; видно особенно при сравненїи городскихъ статутовъ XIII и XIV столѣтїи съ позднѣйшими статутами, изданными кардиналами, какъ напримѣръ въ Болоньи, или герцогами, графами, или другими властями.

Что касается въ особенности вопроса: когда именно слѣдуетъ считать покушеніе подлежащимъ наказанію, то уже рано было принято итальянскими писателями, принадлежавшими умѣренному направленію, что покушеніе тогда только должно быть наказываемо, когда оно обнаруживается въ дѣйствїяхъ, не двусмысленно указывающихъ, на какое именно преступленіе обращена была дѣятельность преступника. Они справедливо утверждали, что иначе наказывалось-бы только злое намѣреніе. Дѣйствительно, въ итальянскихъ статутахъ находились строгія угрозы наказанія противъ дѣйствїй, которыя, если ихъ исключить изъ круга покушеній, показались бы только приготовительными, напримѣръ, ношеніе извѣстныхъ опасныхъ оружій, обнаженіе кинжала, продажа яда, подстереженіе; но итальянскіе уголовные законы, подобно тому, какъ и нѣмецкіе статуты, принимали такіа дѣйствїя не за дѣйствїя покушенія, а за особенные отдѣльные проступки.

Между тѣмъ большинство итальянскихъ писателей продолжало въ умѣренномъ духѣ далѣе разрабатывать теорію покушенія, такъ что въ Италїи въ прошедшемъ столѣтїи руководящею основною идеею въ судебныхъ приговорахъ, какъ и въ наукѣ было мнѣніе, по которому покушеніе только тогда считалось подлежащимъ наказанію, когда рѣшившійся на преступленіе уже началъ исполненіе преступнаго дѣйствїя; это

произошло отъ нежеланія расширять понятіе о покушеніи; кромѣ того въ этомъ случаѣ слѣдовали мнѣнію Гуго Гроція, что покушеніе слѣдуетъ наказывать, если важность преступнаго дѣйствія и дальнѣйшія попытки исполнить преступное намѣреніе оправдываютъ наказаніе.

Также и въ Германіи мы видимъ уже въ XVI столѣтіи начало этого ученія, хотя оно не выразилось тамъ съ такою опредѣленностію, какъ въ Италіи.

Въ Carolina criminalis constitutio стат. 178 предписывается наказаніе за покушеніе, если средства, употребленныя къ совершенію преступленія, достаточно ручаются за успѣхъ. Въ такомъ же смыслѣ объясняютъ Ремъ и Гоблеръ въ своихъ перифразахъ эту статью.

Мы знаемъ положительно, что Шварценбергъ держался, при редакціи этого свода уголовныхъ законовъ, вездѣ умѣреннаго мнѣнія итальянскихъ писателей; а если онъ въ atrocioribus criminibus и допускаетъ большую строгость, то это объясняется вліяніемъ теоріи устрашенія и мнѣній многихъ юристовъ тогдашняго времени, требовавшихъ большей строгости въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ.

Нельзя впрочемъ отрицать, что и въ Германіи въ XVI ст. держались мнѣнія, по которому и приготовительныя дѣйствія подлежали наказанію; но этому нельзя удивляться, если принять въ соображеніе, что вообще въ то время не предпринималось тщательныхъ изслѣдованій въ наукѣ, и что ложное пошманіе нѣкоторыхъ римскихъ изрѣченій (наприм. I. 14 D. ad leg. Corn. de sicariis; I 5 Cod. ad leg. jul. majest.) вводило юристовъ въ заблужденіе. Притомъ же болѣе и болѣе распространившіяся теоріи устрашенія и предостереженія легко могли вести къ мнѣнію о необходимости наказыванія и приготовительныхъ дѣйствій.

Во Франціи въ первый разъ узаконено было 22 прагматическимъ указомъ IV года, что покушеніе подлежитъ только тогда наказанію, когда къ внѣшнимъ дѣйствіямъ присоединяется начало совершенія. Это узаконеніе перешло буквально въ code pénal 1808 года, стат. 2.

Нѣтъ сомнѣнія, что положенія итальянскихъ криминалистовъ обнаружили и здѣсь свое вліяніе; ибо извѣстно, какое значеніе имѣли сочиненія этихъ юристовъ въ концѣ прошедшаго столѣтія у французскихъ писателей, которые въ это время занимались улучшеніемъ французскаго уголовного законодательства. Однако не слѣпое подражаніе французскому Code, какъ утверждаютъ нѣкоторые, а убѣжденіе въ вѣрности мнѣнія французскихъ юристовъ было побудительною причиною, что его приняли скоро во всѣхъ позднѣйшихъ нѣмецкихъ уголовныхъ законодательствахъ и въ законодательствахъ итальянскихъ, испанскомъ, португальскомъ, швейцарскихъ, норвежскомъ и сѣверо-американскихъ.

Если сравнить ходъ судебныхъ приговоровъ въ различныхъ государствахъ въ отношеніи къ примѣненію этой теоріи, то нельзя отрицать различія мнѣній, высказавшагося въ этихъ приговорахъ.

Причины, которыя особенно въ Германіи вліяютъ на различіе судебныхъ рѣшеній, заключаются во вредномъ вліяніи, которое все еще оказываетъ пристрастіе къ субъективной точкѣ зрѣнія на понятія юристовъ объ уголовномъ правѣ и на законодательство. Думаютъ, что слѣдуетъ наказывать даже каждое изъясненіе злаго намѣренія, оставляя безъ вниманія, что мудрый законодатель, при своихъ угрозахъ наказанія, необходимо долженъ принимать въ уваженіе интересъ гражданскаго общества и особенно въ ученіи о покушеніи соображать всѣ невыгоды слишкомъ обширнаго распространенія области наказанія. Другая причина ошибочнаго примѣненія новѣйшей теоріи въ судебныхъ приговорахъ заключается въ привычкѣ, по которой судьи въ государствахъ, гдѣ законъ наказывалъ прежде приготовительныя дѣйствія, легко впадаютъ въ ошибку, (потому что они не вникнули еще въ духъ вѣрнаго ученія) и очень поспѣшно находятъ начальный моментъ покушенія уже тамъ, гдѣ собственно только приготовительное дѣйствіе.— Часто встрѣчающаяся неудовлетворительная редакція новыхъ законовъ, гдѣ законодатель недостаточно обдумывалъ значеніе употребляемыхъ имъ выраженій, также служитъ

причиной различія въ судебныхъ приговорахъ о наказуемости покушенія.

Истинный путь, по которому можно дойти до вѣрнаго пониманія сущности начала совершенія преступленія, заключается въ слѣдующемъ: 1) нужно строго держаться той мысли, что изъ того, что за совершенное преступленіе опредѣлено наказаніе, еще не слѣдуетъ, что должно наказывать и покушеніе; а для опредѣленія наказанія за покушеніе необходимъ особенный уголовный законъ, который бы опредѣлялъ, что и въ какой степени слѣдуетъ наказывать за покушеніе; 2) нуженъ тонкій и точный анализъ сущности приготовительныхъ дѣйствій и свойства совершившагося преступленія.

Всѣ дѣйствія, выражающія собою покушеніе на преступленіе, раздѣляются на два главные класса:

А. Одинъ классъ составляютъ дѣйствія, которыя основываются на твердомъ, опредѣленномъ намѣреніи, направленномъ къ совершенію извѣстнаго преступленія.

Сюда относится: а) твердое, непоколебимое намѣреніе достигнуть извѣстной цѣли посредствомъ преступнаго дѣйствія; б) если обвиняемый дошелъ до того, что онъ (болѣе или менѣе ясно) обдумалъ всѣ препятствія къ совершенію и имѣлъ твердое намѣреніе одолѣть ихъ, или дѣйствовать не смотря на нихъ; с) онъ долженъ имѣть ясное понятіе о планѣ совершенія, слѣдовательно и о опредѣленномъ предметѣ, на который онъ направлялъ свое преступленіе, о мѣстѣ, времени и способѣ употребленія средствъ. Если слѣдовательно преступныя дѣйствія совершаются при такихъ условіяхъ, то они заключаютъ въ себѣ начало совершенія преступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ покушеніе, подлежащее наказанію.

В. Другой классъ дѣйствій называется приготовительнымъ. Пока въ душѣ покушающагося на преступленіе составится твердое намѣреніе совершить его, этому состоянію предшествуютъ (хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и скоро одно за другимъ) чрезвычайно различныя настроенія души, которымъ соотвѣтствуютъ также извѣстныя дѣйствія, называемыя именно приготовительными. Промежутокъ времени между первой

блеснувшей мыслью, которая часто не болѣе, какъ желаніе—и дѣйствіемъ совершенія, такъ великъ, что множество непредвидѣнныхъ обстоятельствъ легко можетъ перемѣнить образъ мыслей покушающагося на преступленіе; такъ, напримѣръ, если препятствія къ успѣшному совершенію окажутся непреодолимыми, или рѣшившійся на преступленіе не отважится въ рѣшительный моментъ на совершеніе его.

Въ такихъ приготовительныхъ дѣйствіяхъ замѣчается всегда какая-то двусмысленность, потому что они не указываютъ ясно направленія на опредѣленное преступленіе и оттого часто бываютъ юридически совершенно маловажны; притомъ же нельзя заключить по нимъ о дѣйствительномъ существованіи намѣренія совершить преступленіе, а тѣмъ менѣе преступленіе опредѣленное.

Надлежащее пониманіе различій описанныхъ двухъ классовъ дѣйствій очень важно для законодателя, желающаго изслѣдовать, подлежатъ-ли наказанію дѣйствія покушенія вообще и на сколько именно. Для него не существуетъ другой вѣрной точки опоры въ уголовномъ правѣ, кромѣ *свойства дѣйствія*, отъ котораго и должно зависѣть наказаніе; потому, что судья очень рѣдко бываетъ въ состояніи проникнуть въ самую глубину сердца подсудимаго.

1. Къ классу *приготовительныхъ дѣйствій* принадлежатъ:

1) Выраженія, заключающія въ себѣ *угрозы* сдѣлать вредъ кому-нибудь, если только законъ не угрожаетъ наказаніемъ за извѣстные роды угрозъ.

2) Выраженія, заключающія въ себѣ сообщеніе другимъ желанія или мнимаго намѣренія совершить извѣстное преступленіе.

3) Дѣйствія, которыми приобрѣтаются средства или орудія для совершенія опредѣленнаго преступленія.

4) Справки, которыя собираетъ лицо, покушающееся на преступленіе, для составленія плана, какимъ образомъ совершить преступленіе.

5) Дѣйствія, направленные къ тому, чтобы препятство-

вать открытію преступленія, или чтобы по совершеніи преступленія обезпечить себѣ выгоды его.

Всѣ эти дѣйствія имѣютъ признакъ случайной и условной дѣятельности и не доказываютъ еще существованія твердаго преступнаго намѣренія.

6) По той же причинѣ можно считать дѣйствія, которыми кто-нибудь хочетъ обезпечить себѣ вѣрный успѣхъ въ совершеніи преступленія, только приготовительными.

7) Таковыми являются также всѣ дѣйствія, которыя въ томъ, кто занять планомъ совершить преступленіе, укрѣпляютъ увѣренность въ успѣхѣ; напримѣръ А, намѣреваясь застрѣлить В, упражняется въ стрѣльбѣ, или тотъ, кто хочетъ дѣлать фальшивую монету, упражняется въ пріобрѣтеніи нужныхъ для этого свѣдѣній. Характеръ приготовленія высказывается здѣсь въ томъ, что все зависитъ отъ результатовъ предварительныхъ упражненій.

8) Дѣйствія, посредствомъ которыхъ приготовляются средства къ совершенію преступленія.

9) Слѣдуетъ считать приготовительнымъ дѣйствіемъ и вообще не подлежащимъ наказанію, если кто нибудь отправляется съ средствами, назначенными для совершенія преступленія, напримѣръ, съ ядомъ или горючими матеріалами на мѣсто, гдѣ должно быть совершено преступленіе, потому что это дѣйствіе предпринимается только съ цѣлію сдѣлать возможнымъ совершеніе; слѣдовательно, оно заключаетъ въ себѣ приготовленіе и потому само по себѣ юридически не важно.

10) Болѣе спорный случай тотъ, если кто намѣренъ совершить преступленіе и находится уже въ положеніи, въ которомъ ему возможно непосредственно совершить преступленіе, но онъ не употребилъ еще средства, нужнаго для совершенія, напримѣръ, обвиняемый прокрадся въ кухню своего врага, котораго хочетъ отравить, чтобы бросить въ приготовленную для него пищу ядъ.—Болѣе справедливо считать дѣйствія подобнаго рода наравнѣ съ отправленіемъ на мѣсто преступленія.

II. Къ дѣйствіямъ, заключающимъ въ себѣ начало совершенія преступленія, принадлежатъ:

1) Дѣйствія, посредствомъ которыхъ употребляются средства и орудія, посредствомъ которыхъ рѣшившійся на преступленіе хочетъ совершить его, если даже сдѣланъ былъ только первый шагъ къ совершенію; на примѣръ, А собирается всыпать приготовленный ядъ въ наитокъ В, который тотъ намѣренъ выпить, или С спускаетъ курокъ пистолета, чтобы убить Д, если пистолетъ даже осѣкся.

2) Если средство приводится въ такую связь съ предметомъ преступленія, что обвиняемый можетъ рассчитывать на вѣрный успѣхъ, даже безъ дальнѣйшаго съ его стороны содѣйствія, потому что по устроеннымъ имъ обстоятельствамъ средство должно вести прямо къ совершенію умышеннаго преступленія. На примѣръ, А всыпала мышьякъ въ кофейную гущу, зная что В каждое утро снова отвариваетъ эту кофейную гущу и, наливая воду, приготовляетъ себѣ кофе. По справедливости слѣдуетъ наказать А за покушеніе на отравленіе, не смотря на то, что В на другой день не употребилъ этой гущи.

3) Началомъ совершенія является дѣйствіе, которое собственно составляетъ только первый шагъ въ цѣломъ ряду подобныхъ дѣйствій, повтореніемъ которыхъ должно быть совершено преступленіе, по плану подсудимаго: на примѣръ, если онъ собирается умертвить своего врага, давая ему ядъ маленькими приемами, дѣйствующими медленно и разъ только подмѣшалъ въ пищу своего врага маленькой приемъ яда, который самъ по себѣ не могъ причинить ему смерти.

4) Важное затрудненіе въ примѣненіи закона о началѣ совершенія встрѣчается при вопросѣ: принадлежатъ-ли къ покушенію, подлежащему наказанію, только начало *главнаго дѣйствія*, ведущаго прямо къ умышенному преступленію; на примѣръ, при воровствѣ схватываніе чужой вещи, наложеніе руки на нее; или, если совершеніе преступленія бываетъ слѣдствіемъ цѣлага ряда дѣйствій въ ихъ совокупности, можно видѣть существованіе покушенія, подлежащаго наказанію, если

совершенно было только *одно* изъ этихъ дѣйствій; на примѣръ, при воровствѣ—влѣзаніе, выламываніе?

При отвѣтѣ на эти вопросы, трудно подчинить одной извѣстной формулѣ всѣ случаи такъ, чтобы на счетъ примѣненія ихъ не могло быть никакого сомнѣнія. Если сравнимъ изрѣченія французскихъ юристовъ и различные судебные приговоры, то замѣтимъ, что первое вышеприведенное мнѣніе принимается за болѣе вѣрное. Опредѣляя начало совершенія, одни имѣютъ въ виду—дѣйствіе, въ которомъ заключается непосредственное посягательство на частное право, въ нарушеніи котораго состоитъ главная цѣль преступленія; другіе же требуютъ—*un acte constitutif du délit*, (въ которомъ именно, высказывается существенно преступный признакъ). Итакъ, слѣдуя имъ, начало совершенія составляетъ дѣйствіе, выражающее собою сущность преступленія, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ и самое преступленіе.

Замѣчательно, что новѣйшіе французскіе писатели, опасаясь расширить область дѣйствій, не подлежащихъ наказанію, присовокупили къ своему мнѣнію, требующему *un acte constitutif du délit*, что хотя извѣстныя дѣйствія, *отдѣльно* разсматриваемыя, считаются только приготовительными дѣйствіями,—они становятся дѣйствіями покушенія, *par leur extrême voisinage, par leur contact avec les élémens constitutifs de l'infraction, qu'il s'agit d'accomplir*. Итальянскіе писатели смотрятъ съ такой же точки зрѣнія, принимая, что только тѣ дѣйствія составляютъ покушеніе, подлежащее наказанію, которыя какимъ нибудь главнымъ признакомъ прямо указываютъ на извѣстное преступленіе. Въ Англии и Америкѣ чрезвычайно остерегаются обвинить кого-нибудь въ покушеніи, если дѣйствіе не могло ручаться за вѣрный успѣхъ, или если оно не находилось въ прямомъ отношеніи къ умышленному преступленію. Въ Германіи требуется для опредѣленія начала совершенія или дѣйствіе, составляющее дѣйствительную составную часть поступка, подлежащаго наказанію, или—актъ, въ которомъ начинается обнаруживаться все отличительное свойство преступ-

наго намѣренія. Кажется, что всего лучше будетъ опредѣлить это правило такимъ образомъ.

«Такъ какъ при опредѣленіи преступленія необходимо нуженъ извѣстный признакъ, выражающій умышленное преступное дѣйствіе, то покушеніе, подлежащее наказанію, бываетъ только тогда, когда *предпринимается* то дѣйствіе, которое заключаетъ въ себѣ этотъ преступный признакъ, междутѣмъ какъ предшествующее какое нибудь другое дѣйствіе показываетъ только стремленіе обвиняемаго стать въ положеніе, въ которомъ ему возможно будетъ совершить преступленіе.

«Кромѣ того слѣдуетъ признавать покушеніе подлежащимъ наказанію,—1) въ предварительныхъ дѣйствіяхъ, которыя по существу умышленного преступленія непосредственно предшествуютъ главному признаку его и совершаются на мѣстѣ преступленія. 2) Если по особенному роду преступленія употребляются средства, оправдывающія болѣе строгое примѣненіе закона.

«Въ обоихъ случаяхъ вмѣняется покушеніе, если даже не было совершено главнаго дѣйствія, потому что здѣсь ясно видно отчасти по особеннымъ обстоятельствамъ отдѣльных случаевъ, отчасти по поведенію обвиняемаго, что непосредственно должно быть совершено извѣстное преступленіе.

Практическая вѣрность такого взгляда оказывается въ примѣненіи къ отдѣльнымъ преступленіямъ.

А. Труднѣе всего обсуживать тѣ случаи, когда законъ подвергаетъ преступленіе болѣе строгому наказанію за самый способъ совершенія его; напримѣръ, если съ воровствомъ соединяется влѣзаніе, взломъ, употребленіе поддѣльныхъ ключей. Какъ тутъ рѣшить вопросъ, если обвиняемый не совершилъ еще характеристическаго момента главнаго дѣйствія, напримѣръ, при воровствѣ присвоиванія чужой вещи, а между тѣмъ застаютъ его въ комнатѣ, въ которую онъ вломился, но не тронулъ еще вещи?

Во Франціи, апелляціонные суды въ Бордо и Нанси рѣшили, что въ этомъ случаѣ еще нѣтъ начала совершенія; кас-

саціонная палата не рѣшила вопроса, но объявила въ своихъ окончательныхъ резолюціяхъ, что считаетъ это мнѣніе ошибочнымъ. Точно также не было признано покушенія въ другомъ случаѣ, бывшемъ въ 1852 году, когда застали кого-то предъ дверьми комнаты употреблявшимъ усиліе отпереть ихъ, чтобы совершить кражу.

Между французскими писателями господствуетъ въ этомъ отношеніи значительное различіе во взглядахъ. Одни криминалисты не признаютъ въ этихъ дѣйствіяхъ покушенія, подлежащаго наказанію, потому что законъ принимаетъ взломъ и влѣзаніе только какъ обстоятельства, увеличивающія вину при наказаніи за воровство, но не признаетъ этихъ дѣйствій подлежащими наказанію, опредѣленному за воровство, такъ какъ главнымъ дѣйствіемъ при воровствѣ бываетъ присвоиваніе чужой собственности. Далѣе утверждаютъ, что каждый родъ воровства имѣетъ свой особенный признакъ, — дѣйствія же влѣзанія, взлома — двусмысленныя дѣйствія, и могутъ встрѣчаться, не указывая именно на намѣреніе украсть что-нибудь.

Напротивъ того тѣ писатели, которые видятъ уже здѣсь начало совершенія, ссылаются на то, что всѣ эти дѣйствія образуютъ одно цѣлое, поэтому, — если совершено одно изъ нихъ, то сдѣлано и начало совершенія, и что наконецъ эти дѣйствія находятся въ такой тѣсной связи съ главнымъ дѣйствіемъ воровства, что ясно обнаруживаютъ собою опредѣленное преступное намѣреніе. Это мнѣніе принято и бельгійскими писателями, и одобрено въ новѣйшихъ законодательныхъ трудахъ въ Бельгіи.

Въ Нидерландахъ этотъ вопросъ еще не рѣшенъ; а въ Италіи вообще болѣе склоняются къ тому, чтобы не признавать въ этихъ дѣйствіяхъ покушенія. Въ Германіи часто высказывалось мнѣніе, что взломъ уже составляетъ часть главнаго дѣйствія.

Скорѣе можно принять, что само по себѣ одно только дѣйствіе взлома или влѣзанія еще не служитъ основаніемъ къ признанію его покушеніемъ, подлежащимъ наказанію, если еще не началось главное дѣйствіе воровства, присвоиваніе вещи, потому

что законъ принимаетъ эти особенныя дѣйствія взлома и. т. д. только за мотивы для болѣе строгаго наказанія. Слѣдовательно необходимо, чтобы существовали такія обстоятельства, которыя указывали бы въ этихъ дѣйствіяхъ на явное намѣреніе совершить *кражу*; потому что одно влѣзаніе само по себѣ не указываетъ еще на намѣреніе воровать, но можетъ быть предпринимаемо съ другимъ намѣреніемъ, напримѣръ, убить кого-нибудь, ранить кого, или удовлетворить половое побужденіе.

Но необходимо слѣдуетъ принимать покушеніе подлежащимъ наказанію, коль скоро не существуетъ упомянутой причины, и *по обстоятельствамъ отдѣльнаго случая*, по поведенію и характеру обвиняемаго, дѣйствіе не остается уже болѣе двусмысленнымъ, коль скоро все указываетъ только на намѣреніе совершить кражу, и дѣйствіе находится въ ближайшей связи съ непосредственнымъ производствомъ воровства.

Мудро поступаетъ англійское законодательство (1851), угрожая наказаніемъ, когда находятъ у вломившагося въ какой-нибудь домъ что-нибудь подозрительное, напримѣръ, тормазный крюкъ, отмычку и. т. п.

В. Съ такой же точки зрѣнія рѣшается вопросъ: когда должно быть наказываемо покушеніе на *грабежь*.

Здѣсь именно важно опредѣленіе, совершено-ли преступное дѣйствіе какъ насильственный актъ похищенія чужой собственности, или какъ актъ оскорбленія личности. Въ первомъ случаѣ возникаетъ затрудненіе тогда, когда обвиняемый началъ совершать только насиліе, однако безъ дѣйствій, заключающихъ въ себѣ признаки воровства, именно потому, что неизвѣстно, совершено-ли насиліе съ цѣлью похищенія, или съ другой цѣлью, къ которой присоединяется послѣ и дѣйствіе воровства.

Вѣрнѣе всего принимать покушеніе на грабежь, слѣдовательно и начало совершенія, если насиліе употребляется какъ средство отнятія чужой собственности, или если грозили насиліемъ въ такомъ смыслѣ, что угроза юридически можетъ равняться съ самымъ насиліемъ. Окончательное рѣшеніе и здѣсь также зависитъ отъ обстоятельствъ отдѣльнаго случая, смотря потому, насколько образъ дѣйствій обвиняемаго, а также и

словесныя выраженія его исключаютъ сомнѣніе, что насиліе было употреблено для другихъ цѣлей, кромѣ грабежа.

С. Въ отношеніи къ опредѣленію начальнаго момента покушенія при *вынужденіяхъ*, вопросъ становится затруднительнымъ въ томъ случаѣ, когда обвиняемый предпринялъ уже всѣ мѣры къ успѣшному совершенію преступленія, а не началось еще главное дѣйствіе вынужденія.

Между тѣмъ какъ во Франціи уже видѣли въ такихъ случаяхъ (по сужденію кассационнаго суда отъ 6 февраля 1812 г.) начало совершенія, нѣмецкая практика принимаетъ покушеніе на это преступленіе, когда во внѣшнемъ поведеніи обвиняемаго ясно выражается намѣреніе, высказываются прямо и непосредственно угрозы извѣстному лицу.

Въ пользу французскаго мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что въ приготовленіяхъ, тщательно обдуманнхъ и могущихъ вести къ успѣшному совершенію преступленія, уже ясно обнаруживается цѣль дѣйствія, зрѣлость, твердость и опредѣленность злаго намѣренія.

Д. Въ случаяхъ *изнасилованія и насильственнаго оскорбленія стыдливости* всегда нужно принимать во вниманіе, при опредѣленіи покушенія, подлежащаго наказанію, что изнасилованіе есть вынужденное половое совокупленіе, противъ воли другаго лица. Поэтому, главный признакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ начало совершенія заключается въ дѣйствіяхъ, посредствомъ которыхъ стараются принудить къ половому совокупленію.

Но при обсужденіи такихъ насильственныхъ дѣйствій, часто случается затрудненіе въ томъ, что онѣ могутъ быть предпринимаемы не съ намѣреніемъ вынудить половое совокупленіе, но бываютъ часто только грубыми шутками или пошлостями, въ слѣдствіе слишкомъ короткаго обращенія, часто же онѣ имѣютъ цѣлью совершить только распутныя дѣйствія, (наприм., старыми людьми). Поэтому, необходимо нужно тщательно обсуждать обстоятельства отдѣльнаго случая для того, чтобы узнать, было-ли предпринято дѣйствительное насиліе съ намѣреніемъ совершить половое совокупленіе.

Встрѣчаются особенныя затрудненія, при обсужденіи во-

проса о покушеніи на насильственное оскорбленіе стыдливости. Французскій code pénal (особливо законъ 1846 года) опредѣляетъ наказаніе за attentat à la pudeur consommé ou tenté avec violence.

Это уравненіе покушенія съ совершеннымъ преступленіемъ оправдывается, кажется, мнѣніемъ, что самое преступленіе уже совершено, какъ только обнаруживается злое намѣреніе и этимъ обуславливаетъ нападеніе (attentat). Въ слѣдствіе такого воззрѣнія на это преступленіе не признается въ судебной практикѣ во Франціи и Бельгіи невинность того, кто добровольно отказывается отъ дальнѣйшаго покушенія, потому что здѣсь имѣетъ мѣсто уже совершенное преступленіе. Подобнымъ образомъ вызываетъ сомнѣніе редакція статьи 144 прусскаго свода уголовныхъ законовъ, гдѣ говорится о наказаніяхъ за распутныя дѣйствія, совершенныя надъ ребенкомъ моложе 14 лѣтъ. Въ прусскихъ уголовныхъ судахъ принято, что въ этомъ случаѣ нельзя признать покушенія на преступленіе, потому что нельзя себя представить самаго начала совершенія, но что въ этомъ случаѣ высказывается распутное дѣйствіе, слѣдовательно и совершенное преступленіе.

Очень справедливо думаютъ, что законодатель, не смотря на двусмысленное содержаніе статьи 144, не хотѣлъ отклониться отъ всеобщихъ основныхъ положеній уголовного права и сущности дѣла, и призналъ, что подобно тому, какъ при каждомъ преступленіи, и въ настоящемъ случаѣ по постепенности дѣйствій возможно покушеніе на преступленіе.

Е. При подкидываніи ребенка, въ отношеніи къ опредѣленію покушенія, встрѣчаются затрудненія въ томъ:

а) что сомнѣваются въ возможности существованія покушенія при этомъ преступленіи;

б) что нѣкоторые уголовные законы, наприм., code pénal и прусскій сводъ законовъ, признаютъ подкидываніе ребенка или преступленіемъ или проступкомъ и принимаютъ за основное правило, что при проступкахъ слѣдуетъ только тогда наказывать покушеніе, когда законъ это особенно опредѣ-

с) что вопросъ о вѣрномъ опредѣленіи начала совершенія этого преступленія еще не рѣшенъ.

aa) Въ первомъ отношеніи ссылаются на то, что дѣйствія, предшествующія оставленію ребенка въ безпомощномъ положеніи, наприм., отнесеніе ребенка на мѣсто подкидыванія,—суть только приготовленія и слѣдовательно юридически совершенно неважны, такъ какъ мать можетъ отправляться съ своимъ ребенкомъ куда ей угодно и что вообще такія дѣйствія не могутъ служить доказательствами умысла (*dolus*), потому что преступленіе обнаруживается только дѣйствительнымъ оставленіемъ ребенка, но этимъ самымъ оно тотчасъ и совершается.

Справедливѣе однако принять возможность покушенія на подкидываніе, потому что дѣйствія перестаютъ быть приготовительными, когда покушающійся подкинуть ребенка ясно обнаруживаетъ, по обстоятельствамъ случая, преступное намѣреніе и предпринимаетъ дѣйствія, заключающія въ себѣ хотя не дѣйствительное еще оставленіе ребенка, но обнаруживающія совершенную рѣшимость оставить ребенка на произволь судьбы.

Затрудненія особеннаго рода возникаютъ въ судебной практикѣ во Франціи, гдѣ *code* (стат. 349—352) различаетъ при подкидываніи,—случилось ли именно преступленіе на уединенномъ или неуединенномъ мѣстѣ. Многими юристами признано, что во второмъ случаѣ нельзя принимать покушенія, подлежащаго наказанію, хотя покушающійся подкинуть ребенка и имѣлъ преступное намѣреніе, потому что здѣсь не возможно начало совершенія, такъ какъ жизнь подкинутаго ребенка не подвергается опасности на неуединенномъ мѣстѣ.

bb) Особенность заключается въ томъ, что вопросъ: преступленіе ли здѣсь слѣдуетъ видѣть или проступокъ, рѣшается вліяніемъ, произведеннымъ на ребенка, отъ чего зависитъ и степень наказанія.

Но такъ какъ въ томъ случаѣ, въ которомъ сдѣлано было только покушеніе, нельзя опредѣлить, какое произошло бы вліяніе, то въ слѣдствіе того часто нельзя и преслѣдовать за-

коннымъ порядкомъ подобное дѣйствіе, такъ какъ покушеніе на проступокъ вообще не наказывается.

сс) По законамъ, наказывающимъ покушеніе только тогда, когда обнаружилось начало совершенія, можетъ быть признано такое покушеніе въ отношеніи къ подкидыванію только при обстоятельствахъ, при которыхъ выразилось, на-прим., намѣреніе матери оставить ребенка на произволь судъбы.

Г. Различіе во взглядѣ на вопросъ, гдѣ нужно принимать начало совершенія, оказывало вездѣ свое вліяніе, при опредѣленіи наказанія въ сводахъ законовъ различныхъ государствъ.

Справедливость этого замѣчанія оправдывается особенно.

а) въ отношеніи къ преступленію *поддѣлки*.

Между тѣмъ какъ по общему праву это преступленіе считалось окончательно совершившимся только послѣ употребленія ложнаго или поддѣльнаго документа, новѣйшія законодательства признали преступленіе поддѣлки уже окончательно совершившимся или во всѣхъ случаяхъ, или при извѣстныхъ родахъ поддѣлокъ, по составленіи ложнаго документа. Слѣдовательно тамъ, гдѣ держатся первой системы, признано, по примѣру французской практики, что слѣдуетъ видѣть начало совершенія только въ дѣйствіяхъ, которыми начинается пользование ложнымъ документомъ. Прусская судебная практика рѣшаетъ этотъ вопросъ строже; она признаетъ, что при такомъ преступленіи, котораго сущность состоитъ въ нѣсколькихъ самостоятельныхъ дѣйствіяхъ, совершеніе его обнаруживается уже и тогда, когда совершено изъ такихъ дѣйствій хоть только одно, вполне или отчасти. Поэтому, въ случаѣ поддѣлки начало совершенія обнаруживается тогда, когда составленъ ложный документъ, хотя имъ еще и не пользовались.

Но французское мнѣніе справедливѣе; ибо дѣйствіе составителя ложнаго документа, предшествовавшее употребленію его, есть только приготовительное дѣйствіе, потому что оно должно было служить средствомъ, которымъ хотѣли совершить обманъ. Подобное дѣйствіе не имѣетъ юридической важ-

ности, какъ потому, что всякій въ правѣ изготovitъ ложный документъ для своего упражненія (чтобы показать свою ловкость или чтобы выиграть пари), такъ главное потому, что оно не доказываетъ ясно умысла. Но если кто-нибудь поручилъ чиновнику изготovitъ документъ ложнаго содержания, то французская практика признаетъ, что подобное порученіе есть только приготovitельное дѣйствіе; начало же совершенія видятъ она въ томъ случаѣ, если началась редакція ложнаго акта.

Наконецъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законъ караетъ уже изготovitеніе ложнаго документа, принимается начало совершенія и въ томъ случаѣ, если обвиняемый досталъ себѣ только форму, на которой онъ намѣренъ былъ совершить поддѣлку, наприм., написать ложный вексель.

b) Въ отношеніи къ поджогу можетъ быть принято начало совершенія этого преступленія только тогда, когда обнаруживается преступное намѣреніе дѣйствіемъ, долженствующимъ быть средствомъ для осуществленія намѣренія. Такъ, наприм., если огонь или какое-нибудь горючее вещество приводится въ прикосновеніе съ предметомъ, на который обращено преступленіе, или если подсунуть горящій трутъ подъ соломенную кровлю, хотя огонь еще и не вспыхнулъ или чужое имущество еще не загорѣлось.

c) Редакція новѣйшихъ сводовъ законовъ, наприм., прусскаго § 197 объ *отравленіи* служитъ поводомъ особенныхъ затрудненій.

Здѣсь законодатель не принимаетъ покушенія на это преступленіе, а прямо угрожаетъ наказаніемъ за дѣйствіе, посредствомъ котораго умышленно дается другому лицу ядъ или другія вещества, могущія разрушить здоровье.

Намъ кажется, что по общимъ основнымъ правиламъ уголовного права юридически возможно принимать покушеніе на отравленіе, если, наприм., поймаютъ обвиняемаго въ тотъ моментъ, когда онъ хочетъ всыпать ядъ въ пищу другаго.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ новый проектъ уголовного уложенія для Бельгіи, имѣющей въ виду уничтожить недостатки

существующаго уложенія и пополнить пропуски въ немъ. Между тѣмъ, какъ въ статьѣ 460 говорится объ умерщвленіи ядомъ, глава: *lésions corporelles*—содержитъ въ себѣ особенный уголовный законъ (стат. 468), именно опредѣленіе тюремнаго заключенія отъ одного мѣсяца до пяти лѣтъ въ томъ случаѣ, если причинена болѣзнь или неспособность къ отправленію должности, тѣмъ, что кто-нибудь, безъ намѣренія умертвить, однако умышленно, далъ другому вещество, могущее причинить смерть или значительно изнурить здоровье. Покушеніе наказывается здѣсь тюремнымъ заключеніемъ отъ одной недѣли до трехъ лѣтъ и денежною пенею.

Если причиняется болѣзнь, продолжающаяся болѣе двадцати дней, то это преступленіе наказывается заключеніемъ въ смирительный домъ на различное, смотря по обстоятельствамъ, время, и пожизненнымъ заключеніемъ, если произошла смерть.

G. Въ отношеніи къ преступленію *двоебрачія* (*bigamie*), дѣйствительному заключенію втораго брака предшествуютъ различныя приготовленія, необходимыя для выполненія плана обвиняемаго,—приготовленія, изъ которыхъ явствуетъ преступное намѣреніе; поэтому многіе находили покушеніе, подлежащее наказанію, въ обрученіи или въ заключеніи брачнаго договора или въ закономъ предписанной просьбѣ о позволеніи вступить во второй бракъ, особенно же въ приступленіи къ необходимому (церковному или гражданскому) объявленію о вступленіи въ бракъ.

Однако всѣ подобныя дѣйствія бываютъ только приготовительными, особенно приступленіе къ объявленію, имѣющему цѣль доставить ручательство въ безпрепятственномъ заключеніи брака. Слѣдовательно, здѣсь можетъ быть покушеніе только тогда, когда началось главное дѣйствіе, именно, если начался актъ, предписанный закономъ страны со всѣми формальностями, необходимыми для заключенія законнаго брака. Не достаточно въ этомъ случаѣ, если женихъ съ невѣстою являются къ надлежащему лицу съ цѣлію совершенія бракосочетанія. Въ этомъ случаѣ рѣшительное

вліяніе имѣть то обстоятельство, предписывается ли закономъ церковное бракосочетаніе или же гражданскій бракъ.

Н. *Въ отношеніи къ клятвопреступленію*, главное дѣйствіе преступленія можетъ обнаружиться только дѣйствительнымъ учиненіемъ присяги и ложнымъ показаніемъ, соединеннымъ съ такою присягою, потому что только въ этомъ дѣйствіи заключается средство, при помощи котораго достигается преступное намѣреніе. Поэтому и покушеніе, подлежащее наказанію, обнаруживается только дѣйствіемъ, которымъ учиняется присяга, если даже оно только что началось. Слѣдовательно, не требуется при этомъ начала высказыванія ложнаго показанія предъ судомъ, потому что учиненіе присяги и показаніе составляютъ одно цѣлое, а потому достаточно, если совершена и одна часть этого цѣлага. Все, что предшествуетъ этому главному дѣйствію, составляетъ только приготовительныя дѣйствія, въ которыхъ часто нельзя видѣть твердаго намѣренія дѣйствительно совершить клятвопреступленіе. Поэтому нельзя еще находить покушенія, подлежащаго наказанію, въ готовности учинить присягу предъ судомъ и даже въ отправленіи въ судъ съ такою цѣлью.

Какъ результатъ настоящаго разсужденія можно выставить то положеніе, что при опредѣленіи начальнаго момента покушенія, подлежащаго наказанію, главнымъ образомъ должно обращать вниманіе на свойство дѣйствія, насколько оно является выраженіемъ зрѣлаго и твердаго намѣренія, направленнаго къ опредѣленному преступленію съ опредѣленнымъ планомъ; кромѣ того при обсужденіи каждаго отдѣльнаго случая, судьи должны особенно справляться съ обстоятельствами этого случая, съ поведеніемъ и индивидуальностью подсудимаго, и такимъ образомъ, основываясь на добытыхъ результатахъ и основныхъ положеніяхъ уголовного права, произнести свое рѣшеніе.

Перев. Г. РОГЕНГАГЕНЪ.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ

НА

АНГЛІЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

(Окончаніе).

ЧАСТЬ 2.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

I. ВЪ АНГЛІИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ И ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

Предварительное слѣдствіе въ Англіи, по общему правилу и по современному взгляду, не имѣетъ оффиціального характера и юридическаго значенія. Присяжные не спрашиваютъ, кто и какимъ образомъ собиралъ доказательства, лишь бы онѣ были имъ представлены во время сужденія (trial). Розыскъ есть просто дѣятельность обвинителя, по бѣльшей части при пособіи полисменовъ, имѣющая единственною цѣлю собраніе тѣхъ фактовъ и признаковъ, на основаніи которыхъ можно бы было составить обвинительный актъ и точно опредѣлить качества преступленія. Если это возможно и безъ слѣдствія, то обвинитель прямо обращается къ большому присяжнымъ (Grand Jury). Подтвержденіемъ сему служитъ при-

веденный у Миттермайера примѣръ о двухъ полицейскихъ чиновникахъ свидѣтеляхъ, подавшихъ прямо обвиненіе на третьяго свидѣтеля, уличеннаго во лжи (стр. 64).

Главные черты англійскаго слѣдствія состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Всякое лицо, пострадавшее отъ преступленія или бывшее свидѣтелемъ совершенія онаго, имѣетъ право и даже нравственную обязанность быть обвинителемъ. Будетъ ли то полицменъ или частное лицо, онъ всегда имѣетъ право требовать пособія всей полиціи. Если констаблю объявлено на кого нибудь подозрѣніе, то тотъ на основаніи данной ему инструкціи, или въ силу особеннаго повелѣнія мирнаго, полицейскаго и. т. п. судьи, (повелѣніе это въ случаѣ нужды выдается немедленно), можетъ произвести обыскъ на дому и отвести заподозрѣннаго въ такъ называемый station house. Тутъ его обыщутъ, распросятъ и, если подозрѣніе окажется основательнымъ, посадятъ въ custody. Въ возможно скоромъ времени (не дальше 24-хъ часовъ), обвиненный долженъ быть представленъ въ судъ полицейскій или мирный, гдѣ высказываются противъ него доводы, и судья (magistrate) или отпускаетъ его на волю, или подвергаетъ исправительному наказанію или изрекаетъ commitment, то есть повелѣніе представить въ компетентный судъ. Иногда для изреченія коммита мента понадобится больше доказательствъ, чѣмъ сколько ихъ могло быть представлено къ первому засѣданію. Тогда дѣло откладывается на 8 дней, а подсудимый въ это время содержится подъ арестомъ. Полиція содѣйствуетъ всѣми средствами обвинителю и обвиненному и старается раскрыть существо преступленія. Часто инспекторъ получаетъ отъ судьи непосредственное порученіе. Случается, что обвинитель не хочетъ представлять низшему суду своихъ доводовъ и требуетъ передачи дѣла въ судъ ассизовъ. Тогда арестъ можетъ быть продолженъ, но отвѣтственность за него падаетъ на обвинителя.

Въ 1849 году изъ 70,666 лицъ, арестованныхъ въ Лондонѣ, отпущено 34,756; 31,343 преданы суммарному суду

и исправительному наказанію, наконецъ 4,643 чело́вѣка отосланы въ высшіе уголовные суды.

Такое предоставленіе обвиненія въ частныя руки имѣетъ однако и свои невыгоды. Есть люди, которые пользуются робостію другихъ и заставляютъ ихъ отплачиваться большими суммами. Съ другой стороны часто страдаетъ интересъ общественный: много преступленій остаются ненаказанными единственно по недостатку обвинителя. Послѣднее зло, впрочемъ, значительно уменьшилось со времени основанія множества ассоціацій съ цѣлію преслѣдовать извѣстныя преступленія (*) и со времени организаціи полиціи Робертомъ Пилемъ въ 1824 г.

Полисмены снабжены вполне достаточными средствами для быстраго и успѣшнаго преслѣдованія преступниковъ. Всѣ они могутъ требовать содѣйствія отъ своихъ товарищей, и имѣютъ возможность немедленно получать нужныя приказанія (warrants) отъ мирныхъ и полицейскихъ судей, отъ короеровъ, отъ членовъ Queen's Bench'a и т. п., въ случаяхъ, превышающихъ данную имъ инструкцію власть, на обыскъ въ домахъ, арестъ безъ *delictum flagrans* и пр.; они тщательно собираютъ всѣ улики, отыскиваютъ свидѣтелей, дѣлаютъ осмотры и пр. Къ должности своей они готовятся въ такъ называемыхъ пригготовительныхъ классахъ; для полученія ея обязаны представить свидѣтельство о способностяхъ и хорошемъ поведеніи, такъ что, при всемъ пониманіи обязанностей и правъ гражданина, они обладаютъ обыкновенно ловкостію и большимъ знаніемъ дѣла.

Само собою разумѣется, что въ случаѣ, если полисменъ замѣтитъ лично совершеніе преступления, или если услышитъ подозрительный шумъ въ какомъ нибудь домѣ, онъ можетъ

(*) Общества, преслѣдующія безирравственные картины и эстампы; общества, основанныя съ цѣлію преслѣдовать нищенство; общества, преслѣдующія конокрадовъ и пр. (Mittm); кромѣ того, во всякомъ городѣ, особенно въ большихъ, находится особенный атторней съ своимъ клеркомъ, который получаетъ вознагражденіе за всякое открытое имъ преступленіе (*Foublanque* 184). Атторней этотъ слѣдовательно есть что-то въ родѣ публичнаго обвинителя въ своемъ городѣ.

ея офіцію начать дѣйствовать, можетъ арестовать заподозрѣннаго челоуѣка, позвонить въ домъ, изъ котораго слышенъ шумъ и даже взломать дверь, если ея не отворять и если не послѣдуетъ никакого отвѣта.

Жаль только, что подобное учрежденіе не простирается на всю Англію. Лучшая полиція лондонская. Большіе города, какъ напр., Ливерпуль, Манчестеръ и т. п. устроили у себя такую же, но мелкіе города и самыя графства лишены ея совершенно.

2) Въ государственныхъ преступленіяхъ (treason, libel) до свхъ поръ еще министерство сохранило право арестовать виновнаго по повелѣнію государственнаго секретаря, но послѣднему не ввѣряется ни судебная, ни слѣдственная власть. Для снятія допросовъ онъ долженъ призвать полицейскаго судью (police magistrate). Слѣдствіе можетъ быть производимо въ министерскомъ отелѣ и безъ присутствія публики, но послѣ обвиненіе должно быть поручено королевскимъ адвокатамъ (Attorney General или Solicitor Gen.) и дѣло идетъ обычнымъ порядкомъ.

3) Въ случаѣ открытія трупа (unnatural and violent death) долженъ начать слѣдствіе (inquest) коронеръ (Coroner). Первоначально custodes placitorum coronae, coronatores, были установлены Ричардомъ I-мъ въ 1194 г. для осмотра находимыхъ труповъ. И въ настоящее время коронеры считаются охранителями королевскаго мира. Должность эту можетъ получить всякій владѣлецъ, платящій извѣстный цензъ, хотя бы онъ и не имѣлъ никакихъ юридическихъ свѣдѣній. По большей части, впрочемъ, въ коронеры избираютъ адвокатовъ, атторисевъ и врачей. Должность эта пожизненная.

Какъ только коронеръ получаетъ отъ полицімена, церковнаго надзирателя (*), или простаго гражданина извѣстіе о находкѣ мертваго тѣла, то онъ сей часъ созываетъ присяжныхъ

(*) Который не имѣетъ права хоронить подозрительные трупы, не извѣстивъ коронера.

(иногда окольных сосѣдей) и начинает свой inquest (слѣдствіе). Они осматриваютъ тщательно трупъ, выслушиваютъ свидѣтелей, призываютъ свѣдущихъ людей. Отличные медики и химики часто дѣлаютъ въ ихъ присутствіи секцію и химическое изслѣдованіе. Иногда они отправляются въ жилище умершаго, освѣдомляются объ немъ отъ хозяевъ, сосѣдей и т. п. По такимъ фактамъ присяжные опредѣляютъ причины смерти и указываютъ въ своемъ приговорѣ на неосторожность, самоубійство или преступленіе. Въ послѣднемъ случаѣ они указываютъ на пзвѣстное лицо, если падаетъ на кого нибудь явное подозрѣніе или прибавляютъ къ своему рѣшенію, что убійство совершено неизвѣстнымъ лицомъ.

Англичане впрочемъ жалуются на суды коронерскіе. Много упрековъ слышится противъ личныхъ качествъ коронерскихъ присяжныхъ (отъ нихъ законъ требуетъ меньше, какъ мы замѣтили выше), противъ злоупотребленій самихъ коронеровъ, которые часто безъ основательнаго повода нарушаютъ домашнее спокойствіе и личную свободу гражданъ, наконецъ противъ бесполезности всей этой процедуры. Дѣйствительно, англичане въ настоящее время часто минуя коронера и прямо обращаются къ судамъ мирнымъ, полицейскимъ и къ большимъ присяжнымъ. Вообще, суды коронерскіе имѣютъ, кажется, только историческое значеніе и существуютъ теперь какъ остатокъ старины, подобно многимъ другимъ устарѣлымъ учрежденіямъ Англій.

Въ послѣднее время нѣсколько разъ поднимался былъ въ парламентѣ вопросъ объ учрежденіи публичнаго обвинителя, которому бы можно было вмѣнить въ обязанность преслѣдованіе тѣхъ преступленій, гдѣ не является никакого частнаго обвинителя. Онъ долженъ бы былъ помогать совѣтамъ тѣмъ изъ гражданъ, желающимъ проводить обвиненіе, которые не имѣютъ сами довольно свѣдѣній, а приобрести себѣ совѣтъ частнаго адвоката не въ состояніи.

Наконецъ, въ дѣлахъ, касающихся интересовъ всей Англій, министерство заботится о началіи процесса. Такъ, въ дѣ-

лѣ австрійскаго банка о поддѣлкѣ его кредитныхъ билетовъ, министерство назначило короннаго адвоката, пбо тутъ были задѣты торговые интересы самой Англїи. Также въ дѣлѣ о нанесенїи ранъ двумъ полисменамъ, правительство взяло всѣ издержки на себя.

Вотъ какими органами лицо заподозрѣнное можетъ быть въ Англїи поставлено въ состоянїе обвиненїя. Полицейскимъ ли судомъ, приговоромъ ли коронера, прямымъ ли повелѣнїемъ одного изъ высшихъ судовъ Англїи, или даже судьи, предсѣдательствующаго въ ассизахъ, обвиненный можетъ быть committed, то есть заключенъ въ тюрьму или отданъ на поруки, со вмѣненїемъ въ обязанность представить его въ судъ ассизовъ къ сроку. Отдача на поруки (bail) употребляется въ Англїи очень часто, законъ требуетъ только поручительства двухъ землевладѣльцевъ (freeholders) или внесенїя извѣстной суммы въ залогъ.

Теперь составляется обвинительный актъ (indictment) всегда почти адвокатомъ юристомъ. Актъ этотъ можетъ имѣть силу тогда только, когда соответствуетъ извѣстнымъ, закономъ предписаннымъ условїямъ. Поэтому въ составленїи его нужна величайшая осмотрительность. Вотъ требуемыя отъ него условїя:

1) Въ немъ самое преступленїе должно быть названо юридическимъ терминомъ. Лицо обвиняемое, предметы испорченные или похищенные должны быть опредѣлены съ точностїю. Малѣйшая ошибка въ одномъ изъ этихъ пунктовъ влекла за собою въ прежнее время недействительность цѣлаго акта. Теперь дозволяется исправлять менѣ существенныя ошибки, безъ уничтоженїя силы обвиненїя.

2) Актъ долженъ заключать обвиненїе одного только лица, если въ данномъ дѣлѣ не было участниковъ преступленїя.

3) Въ актѣ должна заключаться una causa, по крайней мѣрѣ въ обвиненїяхъ, направленныхъ на felony. Нельзя обвинять кого нибудь въ смертоубійствѣ и въ то же время въ поджогѣ. Только проступки (misdemeanors) можно совокуплять по нѣскольку. Такъ, напр., дозволяется обвинять разомъ

въ трехъ простыхъ воровствахъ, если они совершены были въ теченіи 6-ти послѣднихъ мѣсяцевъ.

Вотъ образецъ обвинительнаго акта для покражи.

Кентъ, къ свѣдѣнію.

«Присяжные нашей государыни королевы представляютъ по клятвѣ, что *Джонъ Смитъ* въ 1-й день мая 1858 года отъ рожденія Спасителя *преступно украсть*, взялъ и унесъ у *Джемса Броунъ* одно золотое кольцо и одинъ ящикъ съ вещами, въ нарушеніе мира нашей государыни королевы, въ поруганіе ея короны и достоинства» (*).

Обвиненный можетъ взять копию съ этого акта за уплатою небольшого вознагражденія переписчику.

Несмотря на всѣ эти предварительныя формальности, indictment не допускается еще къ суду ассизовъ, прежде нежели онъ будетъ подтвержденъ такъ называемыми большими, или обвинительными присяжными. Отъ такой формальности освобождаются только приговоры коронерскіе.

Присяжныхъ 23 человекъ. Выбираются они изъ лицъ должностныхъ и изъ лучшаго въ графствѣ gentry (principal gentry), квалифицированнаго къ званію мирнаго судьи. Они разсматриваютъ всѣ доводы обвинителя. Обвиненнаго они не призываютъ, свидѣтелей его не слушаютъ, публики къ своимъ засѣданіямъ не допускаютъ. Если большинство 12-ти человекъ найдетъ поводы къ обвиненію достаточными, то foreman ихъ полагаетъ на актъ надписъ «true bill» въ противномъ случаѣ «not bill». Послѣдствіемъ not bill служитъ немедленное увольненіе обвиненнаго.

(*) Kent, to wit.

«The jurors for our Lady the Queen upon their oath present that John Smith on the first day of May in the year of our Lord one thousand eight hundred and fifty eight one gold ring and one box of the goods and chattels of James Brown feloniously did steal, take and care away against the peace of our Lady the Queen, her crown and dignity (Fonblanque How we are governed, 190)».

Grand Jury засѣдаетъ въ смежной ассизамъ залѣ и дѣло теперь переходитъ безъ задержки въ судъ (*).

СУЖДЕНИЕ (Trial).

Только въ дѣлахъ о государственной измѣнѣ, обвиненному за десять дней до сужденія передается копія обвинительнаго акта и списки свидѣтелей и присяжныхъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ подобныхъ объявленій не бываетъ и обвиненный знаетъ все нужное ему по прежней процедурѣ, которая происходила на его глазахъ.

По закону 20-го августа 1836 г., всякій обвиненный получилъ право имѣть защитника. Прежде это право было предоставлено только государственнымъ преступникамъ; другіе могли пользоваться имъ только съ позволенія суда. Теперь имѣть защитника считается дѣломъ крайней необходимости. Родственники и друзья жертвуютъ всѣмъ, что находится въ ихъ распоряженіи для того, чтобы приобрести совѣты и краспорѣчіе знаменитаго адвоката. Въ случаѣ несостоятельности обвиненнаго онъ можетъ быть уволенъ отъ всѣхъ издержекъ процедуры и тогда президентъ проситъ какого нибудь члена адвокатскаго сословія, чтобы тотъ принялъ на себя труды защиты. Отказа никогда не бываетъ.

Къ назначенному дню шерифъ призываетъ 6, иногда даже 12 комплектовъ присяжныхъ. Имъ дѣлаютъ перекличку. Отсутствующіе безъ уважительныхъ причинъ подвергаются значительному штрафу.

Судъ уже собранъ въ полномъ составѣ. Судья, присяжные, адвокаты, атторней находятся на своихъ мѣстахъ. Сигер возвѣщаетъ открытіе засѣданія.

Съ одной стороны вводятъ обвиненнаго изъ близъ лежа-

(*) Англичане тяготятся уже обвинительными присяжными. Прежде они то и выражали *fama patriae*, общій голосъ, о которомъ мы говорили выше. Теперь дѣйствительно дѣятельность ихъ перестала быть необходимою и они часто могутъ быть въ тягость обвинителю. Въ Шотландіи ихъ нѣтъ.

щей тюрьмы, соединенной съ заломъ особеннымъ ходомъ. Онъ входитъ на возвышеніе, отдѣленное рѣшеткою.

На другой сторонѣ садится обвинитель. Въ смежной залѣ ждутъ свидѣтели.

Казалось бы, что строгія формальности обвинительнаго акта, и подтвержденіе его присяжными должно поселить въ судѣ извѣстное предубѣжденіе противъ обвиненнаго. Но въ англійской процедурѣ, напротивъ, твердо установилось правило, что обвиненный считается безукоризненнымъ гражданиномъ до тѣхъ поръ, пока противное не будетъ доказано въ судѣ очевидными доводами. Отъ древняго англійскаго законодательства остался даже афоризмъ, въ которомъ оно требуетъ отъ судьи даже участія къ подсудимому: *the judge is the counsel for the prisoner*. Всѣ возможныя средства защиты и оправданія должны быть ему доставлены.

Сначала клеркъ суда читаетъ обвинительный актъ и спрашиваетъ, какой процессъ хочетъ имѣть обвиненный: *guilty* или *not guilty*. Первый, т. е. сознание въ преступленіи, влечетъ за собою непосредственное составленіе приговора и опредѣленіе наказанія; второй вызываетъ настоящее формальное судопроизводство. Оно начинается воззваніемъ къ обвиненнымъ, которое дѣлаетъ одинъ изъ судебныхъ чиновниковъ.

«Узники! Эти добрые люди, имена которыхъ вы сейчасъ услышите при вызовѣ, суть присяжные, которые должны разсудить васъ съ нашею государыней королевой (*who are to pass between you and our Sovereign the queen upon your trials*). Если вы, или который нибудь изъ васъ, хотите отвести ихъ, или котораго нибудь изъ нихъ, то отводите въ то время, когда они будутъ подходить къ клятвенной книгѣ до совершенія ими присяги. Васъ выслушаютъ».

И обвиненный, и обвинитель при этомъ имѣютъ равное право на отводъ (*challenge*). Отводъ этотъ можетъ простираться:

1) На весь списокъ (*challenge to the array*), когда шерифъ, при назначеніи присяжныхъ къ суду, позволилъ себѣ

незаконныя дѣйствія, или когда онъ во время составленія списка входилъ въ сношенія съ подсудимымъ.

2) На отдѣльныя лица (to the polls) и притомъ:

а) Съ представленіемъ причины отвода въ неопредѣленномъ и

б) Голословно (peremptory challenge) въ извѣстномъ ограниченномъ числѣ.

Причины отвода допускаются:

а) propter honoris respectum. Пера можетъ исключать и та и другая сторона.

б) propter defectum, если присяжный не имѣетъ требуемыхъ закономъ качествъ.

в) propter affectum: родство съ истцомъ, отвѣтчикомъ, или съ какимъ нибудь членомъ корпораціи, которая выступаетъ въ качествѣ обвинителя; участіе въ какомъ нибудь изъ прежнихъ приговоровъ или въ рѣшенія обвинительныхъ присяжныхъ; подкупъ, тяжба съ одною изъ сторонъ.

г) propter delictum: преступленіе.

Кромѣ этихъ principal challenges есть еще такъ называемыя challenges to the favour: что присяжный за нѣсколько дней до сужденія обѣдалъ съ противною стороною, что они съ собою дружны и. т. п. Причинъ этихъ перечислить не возможно. Допущеніе ихъ зависитъ вполне отъ усмотрѣнія судьи. Разъ отвели присяжнаго за то, что онъ далъ своей собагѣ кличку «королевскій свидѣтель».

Съ объявленіемъ причинъ можно отводить неограниченное число присяжныхъ.

Безъ объявленія причинъ дозволяется отводить обвиняемому въ felony 20, а въ государственныхъ преступленіяхъ (treason, libel) 35 человекъ. Англичане дорожатъ такимъ голословнымъ отводомъ, ибо, говорятъ они, отводъ всегда можетъ поселить въ душѣ присяжнаго чувство нѣкотораго неудовольствія, которое бы могло вліять на его рѣшеніе; поэтому въ случаяхъ, когда юридически не можетъ быть доказана неспособность присяжнаго, а подсудимый питаетъ къ нему подо-

зрѣніе, единственное средство для устраненія его есть перемптуарный отводъ.

Если посредствомъ отвода весь списокъ псечерпанъ, то призываются подставные присяжные (tales) и на нихъ отводъ продолжается по прежнему. Англичане впрочемъ рѣдко пользуются въ обыкновенныхъ случаяхъ своимъ правомъ, ибо питаютъ довѣріе къ шерифу и присяжнымъ. Отводъ въ большомъ употребленіи только въ политическихъ процессахъ, напр., чартистовъ въ 1848 г. Не отводимый и вызванный жребіемъ присяжный подходитъ къ клятвенной книгѣ и произноситъ вслѣдъ за клеркомъ требуемую присягу.

Когда такимъ образомъ составится комплектъ 12 человекъ, то начинается самое сужденіе.

Теперь начинается дѣятельность обвинителя. Онъ обязанъ проводить свое обвиненіе законнымъ порядкомъ и потому за него обыкновенно дѣйствуетъ адвокатъ. Обвинитель не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ обвиняемымъ. Даже Attorney General и Solicitor General выступаютъ въ качествѣ простыхъ адвокатовъ. Обѣ стороны совершенно равноправны.

Обвинитель призываетъ своихъ свидѣтелей. По одному вводятъ ихъ изъ смежной залы. Они всходятъ на устроенную для нихъ каедрю. Такъ какъ свидѣтельскія показанія составляютъ одно изъ самыхъ важныхъ средствъ судебного доказательства (law of evidence), то въ свидѣтели допускаются даже малолѣтныя и помѣшанные. Судья только предлагаетъ имъ вопросы для того, чтобы узнать, понимаютъ ли они важность свидѣтельства и присяги. Не допускаются только атеисты и, конечно, клятвопреступники.

Если свидѣтель допущенъ, то officer читаетъ ему присягу, которую тотъ долженъ повторить во всеуслышаніе, потомъ дѣлаетъ крестъ и Евангеліе и наконецъ дѣлаетъ свое показаніе по вопросамъ, представляемымъ обвинителемъ. При этомъ должны быть соблюдены слѣдующія правила: 1) можно предлагать вопросы только идущіе къ дѣлу и относящіеся къ какому нибудь важному существенному факту; 2) можно спрашивать свидѣтеля только о такихъ фактахъ, о которыхъ онъ имѣетъ непо-

средственныя свѣдѣнія. Показанія по наслышкѣ не принимаются вовсе; 3) вопросы должны быть прямые (chief examination); наводить на отвѣты нельзя (leading questions).

Показанія свидѣтельскія подлежатъ контролю противной стороны. На всякій пунктъ показанія адвокатъ противника можетъ предлагать свои вопросы. Это называется перекрестный допросъ (cross—examination). Средствомъ этимъ пользуются англійскіе адвокаты съ особеннымъ искусствомъ. Въ одномъ процессѣ, гдѣ дѣвушка служанка обвиняла своего господина въ нарушеніи ея цѣломудрія, адвокатъ послѣдняго разомъ обезоружилъ ее, уличивъ въ томъ, что она взводила подобныя обвиненія уже на четырехъ своихъ господъ.

На засѣданіи находятся полицейскіе чиновники (инспекторъ полиціи всегда долженъ тутъ присутствовать), эксперты медки, химики и т. п. Они даютъ нужныя объясненія; иногда сами присяжные отправляются на мѣсто преступленія для осмотра онаго, но по большей части туда отправляется полицменъ, который дѣлаетъ только донесеніе суду о найденномъ.

Когда всѣ доказательства обвиненія уже приведены, то адвокатъ обвиняющей стороны обращаетъ рѣчь къ присяжнымъ, въ которой резюмируетъ всѣ свои доводы и заключаетъ не обходимостію наказанія. Рѣчь обыкновенно кратка и ясна, въ нее не позволяется вносить біографію обвиняемаго, а только факты, относящіеся къ описанному въ обвинительномъ актѣ дѣянію. Англійскіе ораторы дѣйствуютъ по преимуществу очевидностію мысли, силою силлогизма, а не чувствомъ, не патетическими тирадами. Впрочемъ, когда того требуетъ ясность дѣла, судъ спрашиваетъ, — но только свидѣтелей, а не адвоката, о прежней жизни обвиненнаго, о мнѣніи, которымъ онъ пользовался у сосѣдей (процессъ Drogu у Миттерм.).

Послѣ того судья обращается къ обвиненному съ вопросомъ, не желаетъ ли онъ сказать чего нибудь отъ себя? Причемъ онъ замѣчаетъ, что обвиненный вовсе не обязанъ давать показанія во вредъ самому себѣ, но что разъ сдѣланное показаніе получитъ силу доказательства и можетъ быть употреблено противъ него. Если преступникъ

не отвѣчаетъ, потому что онъ глухъ, нѣмъ, или помѣшанъ (by the visitation of God); то судъ приостанавливается и его отправляютъ въ соответственное заведеніе (asylum). Если же онъ не отвѣчаетъ, потому что не хочетъ (mute of malice), то судъ продолжается, но судья не можетъ повторять вопроса и принуждать къ объясненіямъ.

Это правило, что никто не обязанъ говорить противъ самаго себя, явилось со времени уничтоженія пытки, въ противудѣйствіе прежнему порядку вещей. Билль 1848 г. подтвердилъ судьямъ обязанность напоминать подсудимымъ это правило и предупреждать о послѣдствіяхъ признанія. Такимъ образомъ обвиненный въ Англіи не подвергается даже нравственной пыткѣ. Ему предоставлена полная свобода дѣйствій.

Обыкновенно обвиненный или его адвокатъ возражаютъ рѣчью, въ которой или совершенно опровергаютъ обвиненіе или стараются смягчить характеръ изображеннаго въ немъ преступленія. Въ подтвержденіе словъ своихъ они приводятъ критику свидѣтельскихъ показаній и просятъ позволенія представить своихъ очистительныхъ свидѣтелей. Желанію этому, конечно, удовлетворяютъ немедленно. Тутъ опять начинается перекрестный допросъ.

Наконецъ адвокатъ обвинителя отражаетъ въ своей рѣчи возраженія защитника и повторяетъ свое обвиненіе.

Во все время этой борьбы судья остается безстрастнымъ и молчаливымъ. Онъ выступаетъ только тогда, когда нужно охранить интересы правосудія, напр., когда нужно узнать, способенъ ли къ показаніямъ свидѣтель, когда нужно устранить неимѣющія по закону силы доказательствъ показанія или когда нужно направить вниманіе на существенно-важную сторону дѣла и т. п.

Вообще же онъ хранитъ невозмутимое спокойствіе, внимательно слѣдитъ за ходомъ борьбы, но самъ въ нее не вступается. Такимъ образомъ онъ стоитъ выше всякаго увлеченія, всякаго пристрастія къ одной и ожесточенія противъ другой стороны.

Дѣло должно быть вполне разъяснено и доведено до осязательной очевидности (evidence). Человѣкъ найденъ съ веревкой на шеѣ мертвый. Исслѣдованію подлежитъ: отъ какой причины произошла смерть? отъ давленія веревки или отъ удара крови вслѣдствіе горизонтальнаго положенія тѣла? Но веревка придавила дыхательное горло и прекратила дыханіе, слѣдовательно смерть произошла отъ веревки. Но что же это: убійство, или, можетъ быть, самоубійство? Нѣтъ ли слѣдовъ насилія. Найдено, что грудь придавлена была колѣномъ, слѣдовательно насиліе очевидно и притомъ самоубійство невозможно. На брюкахъ у обвиненнаго найдены кровавыя пятна. Знаменитый химикъ Тейлоръ объявилъ, что пятна происходятъ отъ крови живаго человѣка. Изъ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что обвиненный выходилъ въ этотъ часъ изъ дому; опредѣлено было почти каждое движеніе его въ ту ночь. Тогда присяжные произнесли свое «guilty».

Когда дѣятельность обвинителя и обвиненнаго уже кончилась, то судья произноситъ свою заключительную рѣчь (charge).

Часто она состоитъ въ простомъ прочтеніи замѣтки, составленной во время самыхъ преній. Необходимыя части ея: повтореніе всѣхъ доводовъ и главныхъ пунктовъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ и обращеніе вниманія присяжныхъ на самыя важныя и самыя спорныя пункты. Объяснивъ имъ по смыслу закона и теоріи права относительную важность приведенныхъ доказательствъ, предостерегши ихъ отъ возможныхъ заблужденій, онъ требуетъ отъ нихъ вердикта по совѣсти, но «according to the law of evidence».

3. ПРИГОВОРЪ.

Напутствованные рѣчью судьи, присяжные начинаютъ свои совѣщанія. Часто тамъ, гдѣ доказательства довели дѣло до полной очевидности (evidence); они въ нѣсколько минутъ даютъ свое рѣшеніе, иногда даже до выслушанія charge пред-

сѣдателя. Но при обсужденіи вопросовъ болѣе запутанныхъ, гдѣ не предвидится скорое соглашеніе, они удаляются въ особую комнату.

Вердиктъ ихъ (*verum dictum*) долженъ разрѣшить вопросъ о виновности или невинности подсудимаго. Такимъ образомъ, они опредѣляютъ: подлежитъ ли данное преступленіе вмѣненію? Совершено ли оно въ здравомъ умѣ, съ полною обдуманностію и со злостною волею? Признаки, явствующіе изъ доказательствъ, достаточны ли для составленія, по смыслу закона, того преступленія, которое названо въ обвинительномъ актѣ.

Составленный изъ такихъ элементовъ приговоръ присяжныхъ не есть слѣдовательно судъ о чистомъ фактѣ (отравленъ ли N N или нѣтъ?), но полное опредѣленіе виновности даннаго лица передъ закономъ (отъ умысла или отъ случая произошла отравка? Данное вещество могло ли произвести смерть или она произошла отъ другихъ причинъ? Можетъ ли слѣдовательно подсудимый быть обвиненъ въ murder?).

Иногда пренія присяжныхъ продолжаются по нѣсколькимъ часамъ и они не могутъ согласиться въ рѣшеніи. Они въ такомъ случаѣ возвращаются въ залу судебныхъ засѣданій; предсѣдатель даетъ имъ нужныя объясненія, но если и послѣ того согласія не будетъ, то судья отпускаетъ ихъ и призываетъ другой комплектъ.

Для правильности вердикта требуются слѣдующія условія

1) Приговоръ ихъ долженъ быть слѣдствіемъ свободнаго и вполне независимаго сужденія о дѣлѣ. Сужденіе это вырабатывается прямо дѣйствіемъ доказательствъ, судебныхъ преній на умъ и убѣжденіе присяжныхъ. Часто случается, что призывается къ присягѣ лицо проситъ увольненія его отъ обязанности присяжнаго, потому что онъ заранѣе составилъ уже себѣ мнѣніе о фактѣ по журнальнымъ статьямъ и по частнымъ разговорамъ.

Въ исполненіе этого правила законъ положительно запрещаетъ судѣ входить въ комнату присяжныхъ и съ ними

тайно бесѣдовать, хотя бы его призвали сами присяжные.

Далѣе, имъ даютъ только обвинительный актъ и нѣкоторые положительно за доказательства принимаемые документы. Всѣ другія бумаги не доступны для нихъ. Они должны руководствоваться только тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело на нихъ живое слово. Наконецъ, во имя того же начала, присяжнымъ воспрещается всякое сообщеніе съ вѣшнимъ міромъ. Если сужденіе продолжится такъ долго, что пужны отдыхъ и подкрѣпленіе пищею, то судья долженъ озаботиться о томъ, чтобы имъ доставлены были всѣ удобства и чтобы мѣсто, въ которомъ они находятся, было совсѣмъ отдѣлено отъ всякихъ сообщеній. Ни подъ какимъ предлогомъ не позволяется присяжнымъ до произнесенія вердикта возвращаться къ себѣ на домъ, въ семейный кружокъ, или входить въ общественныя заведенія, трактиры, гостиницы и. т. п.

2) Приговоръ долженъ быть направленъ на то преступленіе, какое обозначено въ обвинительномъ актѣ. Впрочемъ, когда присяжные найдутъ подсудимаго невиннымъ въ названномъ обвинителемъ преступленіи, но изъ хода судебныхъ преній обнаружится виновность его въ другомъ, менѣе тяжкомъ, но однородномъ: то они могутъ оправдать его въ первомъ и обвинить во второмъ, во избѣжаніе безнаказанности преступниковъ.

3) Приговоръ ихъ долженъ быть единогласный. Большинство голосовъ не допускается. Только такимъ образомъ, по мнѣнію англичанъ, можетъ быть устранимо всякое сомнѣніе въ справедливости судебного рѣшенія. Обвиненіе или оправданіе выражается ясно, опредѣленно неизмѣнною формулою «guilty» или «not guilty»; средняго термина, какъ шотландское «not proven», нѣтъ въ англійскомъ судопроизводствѣ.

Часто впрочемъ присяжные, произнося обвинительный приговоръ, поручаютъ преступника милости королевы, иногда даже *wits strong recomandation*. Такое объявленіе нѣсколько походитъ на французскія *circonstances atténuantes*, только

что не палагаетъ на судью юридической обязанности понижать наказаніе извѣстнымъ числомъ степеней.

Когда у присяжныхъ составилось уже единогласное мнѣніе о данномъ фактѣ, то они возвращаются въ залъ засѣданій суда и избранный ими foreman произноситъ свое «guilty» или «not guilty»

Теперь начинается дѣятельность судьи. Онъ прежде всего провѣряетъ вердиктъ. Если найдетъ его неправильнымъ, то высказываетъ свой взглядъ, свои мотивы и требуетъ отъ присяжныхъ пересмотра ихъ рѣшенія, если оно не внесено еще въ протоколъ.

Когда же подобныхъ недоразумѣній не возникаетъ, то судья назначаетъ немедленно соответствующее преступленію наказаніе. Иногда онъ отлагаетъ на некоторое время свое рѣшеніе, для того, чтобы посоветоваться съ своимъ товарищемъ или обратиться къ Queen's Bench'у. Въ опредѣленіи наказанія онъ пользуется почти неограниченною свободою: судья Паттесонъ въ Oxford Circuit осудилъ только на четырнадцатидневный арестъ отцеубійцу, потому что отецъ сильно оскорбилъ и раздражилъ сына, такъ что тотъ потерялъ самообладаніе. Въ этомъ случаѣ судья состоитъ единственно подъ контролемъ общественнаго мнѣнія и своей собственной совѣсти. Законъ опредѣляетъ, правда, извѣстныя наказанія за извѣстныя преступленія, но степень пониженія, въ случаѣ существованія смягчающихъ обстоятельствъ, не опредѣлена. Судья можетъ даже на фактъ почти уничтожить обвинительный вердиктъ присяжныхъ, если онъ ему покажется неправильнымъ, напримѣръ назначить шиллингъ пени.

Такая огромная власть предоставлена англійскимъ судьямъ потому, что по своему высокому положенію, по зависимости отъ общественнаго мнѣнія и всегда почти по личнымъ качествамъ, они внушаютъ къ себѣ полное довѣріе.

Вотъ въ главныхъ чертахъ и въ краткомъ обзорѣ вся англійская уголовная процедура, весь путь, по которому англичане доходятъ отъ простаго обвиненія до полнаго убѣж-

денія въ преступности извѣстнаго лица и въ необходимости подвергнуть его назначенному законами наказанію.

Вглядѣвшись въ эту систему судопроизводства, нельзя не признать ея превосходства передъ континентальными.

Составъ суда безукоризненъ, да и программа предписанная этому суду въ руководство, не менѣе достойна изученія. Обычай и законъ англійскій всѣми мѣрами старается оградить обвиненнаго отъ всѣхъ вредныхъ вліяній, отъ всякихъ козней злонамѣренности; устанавливаетъ изслѣдованіе дѣла на простыхъ и строго справедливыхъ началахъ, бережетъ присяжныхъ отъ всякаго впечатлѣнія безотчетнаго и неосновательнаго; наконецъ требуетъ единогласнаго приговора 12-ти человекъ, чтобы подвергнуть гражданина, преступность котораго не подлежитъ сомнѣнію, извѣстнымъ лишеніямъ, страданіямъ и даже смертной казни.

Во всѣхъ извѣстныхъ намъ постановленіяхъ англійскаго уголовного законодательства мы находимъ меньше заботливости о томъ, чтобы уличить преступника, чѣмъ о томъ, чтобы невиновный не пострадалъ. Оно желаетъ внушить не страхъ, а довѣріе обвиненному къ своимъ судьямъ.

II. ВО ФРАНЦІИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛѢДСТВІЕ И АКТЪ ОБВИНЕНІЯ.

Вся дѣятельность по предварительному слѣдствію раздѣлена во Франціи между членомъ *ministère public* (по большей части прокуроромъ) и такъ называемымъ слѣдственнымъ судьей (*juge d'instruction*).

Мы говорили уже, что во Франціи число официальныхъ блюстителей общественнаго интереса очень велико. Иерархія ихъ начинается съ *gardes champêtres et forestiers* и оканчивается министромъ юстиціи. Но самые дѣятельные въ немъ члены, это прокуроры: императорскіе при судахъ 1-й ин-

станціи и генеральныя при судѣ ассисовъ. Они облечены властію преслѣдовать преступленія, требовать отъ суда наказанія за оныя, проводить обвиненіе. Въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ (именно: 1) *flagrant délit* и 2) *réquisition de la part d'un chef de la maison*) они могутъ сами производить даже слѣдствіе и арестовать подозрѣваемое въ преступленіи лицо. По общему правилу, однако, эти послѣднія судебныя функціи отнесены къ обязанностямъ упомянутаго выше слѣдственнаго чиновника.

Вотъ какую дѣятельность назначаетъ императорскимъ прокурорамъ *code d'instr. crim.*

1. *Ex officio* розыскивать совершенныя въ его округѣ преступленія, какъ только узнаеть о нихъ по слухамъ, общей молвѣ или по извѣщенію.

2. Получать жалобы и донесенія отъ частныхъ и должностныхъ лицъ.

3. Переписываться постоянно съ генеральнымъ прокуроромъ и извѣщать его о всѣхъ тяжкихъ преступленіяхъ.

4. Посылать по принадлежности и заботиться объ исполненіи всѣхъ распоряженій слѣдственнаго судьи.

Какъ видно изъ этой программы, прокуроръ не имѣеть права самъ приступать и производить слѣдствіе. Освѣдомившись о совершеніи преступленія, онъ долженъ немедленно извѣстить слѣдственнаго судью, которому тотъ же кодексъ повелѣваетъ:

1. Немедленно отправиться на мѣсто преступленія для изслѣдованія состава, характера преступленія и различныхъ обстоятельствъ, могущихъ довести до открытія преступника.

2. Призвать и выслушать родственниковъ, слугъ, сосѣдей, и т. п.

3. Сдѣлать обыскъ на дому, если потребуется.

4. Составить протоколъ.

5. Изречь арестъ надъ обвиненнымъ, находящимся на лицо, или *mandat d'amener* на отсутствующаго.

Прокуроры, должны помогать судѣ въ его дѣйствіяхъ и для этого они снабжены властію завладѣвать подозрительны-

ми бумагами, насильно входить въ домъ и наконецъ призывать военную силу (*droit de requérir directement la force publique*).

Такимъ образомъ, общими силами производится слѣдствие и собираются всѣ факты, нужные для опредѣленія состава преступления. Когда дѣль эта достигнута и слѣдствие уже конечно, то судья, въ присутствіи прокурора, отдаетъ отчетъ въ полученныхъ результатахъ трибуналу 1-й инстанціи или правильнѣе его совѣту (*chambre du Conseil*), состоящему по крайней мѣрѣ изъ 3-хъ судей. Если подозрѣніе окажется неосновательнымъ, то трибуналъ отпускаетъ обвиненнаго на волю (*ordonnance de non-lieu*), противъ чего прокуроръ можетъ протестовать въ теченіи 24-хъ часовъ; если же подозрѣніе покажется сильнымъ, то судъ требуетъ дополнительныхъ свѣдѣній, или даже прямо передаетъ дѣло въ компетентное судебное мѣсто (*ordonnances á poursuivre pour contraventions, pour délits ou pour crimes*). Если прѣвѣну обвиненъ въ тяжкомъ преступленіи (*crime*), то актъ и слѣдствие пересылаются въ *Cour impériale*, гдѣ засѣдаетъ судъ ассизовъ, на руки генеральнаго прокурора. Тотъ самъ, или чрезъ своего субститута, обязанъ въ теченіи 10-ти дней довести до свѣдѣнія о полученномъ обвинительной палатѣ (*Chambres des mises en accusation*), которая, подобно большимъ присяжнымъ въ Англии, рассматриваетъ только доводы обвинителя и не призываетъ обвиненнаго. Она повелѣваетъ составить обвинительный актъ и препроводить преступника въ такъ называемый *maison de justice*, состоящій при судѣ ассизовъ. Увольненіе же ея освобождаетъ подсудимаго отъ новаго процесса по тому же дѣлу только по истеченіи 10-ти лѣтней давности.

Обвиненіе при судѣ ассизовъ есть дѣло генеральнаго прокурора. Онъ составляетъ *acte d'accusation*, въ которомъ должно содержаться описаніе преступления и всѣхъ обстоятельствъ его совершенія, при чемъ законъ не налагаетъ на актъ тѣхъ ограниченій, которыя придаютъ англійскому *indictment* такую ясную и лаконическую форму. Напротивъ, для объясненія характера преступления, прокурору дозволяется рассказывать би-

ографию обвиненнаго и включать краснорѣчивыя обращенія къ присяжнымъ о степени нравственной недостойности даннаго факта и необходимости примѣрнаго наказанія.

Вотъ какъ проста и не замысловата физиономія французскаго слѣдствія. Намъ тутъ не нужно было слѣдить за хлопотами частнаго лица въ преслѣдованіи преступленія. Прокуроръ все уладить: обратитесь только къ нему съ жалобой или съ извѣщеніемъ. По этому случаю въ кодексъ внесено нѣсколько статей о разныхъ видахъ извѣщеній. Онѣ раздѣлены на 1) *dénonciations officielles* и 2) *dénonciations civiles*. Первое дѣлается чиновникомъ по долгу службы и не подвергаетъ его никакой отвѣтственности, второе обязательно только по нѣкоторымъ особеннымъ преступленіямъ; во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ считается добровольнымъ и потому влечетъ за собою вознагражденіе всѣхъ убытковъ, причиненныхъ доносомъ, если онъ окажется ложнымъ. За исключеніемъ такого участія въ дѣлѣ охраненія общества отъ преступленій, частное лицо не имѣетъ никакихъ функций. Оно можетъ выступать въ процессѣ какъ *partie civile*, требовать вознагражденія убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ, но преслѣдованіе преступленія отъ имени оскорбленнаго общества, *action publique*, искъ уголовный въ собственномъ смыслѣ, принадлежитъ исключительно прокурору.

Намъ кажется, что во Франціи для *ministère public* отведена слишкомъ обширная сфера. Идея неутомимаго преслѣдованія преступленія вездѣ, гдѣ бы оно ни было совершено, конечно, прекрасная идея. Но за чѣмъ же отнимать у простаго гражданина право обращаться къ суду съ требованіемъ наказанія лица, оскорбившаго его личные или общественные интересы. Исключительное преобладаніе частнаго обвинительнаго начала можетъ, правда, повести ко многимъ вреднымъ послѣдствіямъ, къ безнаказанности часто самыхъ вопіющихъ преступленій, потому только, что не является обвинитель, но это еще не поводъ къ воспрещенію частному лицу быть обвинителемъ въ процессѣ, если онъ самъ того пожелаетъ.

Въ Шотландіи и въ Сѣверо-американскихъ штатахъ есть также публичные обвинители. Въ Англіи сильно проявляются требованія подобнаго учрежденія, но ни въ одной изъ этихъ странъ не даны обвинителю права французскаго прокурора. Ему назначаютъ тамъ дѣятельность такъ сказать восполнительную; въ обязанность ему вмѣняется преслѣдовать такія преступленія, въ которыхъ нѣтъ частнаго обвинителя, обязываютъ его помогать своими совѣтами сему послѣднему, если онъ недоволенъ свѣдущъ и недоволенъ богатъ, чтобы пріобрѣсть содѣйствіе какого нибудь адвоката. Во Франціи прокуроръ является необходимымъ заступникомъ и повѣреннымъ всякаго обвиняемаго, но при такомъ обширномъ полномочіи, при такой обширной сферѣ, онъ часто можетъ вести дѣло нерадиво: не вникнувъ въ него поглубже, онъ охарактеризуетъ преступленіе слишкомъ рѣзко, случай очень частый, такъ что у него не хватитъ доказательствъ. Тогда присяжные болѣею частію отпускаютъ обвиняемаго, если по ихъ мнѣнію даже при *circumstances atténuantes* наказаніе было бы слишкомъ строго. Одна изъ причинъ того, что количество очистительныхъ приговоровъ слишкомъ велико, состоитъ чуть ли не въ этой неточности обвиненія, которая неизбѣжна при большомъ накопленіи дѣлъ и при обычномъ стремленіи чиновниковъ отличиться усердіемъ по службѣ. Частное лицо должно быть осторожно потому, что на него падутъ издержки процедуры и по напрасну потратятся время и хлопоты. Прокурора же все это нисколько не стѣсняетъ.

Самый составъ обвинительнаго акта, его обычный характеръ, очень неудовлетворительны. Позволеніе включать въ него біографію преступника ведетъ къ психологическимъ попыткамъ объяснить зарожденіе и развитіе въ обвиняемомъ преступныхъ намѣреній, представлять въ ужасающей картинѣ самое совершеніе преступленія и взывать къ присяжнымъ о необходимости поразить подсудимаго обвинительнымъ приговоромъ. Последнее совершенно лишнее, а первое, если и должно быть иногда допущено въ процессѣ, умѣстно болѣе въ

свидѣтельскихъ показаніяхъ, чѣмъ въ ораторской рѣчи обвинителя.

Мало того, вопреки прямому, хотя не очень практичному требованію французскаго закона, что присяжные должны только опредѣлить фактъ и что при этомъ они не должны обращать вниманія на наказаніе, назначенное закономъ, прокуроръ позволяетъ себѣ обращать вниманіе присяжныхъ на послѣдствія, какія бы могли возникнуть изъ очистительнаго приговора (*), и такимъ образомъ старается устрашеніемъ выпудить обвинительный вердиктъ.

Все это слишкомъ далеко отъ трезваго, точнаго описанія факта и только факта въ англійскомъ indictment. Французскій прокуроръ старается увлечь присяжныхъ, а не убѣдить ихъ доводами и доказательствами.

Оттого между прокуроромъ и присяжными нѣтъ никогда довѣрія. Это—спорные, враждующіе элементы. Одинъ—орудіе правительства, другой при первой возможности дѣлается орудіемъ оппозиціи.

ЗАСѢДАНІЕ СУДА АССИЗОВЪ.

Въ теченіе 24-хъ часовъ послѣ переведенія обвиненнаго въ maison de justice его допрашиваетъ президентъ, или отряженный отъ президента ассесоръ, который обязанъ извѣстить его о правѣ требовать кассациі приговора, передаваемаго его суду ассизовъ въ теченіе 5-ти дней. Тотъ же президентъ или его делегатъ обязанъ спросить подсудимаго, есть ли у него защитникъ, и если нѣтъ, то назначить ему одного изъ состоящихъ при судѣ адвокатовъ. Но обвиненный, съ позво-

(*) Примѣръ у Лохвицкаго въ статьѣ «Засѣданія парижскаго уголовного суда въ 1858 г.» (см. рус. вѣст. № 3-й 1839 г.) Въ процессѣ банкира съ повѣреннымъ, употребившимъ во зло возложенное на него довѣріе, прокуроръ говоритъ: «освободите его и завтра 20 кассъ будутъ ограблены». За мѣтимъ, что присяжные были сами банкиры.

ления президента, может вверить свою защиту родственнику или другу.

Всѣ эти формальности должны быть подтверждены протоколомъ и подписью самого подсудимаго, подъ опасеніемъ не дѣйствительности. Въ тоже время секретарь передаетъ ему бесплатно копию съ главнѣйшихъ актовъ судѣвства.

До истеченія пятидневнаго срока процессъ не можетъ быть начатъ безъ особеннаго на то согласія обвиненнаго.

Прокуроръ между тѣмъ призываетъ къ назначенному сроку свидѣтелей той и другой стороны, даже на счетъ суда, если обвиненный по бѣдности самъ ихъ доставить не можетъ.

Списки присяжныхъ и свидѣтелей должны быть ему представлены по крайней мѣрѣ за 24 часа до засѣданія. Имена и фамиліи должны быть прописаны четко и правильно подъ опасеніемъ не дѣйствительности.

Дѣла поступаютъ въ судъ по очереди, установленной въ росписи (rôle) президента. Роспись эта выставляется въ залѣ засѣданій и въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ.

Въ назначенный для открытія сессіи день и въ назначенный часъ собираются присяжные и члены суда.

По приказанію президента, секретарь дѣлаетъ перекличку присяжнымъ по общему (туть записаны *jurés titulaires*) и дополнительному списку (*jurés suppléants*, изъ мѣстныхъ жителей). Неявившихся къ сроку и не представившихъ уважительныхъ причинъ осуждаютъ немедленно на 200—500 фр. пени. Сей часъ же образуется по жребію служебный списокъ (*liste de session*) изъ 36-ти обыкновенныхъ и 4-хъ подставныхъ присяжныхъ.

Когда дойдетъ до известнаго дѣла очередь, то обвиненнаго вводятъ въ залу засѣданій. Президентъ или его делегатъ спрашиваетъ имя, фамилію, званіе и пр., чтобы убѣдиться въ тождественности лица. Секретарь (*greffier*) вызываетъ по служебному списку всѣхъ присяжныхъ и президентъ опускаетъ имена и фамиліи присутствующихъ въ урну. Сужденіе воз-

можно тогда только, когда къ заступанію явится 30 чело-
вѣкъ присяжныхъ. Потому президентъ извѣщаетъ под-
судимаго, сколько въ настоящемъ случаѣ можетъ онъ отвести
присяжныхъ и приступаетъ къ тиражу. Если обвиненный не
знаетъ французскаго языка, то ему даютъ переводчика.

Отводить дозволяется только въ промежутокъ времени,
заключающійся между произнесеніемъ одной и слѣдующей за
нею фамиліи. Принять отвода объявлять нельзя. Право
свое осуществляетъ напередъ обвиненный, а потомъ *ministère public*. Если въ урнѣ находится 36 именъ, то каждая сто-
рона можетъ отвести по 12, если 30, то только по 9, если не-
четное число (н. п. 31), то обвиненный отводитъ однимъ боль-
ше. Если одна сторона не воспользуется своимъ правомъ
вполнѣ, то другая все таки не можетъ пользоваться излиш-
комъ.

Многія лица, обвиненныя въ одномъ преступленіи, отво-
дятъ столько, сколько и одно. Они могутъ условиться между
собою на счетъ очереди, о количествѣ присяжныхъ, которыхъ
хотятъ отвести; въ случаѣ недоразумѣній рѣшаетъ жребіи.

Когда отводъ достигъ послѣдняго предѣла, т. е. когда въ
урнѣ осталось только 12 именъ, то, не смотря ни на какія
возраженія, они призываются къ обязанностямъ присяжныхъ.
Greffier составляетъ списокъ отведеннымъ и оставленнымъ
для суда. Онъ долженъ быть напечатанъ и внесенъ въ про-
токолъ.

Присяжные занимаютъ свои мѣста въ залѣ въ такомъ
порядкѣ, въ какомъ они были внесены въ списокъ. Ихъ *chef*,
назначаемый по жребію или по общему согласію, садится
на первомъ отъ судей мѣстѣ. Мѣста присяжныхъ находятся на
противъ скамьи обвиненнаго.

Залѣмъ открываютъ дверь, входитъ публика и процессъ
начинается.

Обвиненный (по ст. 310 С. I. ст.) является свободно,
безъ цѣпей, только въ сопровожденіи стражи. Онъ не можетъ
являться къ орденахъ, хотя бы былъ и кавалеръ. Отвѣчаетъ
на предлагаемые ему вопросы стоя, съ непокрытой головою.

Президентъ спрашиваетъ его имя, фамилію и напоминаетъ защитнику, что онъ не долженъ говорить ничего противнаго своей совѣсти и законамъ. Потомъ, вставъ съ своего мѣста, онъ обращается къ присяжнымъ съ слѣдующею рѣчью: «клянитесь и обѣщайте передъ Богомъ и передъ людьми изслѣдовать со всевозможнымъ вниманіемъ обвиненія взводимыя на N—; не вредить ни интересамъ обвиненнаго, ни интересамъ общества; ни съ кѣмъ не сообщаться до объявленія вами рѣшенія; не слушать голоса ни злобы и ненависти, ни страха и дружбы; судить согласно доказательствамъ обвинителя и документамъ защиты по вашей совѣсти и по крайнему внутреннему разумѣнію, твердо и безпристрастно, какъ прилично честному и свободному человѣку».

Каждый присяжный встаетъ, и поднимая правую руку, отвѣчаетъ «клянусь» (*je le jure*).

Съ этой минуты они дѣлаются членами суда и имѣютъ право на тоже уваженіе, которымъ пользуется весь судъ ассизовъ. Они могутъ сидѣть съ покрытою головою, но на практикѣ этого не бываетъ.

Президентъ приглашаетъ обвиненнаго быть внимательнымъ къ тому, что услышитъ.

Секретарь читаетъ извлеченіе изъ рѣшенія трибунала 1-й инстанціи, по которому обвиненный препровожденъ въ судъ ассизовъ и потомъ, по приказанію прокурора, обвинительный актъ.

Президентъ, повторивъ главные пункты, говоритъ: *voilà de quoi vous êtes accusés; vous allez entendre les charges, qui seront produites contre vous.*

Теперь начинаются пренія.

Сдѣлавъ, по приказанію прокурора, переключку свидѣтелямъ, секретарь вызываетъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они записаны въ прокурорскомъ спискѣ. Замѣтимъ, что по тому же списку вызываются также свидѣтели обвиненнаго и обиженнаго (*partie civile*).

Свидѣтель даетъ присягу въ томъ, что будетъ говорить «безъ ненависти и безъ страха, что скажетъ всю правду и притомъ одну только правду». Отъ присяги увольняются только лица, не достигшія 15-ти лѣтняго возраста.

Потомъ свидѣтель дѣлаетъ свои показанія. Его не можетъ допрашивать прокуроръ, какъ въ Англіи обвинитель. Онъ долженъ говорить самъ. Силу доказательствъ имѣютъ только показанія устные (*oralement*), ибо только такія показанія могутъ быть подчинены непосредственному контролю обѣихъ сторонъ. Онъ даже не можетъ пользоваться прежде заготовленными письменными замѣтками. Съ разрѣшенія президента, впрочемъ, онъ можетъ прочесть полученное имъ письмо, денешу, или что нибудь подобное. Въ случаяхъ крайней необходимости президентъ, на основаніи особенной предоставленной ему власти (*renvoir discrétionnaire*), можетъ допустить прочтеніе письменнаго показанія умершаго, опасно больнаго, или отсутствующаго свидѣтеля.

Не допускаются показанія 1) родственниковъ и свойственниковъ обвиненнаго до 2-й степени включительно, мужа о женѣ или жены о мужѣ, хотя бы бракъ былъ расторгнутъ. 2) Отъ наемныхъ доносчиковъ. Доносчикъ, не получавшій платы, можетъ быть слушаемъ послѣ предварительнаго увѣдомленія присяжныхъ. 3) Не допускаются также показанія обиженныхъ (*partie civile*), ищущихъ вознагражденія убытковъ (*dommâges intérêts*).

Подозрительныхъ свидѣтелей можно отводить во время переклички, о которой мы сей часъ упомянули.

Обязанность свидѣтеля считается до такой степени необходимою, что за важными свидѣтелями судъ нарочно посылаетъ своихъ служителей или повелѣнія съ правомъ употребить *force publique*.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ за неявку къ засѣданію безъ уважительной причины онъ подвергается тюремному заключенію отъ 6-ти дней до 2-хъ мѣсяцевъ.

Обвиненный, *partie civile*, прокуроръ и присяжные могутъ дѣлать вопросы свидѣтелю, но только черезъ президента.

Самыя показанія свидѣтелей, содержаніе ихъ словъ не записываются въ протоколъ. Секретарь отмѣчаетъ только, были ли исполнены всѣ формальности, предписанныя закономъ. Но если будетъ замѣчено, что показанія свидѣтеля не согласны съ предыдущими, его собственными, или показаніями всѣхъ другихъ свидѣтелей, то прокуроръ и обвиненный могутъ требовать внесенія этого различія въ протоколъ и отдачи свидѣтеля подъ судъ въ слѣдующее засѣданіе. Президентъ немедленно арестуетъ его и вмѣстѣ съ прокуроромъ можетъ сей часъ же начать слѣдствіе, въ которомъ первый беретъ на себя роль слѣдственного судьи, а второй члена судебной полиціи.

Другимъ средствомъ обнаруженія истины считается во французской процедурѣ допросъ обвиненному (*interrogatoire*). Онъ можетъ предлагать обвиненному вопросы, на которые тотъ долженъ отвѣчать самъ, безъ помощи адвоката и безъ всякаго другаго посредничества, кромѣ посредничества переводчика. Если президентъ имѣетъ дѣло съ нѣсколькими обвиненными, то можетъ ихъ распрашивать по одиночкѣ, выслать остальныхъ изъ залы, можетъ призывать нужныхъ свидѣтелей, но не можетъ начать общихъ преній, пока не извѣститъ каждаго изъ обвиненныхъ о происшедшемъ и о результатѣ допросовъ.

Если обвиненный не отвѣчаетъ, то повторять вопроса нельзя. Пренія должны продолжаться обычнымъ порядкомъ.

Свидѣтельскія показанія восполняются другими доказательствами. Читаютъ показанія экспертовъ и т. п., представляютъ иногда присяжнымъ нарочно снятый планъ мѣстности, на которой совершено преступленіе, подносятъ имъ орудія, и т. п. Иногда даже судъ самъ отправляется на мѣсто преступленія для непосредственнаго осмотра онаго.

По предъявленіи всѣхъ этихъ доказательствъ, по исчерпаніи всего списка свидѣтелей, начинаются такъ называемыя

plaidoieries, т. е. судъ слушаетъ рѣчи напередъ части гражданской, потомъ обвинителя прокурора, и наконецъ защитника обвиненнаго и самаго обвиненнаго, если онъ того пожелаетъ. Число репликъ и возраженій не ограничено, но послѣднее слово всегда принадлежитъ обвиненному.

Наконецъ президентъ произноситъ свое *resumé*. Le *président résumera l'affaire*. Если по прочтеніи обвиненія публика была удалена, то тутъ она опять должна быть допущена. Президентъ вкратцѣ повторяетъ все содержаніе преній. Кромѣ сухаго повторенія всѣхъ доводовъ и оправданій онъ можетъ тутъ исправить матеріальную ошибку, если какая нибудь совершена, опровергнуть ложныя теоріи, если ихъ ввелъ защитникъ обвиненнаго и возстановить здравыя начала. Тутъ же онъ сводитъ все содержаніе преній къ самымъ простымъ и существеннымъ пунктамъ и читаетъ въ присутствіи обвиненнаго и обвинителя выведенные изъ дѣла вопросы (*questions*). Законъ требуетъ, чтобы въ началѣ были помѣщаемы вопросы о главномъ фактѣ (*fait principal*). Они начинаются формулою: виновенъ ли N N? Потомъ непременно должны быть внесены законныя оправданія обвиненнаго и вопросъ о признаніи, если подсудимый не достигъ еще 16-ти лѣтняго возраста, причины, уничтожающія вѣщеніе, между прочимъ принужденіе, безуміе, состояніе необходимой обороны и. т. п., потому что присяжные въ такомъ случаѣ пишутъ отвѣтъ отрицательный на главный вопросъ. Наконецъ прописываются еще *questions, resultants des débats*; обстоятельства, отягчающія вину. *Circonstances atténuantes* не вносятся. Ихъ пишутъ сами присяжные. Всѣ вопросы должны быть простые; сложные вопросы или юридическія опредѣленія не допускаются. Они должны быть направлены на фактъ. Это есть однимъ словомъ простое описаніе факта и обстоятельствъ, разчлененное на самые простые пункты. Они не должны заключать въ себѣ ничего новаго, не обсужденнаго во время преній;—въ противномъ случаѣ и обвиненный, и прокуроръ могутъ потребовать возобновленія преній. На всякій вопросъ можно возражать. Возраженія эти обсуждаетъ президентъ вмѣстѣ съ судьями.

Послѣ того президентъ требуетъ отъ присяжныхъ рѣшенія. Онъ предупреждаетъ ихъ, что рѣшеніе образуется простымъ большинствомъ голосовъ, и что, подѣ опасеніемъ недействительности, подача голосовъ должна быть тайная. Передадимъ обвинительный актъ, протоколы, документы за исключеніемъ свидѣтельскихъ показаній, онъ отправляетъ ихъ въ совѣщательный залъ.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ, какъ неудовлетворителенъ во Франціи составъ судебного персонала по крайнему стѣсненію права отвода. Дѣйствительно, если въ урнѣ будетъ 30 именъ, въ такомъ случаѣ обѣ стороны могутъ отвести по 9-ти человекъ. Для одного лица можетъ быть этого числа было бы довольно, но что же если обвиненныхъ нѣсколько человекъ? Имъ можно будетъ отвести по 2 или по 1-му присяжному, между тѣмъ какъ прокуроръ будетъ пользоваться своимъ правомъ вполне и нераздѣльно. Въ такомъ случаѣ очень легко можетъ случиться, что въ составъ жюри попадутъ личные враги обвиненныхъ, агенты полиціи, лица, состояція подѣ влияніемъ прокурора, лица, не внушающія къ себѣ довѣрія и т. п. На нихъ однако нѣтъ никакихъ средствъ, въ ихъ руки непременно должна перейти участь подсудимаго. Тутъ положеніе его становится беззащитнымъ и въ высшей степени опаснымъ, особенно при составленіи рѣшенія семью голосами, изъ которыхъ половина можетъ находиться подѣ влияніемъ двухъ трехъ своихъ товарищей.

Въ Англій также ведется обычай, что обвинитель самъ распоряжается своими свидѣтелями, но во Франціи за чѣмъ же власть прокурора простирается и на свидѣтелей обвиненнаго, и на свидѣтелей *partie civile*? Группировка фактовъ имѣетъ также нѣкоторое значеніе.

Почему президенту дано неограниченное право допрашивать свидѣтелей? Въ Англій судья дознается только, понимаетъ ли хорошо извѣстное лицо всю важность свидѣтельской обязанности; устраняетъ недѣлюща къ дѣлу распространенія; однимъ словомъ, оберегаетъ только интересы правосудія и ясно-

сти диспута. Во Франціи президентъ, допрашивая свидѣтелей, переходитъ въ роль обвинителя. Переходъ еще очевиднѣе на допросѣ обвиненнаго. Тутъ онъ самъ входитъ въ борьбу съ обвиненнымъ, при чемъ слишкомъ трудно уберечь себя отъ увлеченія и сохранить возвышенное, безстрастное положеніе судьи, который долженъ быть превыше партій. Сами французы называютъ такой обычай недостаткомъ процедуры. Притомъ въ своемъ *interrogatoire* президентъ можетъ давать сбивающіе вопросы, а это вѣдь называется нравственною пыткой. Въ Англіи судья не только не требуетъ отъ обвиненнаго показаній на счетъ его собственнаго дѣянія, но даже предупреждаетъ его объ опасности этихъ показаній.

Мы видѣли, какое ловкое орудіе въ рукахъ англійскихъ адвокатовъ составляетъ перекрестный допросъ. Во Франціи сила его ослаблена. Вопросы къ свидѣтелямъ можно обращать только чрезъ посредство президента. Значитъ, президенту предоставлена воля и отказать въ позволеніи предложить вопросъ. Да во всякомъ случаѣ эта ненужная проволочка мѣшаетъ живости преній и даетъ возможность отвѣтчику надуматься.

Что значитъ *roquoir discrétionnaire du président*? Это есть власть, по словамъ ст. 268-й, дѣлать все, что можетъ повести къ открытію истины. Поэтому, онъ можетъ призывать такія лица, которыя не пользуются довѣріемъ закона, и отбирать ихъ показанія, которыя неимѣютъ силы доказательствъ. Но зачѣмъ же вводить въ судъ такіе доводы, на которыхъ нельзя основываться при составленіи рѣшенія? Въ Англіи всѣ подобныя показанія устраняются; хотя тамъ можетъ быть они были бы менѣе опасны, ибо законъ требуетъ отъ присяжныхъ вердикта *according to the law of evidence*. А во Франціи присяжныхъ спрашиваютъ только: *avez vous une intime conviction*? Подвергать ихъ, слѣдовательно, впечатлѣніямъ неосновательнымъ и не признаннымъ закономъ, значитъ прямо вредить подсудимому.

Наконецъ французскія *resumés* заслуживаютъ важный упрекъ, потому что президенты высказываютъ въ нихъ слишкомъ

ясно свой взглядъ на дѣло и такимъ образомъ какъ бы подсказываютъ присяжнымъ рѣшеніе.

Вотъ болѣе яркія черты и болѣе замѣтныя несовершенства французскаго судопроизводства. Надо сознаться, что во французской системѣ сильно пострадала идея правосудія. Законъ старается не о томъ, чтобы доставить невинному всевозможныя средства оправданія, но напротивъ усилить по возможности обвиненіе. Подсудимый въ ассизахъ окруженъ врагами: врагъ ему прокуроръ, врагъ *partie civile*, врагъ и самъ президентъ, Богъ знаетъ какіе свидѣтели и Богъ знаетъ какіе присяжные. При такой обстановкѣ не мудрено, что судъ ассизовъ можетъ подвергнуть самому строгому наказанію такого преступника, который заслуживаетъ болѣе состраданія, чѣмъ наказанія; при такихъ средствахъ, мнѣ даже кажется возможнымъ обвиненіе вполнѣ невиннаго человѣка.

ПРИГОВОРЪ.

Вошедши въ совѣщательный залъ, присяжные не могутъ уже оттуда выйти до произнесенія вердикта. Президентъ отряжаетъ офицера, который долженъ поставить стражу у всехъ дверей и препятствовать всякимъ сообщеніямъ съ внѣшнимъ міромъ.

Передъ началомъ разсужденій о дѣлѣ, *chef* присяжныхъ читаетъ имъ инструкцію, находящуюся на столѣ и прописанную большими буквами на одной изъ стѣнъ зала. Вотъ она. «Законъ не требуетъ отъ присяжныхъ отчета въ путяхъ, которыми они доходятъ до убѣжденія; не предписываетъ имъ правилъ для опредѣленія полноты и удовлетворительности доказательствъ; онъ предписываетъ только имъ: сосредоточившись и углубившись въ себя, спросить искренно свою совѣсть, какое впечатлѣніе произвели на умъ приведенныя противъ обвиненнаго доказательства и оправданія сего послѣд-

«няго? Законъ не говоритъ имъ: вы должны считать истиннымъ всякій фактъ, подтвержденный такимъ то числомъ свидетелей, онъ не говоритъ имъ также: не считайте удовлетворительнымъ доказательства, если оно не основано на такихъ то документахъ, на показаніи столькихъ то свидетелей. Онъ предлагаетъ имъ одинъ только вопросъ, совмѣщающій въ себѣ всю сумму ихъ обязанностей, именно: дошли ли вы до внутренняго убѣжденія? (avez vous une intime conviction?)»

«Самое существенное требованіе закона состоитъ въ томъ, чтобы присяжные не теряли изъ виду, что всѣ ихъ разсужденія должны основываться на обвинительномъ актѣ. Они должны держаться только тѣхъ фактовъ, которые заключаются или проистекаютъ изъ обвиненія. Они нарушаютъ первѣйшую свою обязанность, если, соображаясь съ уголовнымъ кодексомъ, станутъ обращать вниманіе на послѣдствія, которыми можетъ подвергнутъ обвиненнаго ихъ рѣшеніе. Долгъ ихъ состоитъ не въ преслѣдованіи преступленій посредствомъ наказанія, но единственно въ обсужденіи виновности или невиновности подсудимаго въ томъ преступленіи, на которое направленъ обвинительный актъ».

Потомъ начинается разсужденіе о вопросахъ, предлагаемыхъ поочередно *chef*омъ, начиная съ вопросовъ о главномъ основномъ дѣяніи и переходя потомъ къ обстоятельствамъ преступленія. Присяжные могутъ читать документы, предлагать одинъ другому вопросы, обсуждать ихъ и пр.

Если имъ представится какое нибудь сомнѣніе, то законъ позволяетъ президенту войти въ ихъ залъ, но только по приглашенію, и давать имъ совѣты, какихъ они потребуютъ

Когда пренія кончатся и всѣ сомнѣнія будутъ уяснены, присяжные приступаютъ къ подачѣ голосовъ. Согласно закону 1836 г., подача эта должна быть тайная. Каждому присяжному даютъ бѣлый билетъ, помѣченный печатью суда и

снабженный надписью: «Sur mon honneur et ma conscience, ma déclaration est: присяжный полагает простое «oui» или «non». Столы устроены такъ, что никто не можетъ видѣть написаннаго присяжнымъ отвѣта. Свернутый и запечатанный билетъ влагается въ урну, а chef, сосчитавъ всѣ-ли находятся въ палачности, вскрываетъ ихъ и считаетъ голоса.

Результатъ сей часъ же прописывается на судебномъ бланкѣ: «oui, à la majorité» или «non». Бѣлые и нечеткіе билеты считаются за очистительные.

Такимъ образомъ проводятся всѣ вопросы по очереди, при чемъ наблюдается, что если главный фактъ былъ отвергнутъ, то отягчающія его обстоятельства не подлежатъ баллотировкѣ. Рѣшеніе составляется простымъ большинствомъ, слѣдственно семью голосами. Равное число голосовъ производитъ очистительный приговоръ.

Если фактъ преступленія подтвержденъ, то chef долженъ спросить, нѣтъ ли въ пользу обвиненнаго смягчающихъ обстоятельствъ? Ихъ отмѣчаетъ онъ на бланкѣ формулою: «Oui, à la majorité il y a des circonstances atténuantes en faveur de l'accusé». Въ бланкахъ не должно быть выражаемо сколькими именно голосами составлено рѣшеніе: пишется просто—à la majorité.

Императорскаго помпования присяжные могутъ испрашивать, но особеннымъ актомъ.

Теперь присяжные возвращаются въ залъ засѣданій. Служители, huissiers, извѣщаютъ членовъ суда, и тѣ немедленно занимаютъ свои мѣста. Президентъ спрашиваетъ присяжныхъ о рѣшеніи. Chef, стоя, съ рукою на сердцѣ, провозноситъ слѣдующія слова: «sur mon honneur et ma conscience, devant Dieu et devant les hommes, la déclaration du jury est: тутъ онъ читаетъ всѣ вопросы и данные на нихъ отвѣты. Потомъ онъ подписываетъ самъ и подаетъ для подписи президенту, который или подписываетъ, если, по разсмотрѣніи, не найдетъ ни какихъ неправильностей, или, въ противномъ случаѣ, отсылаетъ присяжныхъ опять въ залъ со-

вѣщательный. Для того, чтобы можно было отослать присяжныхъ, пужно, чтобы весь судъ, не одинъ президентъ, нашелъ матеріальную ошибку или упущеніе закономъ установленной формы.

При этомъ могутъ быть слушаемы защитникъ и прокуроръ.

Если судъ найдетъ въ обвинительномъ приговорѣ присяжныхъ матеріальную ошибку, то можетъ передать дѣло другому комплекту. Но въ случаѣ подтвержденія послѣднимъ приговора первыхъ, никакія возраженія не допускаются.

Когда вердиктъ принятъ судомъ и подписанъ президентомъ и секретаремъ, то опять вводятъ обвиненныхъ—сперва тѣхъ, которыхъ присяжные оправдали и потомъ тѣхъ, которыхъ они нашли виновными. По произнесеніи приговора надъ первымъ, президентъ приказываетъ ихъ немедленно уволить, это называется acquittement. Если же онъ обвиненъ, то ведѣдъ за прочтеніемъ вердикта, прокуроръ требуетъ приложенія къ нему соотвѣтственнаго наказанія, *partie civile* вознагражденіе убытковъ (*dommages—intérêts*), обвиненному или его адвокату позволяется говорить, но только противъ требуемаго прокуроромъ наказанія, а не противъ правильности вердикта.

Потомъ президентъ читаетъ статью закона, совѣщается съ судьями о наказаніи и изрекаетъ оное, извѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ подсудимаго, что въ теченіи 5-ти дней онъ можетъ просить кассациі.

Partie civile получаетъ свои *dommages—intérêts* и дѣло препровождается куда слѣдуетъ для исполненія.

Сравнивая эти послѣднія дѣйствія во французскомъ процессѣ, мы замѣчаемъ тѣ же недостатки какъ и на прежнихъ его фазахъ.

Во 1-хъ. отстраненіе присяжныхъ отъ сообщенія съ вѣншимъ міромъ опредѣлено закономъ, но производится на практикѣ не довольно удовлетворительно. Во время прекращенія

преній они могутъ разговаривать съ публикою, ходить по городу и даже разговаривать со свидѣтелями, лишь бы не о самомъ дѣлѣ. Только въ послѣднемъ случаѣ,—по это нужно еще доказать,—можетъ воспослѣдовать уничтоженіе процедуры. Такой результатъ воспослѣдовать не можетъ даже въ томъ случаѣ, когда свидѣтель во время засѣданія подходилъ и перешептывался съ присяжнымъ, но президентъ сей часъ же замѣтилъ это и прекратилъ ихъ бесѣду. Что касается до вниманія присяжныхъ къ дѣлу, то случались иногда очень страшные факты. Кассационный судъ долженъ былъ уничтожить одинъ приговоръ, потому что присяжный во время преній читалъ журналъ (декретъ 30-го іюня 1838 года). Факты такіе конечно очень рѣдки, но мы однако не нашли во французскихъ сочиненіяхъ слѣда той добросовѣстности, съ какою англичанцы просятъ увольненія его отъ функцій судебныхъ потому, что онъ по какой нибудь журнальной статьѣ, или по частному разговору составилъ себѣ заранѣе мнѣніе о дѣлѣ. Даже во время самыхъ совѣщаній присяжные позволяютъ себѣ входить въ залу засѣданій за забытыми замѣтками, съ вопросомъ къ президенту п. т. п. Юристы предлагаютъ имъ въ видѣ совѣта удержаться отъ подобныхъ путешествій: къ нимъ приставлены служители, у которыхъ они могутъ спросить тетрадки, пищу и т. п. Подобныя нарушенія предписаній закона и произнесенной недавно присяги, могутъ быть очень вредны, какъ для самаго дѣла, такъ и потому что онѣ подрываютъ довѣріе къ присяжнымъ. Не всегда можно доказать ихъ вину, но часто можетъ завестъ подозрѣніе, что присяжный нарушилъ интересъ подсудимаго, узнавъ что нибудь тайно и составивъ себѣ извѣстное предубѣжденіе.

2) Законъ, устранивъ всякій объективный масштабъ правомѣрности вердикта и относя его къ одному крайнему внутреннему убѣжденію присяжныхъ, предоставилъ имъ слишкомъ обширную власть и породилъ теорію ихъ всемогущества. Всемогущество это обнаруживалось съ особенною силою въ смутныя эпохи послѣднихъ временъ французской исторіи. Когда, для возста-

новленія порядка, законодательство предписало смертную казнь даже за воровство со взломомъ, то естественно присяжные должны были объявлять невинными настоящихъ воровъ. Но произволъ, который служить въ пользу, можетъ также служить и во вредъ подсудимому. Теперь писатели стараются убѣдить присяжныхъ, что смягченіе законовъ уголовныхъ, установленіе множества степеней наказанія соотвѣтственно разнымъ отбѣткамъ преступности, наконецъ, покойное движеніе юстиціи, должны успокоить самые боязливые умы и помирить ихъ съ требованіями безусловной справедливости. Но все таки до сихъ поръ защитники, исчерпавъ свои доводы, взываютъ ко всемогуществу и къ милосердію присяжныхъ.

3) Странно также разрѣшенъ вопросъ о вмѣшательствѣ президента въ совѣщанія присяжныхъ. Юриспруденція кассационнаго суда (рѣшенія котораго почитаются во Франціи такъ же, какъ въ древнемъ Римѣ отвѣты юрисконсультовъ) объявила, что никакія секретныя наставленія присяжнымъ со стороны президента не должны быть допускаемы (*). Но потомъ, вопреки своему столь ясно и сильно высказанному началу, юриспруденція эта дозволила президенту входить въ совѣщательный залъ присяжныхъ, если они сами позовутъ его. Не думая, конечно, оправдать подобнымъ приглашеніемъ такое явное нарушеніе важнаго теоретическаго начала, французскіе юристы изъясняютъ такое распоряженіе практическими выгодами. Президенты, говорятъ они: *étant d'ordinaire des magistrats de beaucoup d'expérience et de savoir, et aussi bienveillants que zélés*, могутъ часто однимъ словомъ своимъ разрѣшить сомнѣніе, которое бы казалось неразрѣшимымъ присяжнымъ, не смотря на всѣ ихъ усилія. Но вѣдь сомнѣнія

(*) Boitard, 688: «aucun motif ne peut autoriser le président à s'introduire dans la chambre du jury pour lui donner en secret des éclaircissements; que cette manière de proceder est à la fois contraire à la publicité du débat, à la liberté, et au secret de la délibération des jurés et au droit de la défense».

эти можно разрѣшать и на публичномъ засѣданіи, какъ это дѣлается въ Англіи. Тутъ является другая причина: самолюбіе присяжныхъ часто помѣшало бы имъ предлагать публично вопросы. Притомъ такимъ образомъ часто нарушена была бы тайна преніи (*sécret des délibérations, lequel est substantiel et entraîne la nullité*). Но стоятъ ли приносить въ жертву неразумному самолюбію присяжнаго самые дорогие интересы правосудія? Да и откуда происходитъ такая настоятельная необходимость секрета, касательно совѣщаній?

4) *Scrutin secret* установленъ для охраненія присяжныхъ отъ непріятностей или даже отъ мести обвиненнаго. Но неужели государство, столько хлопчущее объ *ordre public*, не въ состояніи защитить гражданина, исполнившаго свою обязанность, отъ нападешій преступника. Другой поводъ: успокоеніе въ минуту подписыванія своего рѣшенія также не важнѣе. Напротивъ, законодатель долженъ требовать полной рѣшимости и неуклонной твердости отъ гражданина, которому ввѣряетъ власть и права судьи. Снисходительность къ несовершенствамъ человѣческой природы можетъ завлечь слишкомъ далеко, какъ это мы видѣли на недавно приведенномъ постановленіи.

5) Наконецъ, рѣшенія большинствомъ голосовъ также нельзя назвать усовершенствованіемъ процедуры. Единогласный приговоръ англійскихъ присяжныхъ убѣждаетъ всякаго въ несомнѣнной виновности подсудимаго, въ непреложности вердикта. Большинство же, особенно простое, всегда возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности приговора, котораго не признаютъ пять челоѣкъ изъ присяжныхъ же, притомъ можетъ быть самыхъ внимательныхъ и положительныхъ. Сверхъ того, вводя большинство, законодатель ввелъ начало слишкомъ непостоянное. Съ 1791 по 1853 годъ законъ о большинствѣ во Франціи былъ измѣняемъ уже 14 разъ и часто очень странно.

Вотъ весь ходъ, вся система французскаго судопроизвод-

ства, вся сумма гарантій, предлагаемыхъ имъ личности и обществу, или лучше сказать, вся сумма пападеній, которую оно повторяетъ надъ каждымъ гражданиномъ, имѣющимъ несчастье попасть подъ обвиненіе.

На насъ лежитъ еще обязанность подвести итогъ всѣмъ отдѣльнымъ фактамъ.

Въ Англии интересъ общества по отношенію къ сферѣ уголовно-судной охраняется:

1) дозволеніемъ каждому пострадавшему отъ преступленія или оскорбленному имъ искать наказанія и вознагражденія за убытки передъ соответственнымъ судомъ;

2) яснымъ сознаниемъ обязанностей и интересовъ гражданскихъ, сознаниемъ, проникшимъ въ массы и вызывающимъ цѣлыя ассоціаціи противъ нарушителей общаго міра и общественныхъ правъ;

3) учрежденіемъ коронныхъ адвокатовъ (Attorney General и Solicitor General), которые обязаны выступать всегда, какъ только нарушены интересы всего общества, не касаясь ничьихъ лично;

4) учрежденіемъ превосходной полиціи, которая снабжена средствами, достаточными для самаго энергическаго преслѣдованія преступника;

5) содѣйствіемъ дѣлу юстиціи и присяжнымъ, людей изъ другихъ сферъ гражданской дѣятельности, напр., ученыхъ, экспертовъ и т. п.

Кромѣ того, вскорѣ, кажется, можно ждать учрежденія публичнаго обвинителя въ помощь частнымъ.

Интересъ личности защищенъ:

1) актомъ Habeas Corpus. Никто не можетъ быть содержимъ въ заключеніи безъ суда и никто не можетъ быть переданъ суду позже 24-хъ часовъ съ минуты наложенія ареста;

2) подтвержденіемъ обвиненія мирнымъ или полицейскимъ судомъ и обвинительными присяжными;

- 3) вполне независимым процессом составления общего списка присяжных под надзором всех вообще граждан;
- 4) участием шерифа в выборке служебного списка;
- 5) широким правом отвода;
- 7) простотою и точностию обвинения;
- 8) перекрестным допросом свидетелей;
- 9) отсутствием всякого допроса обвиненному, всякой нравственной пытки;

10) строгим отдѣленіемъ присяжныхъ отъ вѣшняго міра и единогласностию ихъ приговора;

11) правомъ и обязанностию судьи соразмѣрять наказаніе со степенью преступности обвиненнаго;

12) наконецъ публичностию и гласностию процедуры. Кроме того, самъ англійскій судъ руководится высокими началами, каковы: 1) положеніе, что судья долженъ быть не только не врагомъ, но даже совѣтникомъ обвиненному *the judge is the counsel for the prisoner*; 2) равенство обвинения и защиты, непричастность суда борьбѣ партій; 3) поставленіе интереса справедливости превыше всехъ другихъ интересовъ. Присяжные можетъ быть слишкомъ часто оправдываютъ; много преступленій можетъ быть остаются не наказанными, но англичане стараются защититься отъ этихъ неудобствъ другими средствами, и никогда не подумаютъ объ уменьшеніи средствъ защиты, объ усиленіи на счетъ ея обвинения, о допущеніи чуждыхъ юстиціи вліяній. Наконецъ, должно обратить вниманіе на подчиненіе суда контролю общества. Именно, онъ ведетъ англійскій судъ по стезѣ развитія и удерживаетъ его на томъ высокомъ положеніи, на которомъ онъ самъ является почтеннымъ органомъ общественнаго мнѣнія (*).

(*) Въ Англии нерѣдки случаи, что предсѣдатель или присяжные выражаютъ свое оужденіе, или свое мнѣніе о какомъ нибудь явленіи общественной жизни.

Во Франціи, для охраненія общественнаго интереса, существуютъ.

- 1) штатъ чиновниковъ, составляющихъ суды полиціи, простой исправительной и ассизовъ;
- 2) выборъ присяжныхъ посредствомъ агентовъ правительства въ полной тайнѣ и безъ контроля общества;
- 3) страстное и увлекательное обвиненіе;
- 4) крайнее стѣсненіе правъ отвода;
- 5) допросъ обвиняемаго, право вводить и выводить его изъ залы засѣданій по усмотрѣнію президента;
- 6) вліяніе предсѣдателя на пренія и на присяжныхъ;
- 7) простое большинство при составленіи вердикта.

Изъ этого перечня видно, что всѣ лучшія положенія англійской системы явились на французской почвѣ какъ отрицанія. Интересъ личности отъ этого жестоко пострадалъ. Мы слѣдили шагъ за шагомъ за движеніемъ дѣла и видѣли уже какъ легко можетъ быть преувеличена вина преступника, или даже какъ возможно обвиненіе невпннаго.

Но неужели общество отъ этого выигрываетъ? неужели не больше надѣлаетъ ему вреда одинъ несправедливый приговоръ, одна незаслуженная казнь, чѣмъ оставленіе десяти преступниковъ не наказанными?

Вообще, сличая обѣ системы, мы находимъ, что 1-я находится въ полной гармоніи со всѣмъ духомъ англійскаго государственнаго устройства, съ тѣмъ гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, которое составляетъ одну изъ самыхъ замѣтныхъ чертъ народнаго характера, съ свойственнымъ ему уваженіемъ къ личности и къ правамъ ея. Постоянно слышится въ англійской процедурѣ постановленіе *magna chartae*, защищающее всякаго англичанина отъ лишенія свободы безъ суда равныхъ (*judicium parium*); Англійскій судъ, поставя себѣ девизомъ: *pereat mundus, fiat justitia*, если не всегда настаиваетъ на преступника, то за то всег-

да воспитывалъ въ дѣломъ обществѣ чувство законности и уваженія къ правамъ челоѣка, развивалъ прямой и благородный характеръ въ народѣ.

Да, пельзя не пожалѣлъ о тѣхъ грустныхъ чертахъ, которыя получилъ во Франціи ликъ Фемиды. Пожелаемъ ей возможно скорого исправленія по крайней мѣрѣ тѣхъ недостатковъ, которые замѣчаютъ сами французы, но которые поддерживаются силою обстоятельствъ.

О. КОРЗОНЪ.

ОТДѢЛЪ П.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

І.

Жалобы на постановленія полиціи по представленнымъ въ оную обязательствамъ должны быть приносимы не въ губернское правленіе, а въ судебное мѣсто 1-ой степени, въ установленный ст. 95 и 24 т. X ч. II изд. 1857 четырехъ-недельный срокъ.

12 мая 1853 г. Антонъ Левоневскій представилъ въ росіенскій земскій судъ ко взысканію росписку, данную ему 8 февраля 1853 г. помѣщикомъ Александромъ Заборскимъ въ принятіи отъ него для храненія 2 т. руб. сер. монетою чека 1843 г. Росписка эта написана не рукою Заборскаго, но подписана двумя свидѣтелями, Мостовтомъ и Загурскимъ.

Земскій судъ распорядился сперва о взысканіи означенной претензіи съ Заборскаго, по когда сей послѣдній объявилъ о заведенномъ имъ въ уѣздномъ судѣ дѣлѣ о вынужденіи отъ

него Левоневскимъ сохранной росписки, что подтверждено уѣзднымъ судомъ, то земскій судъ дѣло, заведенное по прошенію Левоневского, представилъ въ уѣздный судъ.

На это распоряженіе Левоневскій жаловался губернскому правленію и сіе послѣднее предписало земскому суду рассмотреть на законномъ основаніи споръ, объявленный Заборскимъ противъ его сохранной росписки.

Въ слѣдствіе сего Заборскій въ поданномъ земскому суду прошеніи изложилъ обстоятельства о вынужденіи у него, находившагося въ то время въ болѣзненномъ состояніи, означенной росписки, представивъ при томъ свидѣтельство о справедливости сего показанія, выданное ему разными лицами, которыя обязались подтвердить то подъ присягою.

Земскій судъ, рассмотрѣвъ затѣмъ снова это дѣло, нашелъ: 1-е, что сохранная росписка, представленная Левоневскимъ, не составлена согласно правиламъ, установленнымъ въ 2111 ст. X т. I ч. зак. гражд. изд. 1857 г., ибо она не написана собственною рукою принимаателя поклажи, Заборскаго, а писавшій оную Ковалевскій не росписался: дѣйствительно ли это сдѣлано имъ по просьбѣ Заборскаго и наконецъ какъ Ковалевскій, такъ и подписавшійся на роспискѣ свидѣтелемъ Загурскій въ свидѣтельствахъ, выданныхъ Заборскому, пояснили, первый: что онъ писалъ росписку не по просьбѣ Заборскаго, а по просьбѣ Антона Мостовта, а послѣдній, что онъ подписался за свидѣтеля также по просьбѣ Мостовта и что оба они не только не присутствовали при врученіи денегъ, но даже не выдали ни Заборскаго, ни Левоневского; и 2, что Заборскій хотя доказываетъ недѣйствительность росписки, по вынужденію оной отъ него подложнымъ образомъ, но онъ не входилъ о томъ въ опредѣленный 909 ст. X т. I ч. зак. гр. изд. 1857 г. срокъ явочнымъ прошеніемъ и отъ подписи своей на роспискѣ не отрицается, почему оную, по силѣ 70 ст. X т. II ч. зак. гр. суд. изд. 1857 г., слѣдуетъ считать дѣйствительною и подлежащею взысканію со всякаго имущества Заборскаго. Въ слѣдствіе сего земскій судъ, сдѣлавъ къ тому надлежащія

распоряженія, постановленіе свое велѣлъ объявить участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ.

На это постановленіе Заборскій принесъ жалобу въ губернское правленіе, которое 22 марта 1854 г. заключило: на основаніи 94 и 95 ст. X т. II ч. изд. 1857 г. предписать земскому суду, чтобы онъ, приостановивъ взысканіе съ Заборскаго денегъ, передалъ дѣло о сохранный роспискѣ въ уѣздный судъ, какъ оспоренной въ самомъ существѣ и сверхъ того составленной несогласно съ установленнымъ порядкомъ и формальностью. На это постановленіе губернскаго правленія Левоневскій принесъ жалобу правительствующему сенату, въ которой ходатайствовалъ объ утвержденіи заключенія земскаго суда о взысканіи съ Заборскаго денегъ по сохранный роспискѣ.

При разсмотрѣніи сей жалобы, въ 1 отдѣленіи 3 департамента правительствующаго сената произошло разногласіе, въ слѣдствіе чего настоящее дѣло перешло на разсмотрѣніе общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ правительствующаго сената.

Общее собраніе сената нашло, что по обстоятельствамъ дѣла представляется къ разрѣшенію общій вопросъ о порядкѣ, которому должно слѣдовать въ принесеніи жалобъ на постановленія городскихъ и земскихъ полицій, состоявшіяся по представленнымъ въ оныя обязательствамъ, т. е. слѣдуетъ ли жалобы сіи приносить въ губернскія правленія или въ мѣста судебныя. Для разрѣшенія сего вопроса должны служить ст. 1, 3, 24, 27, 94 и 95 т. X ч. II изд. 1857 г. По ближайшемъ соображеніи смысла сихъ статей, равно какъ и другихъ, имѣющихъ съ оными связь, оказывается, что въ нихъ выражена одна и та же мысль. Общее основное правило заключается въ томъ, что въ дѣлахъ безспорныхъ нарушенное право возстановляется непосредственнымъ приложеніемъ закона и приведеніемъ его въ исполненіе порядкомъ исполнительнымъ; когда же дѣло неспорно, тогда законъ прилагается и право возстановляется посредствомъ суда, порядкомъ судебнымъ (ст. I т. X ч. II). Это общее правило разъяснено въ послѣдующихъ за тѣмъ статьяхъ. Изъ нихъ видно, что при безспор-

ности обязательств, дѣйствіе по онымъ принадлежить мѣстамъ полицейскимъ, а въ случаѣ спора по обязательствамъ, основаннаго на доказательствахъ, разсмотрѣніе спора и опредѣленіе силы и важности доказательствъ зависить уже непосредственно отъ мѣстъ судебныхъ. (ст. 3). Соотвѣтственно этому основному правилу, въ ст. 27 и 95 опредѣленъ и порядокъ перехода начавшихся въ полиціи дѣлъ по обязательствамъ въ мѣста судебныхъ. Въ первой изъ этихъ статей сказано, что въ дѣлахъ, начавшихся въ самой полиціи, недовольному ея рѣшеніемъ предоставляется, по объявленіи неудовольствія, подать прошеніе въ судъ 1-й степени по принадлежности; срокъ для подачи такового прошенія полагается не далѣе 4 недѣль, считая окончаніе сего срока въ первый день послѣ того дня, въ который исполнятся полныя 4 недѣли отъ объявленія частному лицу опредѣленія полиціи или приведенія онаго въ дѣйствіе. А въ послѣдней 95 ст. тотъ же самый порядокъ постановленъ и для дѣлъ по обязательствамъ, предъявляемымъ ко взысканію въ мѣста полицейскія. Содержаніе всѣхъ этихъ статей не возбуждаетъ никакаго недоумѣнія и приводитъ къ тому положительному заключенію, что жалобы на опредѣленія полиціи, состоявшіяся по представленнымъ въ оныя обязательствамъ, въ случаѣ неудовольствія частныхъ лицъ, должны быть приносимы не губернскимъ правленіямъ, которыя, по цѣли учрежденія и кругу дѣйствій ихъ, суть также мѣста 1 инстанціи, отъ которыхъ и зависить, по обсужденіи силы и достоинства возраженій, сдѣланныхъ недовольными опредѣленіями полиціи или пріостановить только до судебного рѣшенія спора производимое полиціею взысканіе, или же, отвергнувъ этотъ споръ, обратитъ дѣло о взысканіи снова къ исполнительному порядку. Таковое изъясненіе 27 и 95 ст. X т. II ч. соотвѣтствуетъ и смыслу Высочайше утвержденного 21 декабря 1826 г. мнѣнія государственнаго совѣта, на которомъ основана послѣдняя изъ упомянутыхъ статей. Изъ этого мнѣнія видно, что губернскимъ правленіямъ предоставлено разсматривать жалобы на писшія полицейскія мѣста только въ случаѣ медленности и нарушенія порядка во время самаго производства взысканія по обязатель-

ствамъ, или же неправильности передачи оныхъ въ судебное мѣсто, безъ всякаго по онымъ производства (какъ сначала земскій судъ распорядился и по настоящему дѣлу), но отнюдь не жалобы на окончательныя постановленія полиціи, состоявшіяся по существу самыхъ обязательствъ и истребованныхъ противъ оныхъ возраженій. Порядокъ этотъ не отмѣненъ и послѣдующимъ постановленіемъ, содержащимся въ 714 ст. II т. учр. губ. изд. 1857 г., въ коей сказано, что къ вѣдомству губернскихъ правленій принадлежитъ между прочимъ взысканіе по заемнымъ обязательствамъ, векселямъ и всякаго рода безспорнымъ обязательствамъ; пбо указанная здѣсь для губернскихъ правленій обязанность, съ одной стороны, примѣнима къ тѣмъ случаямъ, когда обязательства, мимо нисшихъ полицейскихъ мѣстъ, подлежатъ по 14 ст. X т. II ч. предъявленію непосредственно въ губернскія правленія, а съ другой при подачѣ въ оныя, согласно 26 и 27 ст., жалобы на низшія полицейскія мѣста въ случаѣ медленности и проволочекъ въ производствѣ ими дѣлъ или неправильныхъ распоряженій. Распространеніе вмѣшательства губернскихъ правленій по дѣламъ объ обязательствахъ далѣе выше указанныхъ предѣловъ, т. е. предоставленіе имъ разсматривать и самое существо опредѣленій полицейскихъ мѣстъ, послѣдовавшихъ по представленнымъ частными лицами возраженіямъ и доказательствамъ, было бы въ явномъ протворѣчій во 1-хъ со ст. 24 и 95 т. X ч. II, кои импено предоставлено на такія опредѣленія полицейскихъ мѣстъ приносить жалобы суду 1 степени; и во 2-хъ съ правиломъ, изложеннымъ въ 4 п. 714 ст. II т. учрежд. губ., по которому губернское правленіе, производя лишь дѣла безспорныя, само не судить, но всѣ не безспорныя и подлежащія сомнѣнію дѣла передаетъ въ судебныя мѣста. Примѣняя сія общія разсужденія къ настоящему дѣлу по иску Левоневского къ Заборскому, общее собраніе сената нашло, что первоначальное по сему дѣлу дѣйствіе земскаго суда заключалось только въ истребованіи отъ уѣзднаго суда свѣдѣнія о заведенномъ въ ономъ между Заборскимъ и Левоневскимъ дѣлѣ и отсылкѣ затѣмъ въ

сей судъ бывшаго въ земскомъ судѣ по тому же предмету производства, безъ всякаго, какъ бы слѣдовало, обсужденія спора, объявленнаго должникомъ Заборскимъ, и что по сему губернское правленіе поступило правильно, давъ дѣлу законное направленіе предписаніемъ земскому суду войти въ разсмотрѣніе законности предъявленной Левоневскимъ сохранный росписки и объявленнаго на оную Заборскимъ спора и затѣмъ постановить свое заключеніе. Когда же, во исполненіе сего предписанія, земскій судъ, по обсужденіи обстоятельствъ дѣла, постановилъ по оному рѣшеніе, то губернское правленіе, за сплю вышеприведенныхъ узаконеній, не имѣло уже права по жалобѣ Заборскаго входить въ разсмотрѣніе дѣла по существу. А потому общее собраніе правительствующаго сената постановило: состоявшееся по жалобѣ Заборскаго постановленіе губернскаго правленія отмѣнить и, оставивъ въ своей силѣ рѣшеніе земскаго суда о взысканіи съ Заборскаго 2 т. руб. сер. по сохранный роспискѣ, представить ему, если пожелаетъ, подать прошеніе въ судъ 1 степени, въ установленный, четырехъ недѣльный срокъ со времени объявленія ему о томъ указа правительствующаго сената. А такъ какъ во многихъ дѣлахъ по 1 отдѣленію 3 департамента замѣчены со стороны подвѣдомственныхъ оному губернскихъ правленій отступленія отъ вышеприведенныхъ законовъ, принятіемъ ими къ разсмотрѣнію жалобъ на рѣшенія полицій, то объяснить сямъ губернскимъ правленіямъ неправильность дѣйствій ихъ по сему предмету и предписать имъ, чтобы они на будущее время, при принесеніи имъ подобныхъ жалобъ, направляли оныя къ законному порядку, ограничиваясь, на точномъ основаніи ст. 26, 27 и 95 т. X ч. II, разсмотрѣніемъ однихъ жалобъ на неправильныя распоряженія, медленности, проволочки и притѣсненія полицій по дѣламъ, признаннымъ сими послѣдними безспорными съ сообщеніемъ дѣламъ сего рода хода, въ законахъ предписаннаго.

И.

Если послѣ смерти лица А имѣніе его находилось во владѣніи лица В, то послѣ смерти сего послѣдняго и при спорѣ его наследниковъ о принадлежности имѣ имѣнія, наследники по закону А могутъ искать принадлежавшаго ему имуществва только въ порядкѣ вотчиннаго судопроизводства.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ и отставной ротмистръ Тимофей Томиловы обратились въ маѣ 1855 года въ царскосельскій уѣздный судъ съ просьбою объ утвержденіи какъ ихъ, просителей, такъ и племянницы ихъ, жены полковника Ачкасовой, въ наследственныхъ правахъ къ дому, оставшемуся въ г. Гатчинѣ по смерти отца ихъ, отставнаго вахмистра Томилова, а равно и о введѣ ихъ во владѣніе тѣмъ домомъ, съ строеніемъ и землею.

Въ означенномъ прошеніи Томиловы объяснили, что отецъ ихъ отставной вахмистръ Томиловъ имѣлъ въ г. Гатчинѣ домъ, построенный на отведенной ему въ 1799 году землѣ. Домъ сей по смерти отца ихъ состоялъ въ пожизненномъ владѣніи ихъ матери и затѣмъ брата надворнаго совѣтника Василя Томилова.—По смерти Василя Томилова, послѣдовавшей 31-го октября 1853 г., осталась дочь Ольга, по мужѣ Ачкасова, съ кою они, просители, совершили 20 января 1854 года полюбовную записку, явленную въ царскосельскомъ уѣздномъ судѣ 3-го февраля того же 1854 года.—На основаніи означенной записки они, просители, представили племянницѣ своей Ольгѣ Ачкасовой право на владѣніе домомъ съ землею точно также, какъ владѣль онимъ братъ ихъ, а ся отецъ, Василій Томиловъ, по самую ея смерть безъ всякой платы, съ тѣмъ, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ не отсуждать того дома ни въ какое другое постороннее владѣніе и оставить оный въ родѣ ихъ, Томиловыхъ.

Доказывая на основаніи означенной записи, что брать ихъ, просителей, имѣлъ только пожизненное владѣніе домомъ, и поставляя на видъ уѣзднаго суда, что по смерти отца ихъ, наследники его не были утверждены въ правахъ къ оставшемуся послѣ него наслѣдству, они, Иванъ и Тимофей Томиловы, просили уѣздный судъ утвердить ихъ, а равно и племянницу ихъ Ачкасову наследницами къ имѣнію, оставшемуся по смерти ихъ отца.

По сему прошенію уѣздный судъ призналъ необходимымъ произвести вызовъ наследниковъ чрезъ публикацію въ вѣдомостяхъ; но въ установленные закономъ сроки никто изъ наследниковъ не явился.

Засимъ царскосельскій уѣздный судъ, рассматривая настоящее дѣло только въ отношеніи утвержденія наследственныхъ правъ Томиловыхъ къ имѣнію отца ихъ и не касаясь записи, заключенной ими съ Ачкасовою, 28-го іюля 1856 года опредѣлилъ: признавъ просителей Томиловыхъ и племянницу ихъ, жену полковника Ольгу Ачкасову, единственными наследниками къ дому съ строеніемъ и землею умершаго оставшаго вахмистра Томилова, утвердить за ними означенное имѣніе во владѣніе съ правомъ собственности на оное въ равныхъ частяхъ и о вводѣ ихъ во владѣніе установленнымъ порядкомъ отнестись въ гатчинскую городскую полицію.

На таковое опредѣленіе уѣзднаго суда Ольга Ачкасова принесла жалобу с. петербургской гражданской палатѣ, объясняя, что домъ, оснашиваемый у нея нынѣ ея дядями, принадлежалъ ея умершему отцу и предоставленъ былъ ей во владѣніе по духовному его завѣщанію, засвидѣствованному въ палатѣ, и что царскосельскій уѣздный судъ не имѣлъ права входить въ разсмотрѣніе правъ наследниковъ по одной сторонней просьбѣ Ивана и Тимофея Томиловыхъ.

По разсмотрѣніи сего дѣла, гражданская палата нашла, что уѣздный судъ поступилъ неправильно, принявъ къ производству своему въ частномъ судебномъ порядкѣ прошеніе Томиловыхъ объ утвержденіи ихъ въ правахъ наслѣдства къ

дому ихъ отца, умершаго болѣе чѣмъ за 50 лѣтъ, и что означенныя дѣйствія суда представляются тѣмъ болѣе неправильными, что изъ прошенія самихъ Томиловыхъ можно было видѣть, что отыскиваемый Томиловыми по праву наслѣдства домъ находится въ давнемъ владѣнн 3-го лица. Посему слѣдовало суду, не приступая къ вызову наслѣдниковъ, объявить Томиловымъ, чтобы они, какъ наслѣдники, пропустившіе срокъ на предъявленіе правъ своихъ безспорнымъ порядкомъ, обратились съ искомъ о томъ въ тяжёбомъ вотчинномъ порядкѣ, куда по закону слѣдуетъ.

По симъ основаніямъ 2-й департаментъ с. петербургской гражданской палаты опредѣлялъ: уничтожить постановленіе царскосельскаго уѣзднаго суда со всеми послѣдствіями, предписавъ суду въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по сему дѣлу руководствоваться основаніями, въ настоящемъ опредѣленн палаты изложенными.

Такое заключеніе палаты дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Томиловъ обжаловалъ 4-му департаменту правительствующаго сената и въ поданномъ по сему предмету 19-го іюня 1857 г. прошенн объявлялъ, что домъ въ г. Гатчинѣ составлялъ неотъемлемую и безспорную собственность отца его, просителя, отставнаго вахмистра Томилова, что братъ его, Василій Томиловъ, имѣя только право на пожизненное владѣніе означеннымъ домомъ, не могъ дѣлать объ имуществѣ семъ, какъ родовомъ, какихъ-либо заѣмчательныхъ распоряженій, что сама Ачкасова записью, совершенною съ просителемъ и съ его братомъ Тимофеемъ, признала, что домъ составляетъ общую ихъ собственность, и что наконецъ Ачкасова по сдѣланному судомъ вызову не предъявила наслѣдственныхъ своихъ правъ въ установленный закономъ 6-ти мѣсячный срокъ. Согласно сему, Ачкасова и должна нынѣ начать искъ о принадлежности ей всего дома тяжёбымъ порядкомъ и обязанность эта не можетъ быть возложена на него, просителя; гражданская же палата, имѣя все вышеизложенное въ виду, не могла уничтожить постановленія уѣзднаго суда и обязана была только предписать суду объявить свое опредѣленіе

апелляціоннымъ порядкомъ. По симъ основаніямъ Иванъ Томиловъ просилъ правительствующій сенатъ, отмѣнивъ постановленіе гражданской палаты, утвердить опредѣленіе царскосельскаго уѣзднаго суда и предоставить Ачкасовой, неявившейся въ полугодичный срокъ по вызову суда, доказывать права свои установленнымъ порядкомъ особо, если она, за совершеніемъ ею полюбовнаго акта, имѣетъ на то право.

Разсмотрѣвъ ходатайство дѣйствительнаго статскаго совѣтника Томилова, правительствующій сенатъ (по 4-му департаменту) нашелъ, что вышеупомянутое постановленіе царскосельскаго уѣзднаго суда, касаясь опредѣленія правъ Томиловыхъ и Ачкасовой на домъ, оставшіяся послѣ отца первыхъ, а послѣдней дѣда, относилось къ существу самаго дѣла; рѣшенія же дѣлъ по существу, на основаніи 490 ст. X т. II ч. изд. 1857 г., должны быть постановляемы въ порядкѣ апелляціонномъ, а не частномъ. А потому правительствующій сенатъ опредѣлилъ: отмѣнивъ обжалованное Томиловымъ постановленіе палаты со всеми послѣдствіями, велѣть ей предписать царскосельскому уѣздному суду объявить постановленное имъ рѣшеніе участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ порядкомъ апелляціоннымъ.

Не соглашаясь съ приведенною резолюціею правительствующаго сената, исправлявшій должность оберъ-прокурора въ своемъ предложеніи изъяснилъ слѣдующее: въ настоящемъ дѣлѣ разрѣшенію правительствующаго сената подлежатъ слѣдующіе два вопроса: 1, какимъ порядкомъ, т. е. частнымъ или апелляціоннымъ, должно быть производимо дѣло братьевъ Томиловыхъ съ племянницею ихъ Ачкасовою о домѣ въ г. Гатчинѣ, и 2, можетъ ли заслуживать уваженія ходатайство дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Томилова объ оставленіи въ своей силѣ рѣшенія по сему дѣлу царскосельскаго уѣзднаго суда, съ объявленіемъ лишь онаго порядкомъ апелляціоннымъ.

По отношенію къ первому изъ сихъ вопросовъ обстоятельства дѣла показываютъ, что уѣздный судъ утверждалъ

наслѣдниками къ вышеозначенному дому братьевъ Томловыхъ и племянницу ихъ Ачкасову въ равныхъ частяхъ по одной сторонѣ лишь просѣбъ первыхъ и что Ачкасова, жалуясь на это гражданской палатѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ жалобѣ своей предъявила споръ противъ правъ дядей ея на вышеозначенный домъ, доказывая давностию, духовнымъ завѣщаніемъ отца своего и условіемъ, заключеннымъ съ дядями, исключительную ей принадлежность снаго. По закону же (656 ст. X т. II ч. изд. 1857 г.) дѣла по спорамъ о правѣ собственности наличныхъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ производятся порядкомъ апелляціонно-вотчиннаго судопроизводства, изображеннаго въ послѣдующихъ статьяхъ той же части X тома. Руководствуясь симъ законоположеніемъ, исправлявшій должность оберъ-прокурора находилъ, что спорное дѣло Томловыхъ съ Ачкасовою о домѣ должно быть производимо порядкомъ не частнымъ, какъ сдѣлалъ это царскосельскій уѣздный судъ, а апелляціонно-вотчиннымъ.

Обращаясь засимъ къ разрѣшенію просѣбы Томлова объ оставленіи опредѣленія уѣзднаго суда въ своей силѣ, съ объявленіемъ лишь онаго порядкомъ апелляціоннымъ, и принимая во вниманіе, что для вотчиннаго судопроизводства установлены особыя правила, заключающіяся въ томъ, чтобы при прошеніи, съ котораго дѣло начинается, были приложены акты, утверждающіе право просителя на имѣніе, о тѣхъ же актахъ, коихъ на лицо у него нѣтъ, должна быть сдѣлана точная ссылка, гдѣ оныя могутъ быть отысканы (ст. 673 ч. II т. X); чтобы по принятіи таковаго прошенія былъ вызванъ отвѣтчикъ, и по явкѣ его сообщенъ былъ ему съ прошенія списокъ (674 и 675); чтобы затѣмъ по взаимнымъ объясненіямъ и возраженіямъ сторонъ, дѣло дополнено было справками, составлена была записка, и сверхъ того по дѣламъ о спорѣ по наслѣдству составлены были поколѣбныя росписи (686 и 687); что всѣ сіи правила уѣзднымъ судомъ не были соблюдены, и наконецъ, что судъ въ разсмотрѣніе спора Ачкасовой, предъявленнаго ею гражданской палатѣ, не входилъ, да и не могъ

этого сдѣлать, ибо не имѣлъ онаго, при постановленіи своего опредѣленія, въ виду, исправлявшій должность оберъ-прокурора признавалъ опредѣленіе уѣзднаго суда, какъ постановженное въ порядокъ, предписаннаго для вотчиннаго судопроизводства, подлежащимъ, согласно съ заключеніемъ 2-го департамента с. петербургской гражданской палаты, уничтоженію, а ходатайство Томилова объ оставленіи онаго въ своей силѣ, съ объявленіемъ лишь апелляціоннымъ порядкомъ, не заслуживающимъ уваженія. При удовлетвореніи этой просьбы Томилова гражданская палата сама непосредственно должна была бы войти въ разсмотрѣніе не бывшаго въ обсужденіи уѣзднаго суда спора Ачасовой, а это допущено быть не можетъ, такъ какъ по закону (т. X ч. II ст. 205) судебное дѣло не можетъ быть разсматриваемо высшимъ судомъ, если оно не было рѣшено низшимъ, или не окончено тамъ производствомъ.

По симъ основаніямъ исправлявшій должность оберъ-прокурора нелагалъ постановленіе 2-го департамента с. петербургской гражданской палаты о предоставленіи Томиловымъ предъявить права свои на домъ отца ихъ на правилахъ вотчиннаго судопроизводства утвердить, а жалобу дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Томилова оставить безъ уваженія.

По несогласію сенаторовъ съ предложеніемъ исправлявшаго должность оберъ-прокурора, настоящее дѣло перешло на разсмотрѣніе общаго собранія 4-го, 5-го и межвегаго департаментовъ правительствующаго сената.

Въ общемъ собраніи сената большинство сенаторовъ приняло предложеніе исправлявшаго должность оберъ-прокурора.

III.

Если кредиторъ, послѣ передачи заемныхъ писемъ третьей лицу, заключитъ съ должникомъ условіе не требовать съ него взысканія по этимъ заемнымъ письмамъ, то это условіе, какъ заключенное во вредъ третьему лицу, недействительно въ отношеніи къ сему послѣднему.—Взысканіе по заемнымъ письмамъ должно быть обращено на должника, который можетъ отыскивать убытковъ съ кредитора.—Кредиторъ за совершеніе обмана долженъ быть преданъ уголовному суду.

Чиновникъ 12 класса Сомовъ и штабсъ-капитанъ (впослѣдствіи коллежскій совѣтникъ) Шелашниковъ заключили 9 октября 1843 года между собою явленное у маклера условіе, по которому Сомовъ принялъ Шелашникова въ соучастники по заведенію длишкасовъ и транспортовъ на 10 лѣтъ (пун. 3); Шелашниковъ обязался заплатить Сомову половинную часть употребленныхъ на заведеніе издержекъ 300 руб. сереб. (пун. 2), съ тѣмъ, что деньги сіи должны остаться въ пользу Сомова, если Шелашниковъ по домашнимъ обстоятельствамъ ранѣе 10-ти лѣтъ откажется отъ соучастія съ Сомовымъ; вся отвѣтственность за утраченные транспорты и за несостоятельность самого заведенія возложена на одного Сомова (пун. 4), за нарушеніе условій договора была положена съ виновнаго неустойка въ 5 т. руб. сер. (пун. 15) и кромѣ того было постановлено, что если въ продолженіи года Шелашниковъ выхлопочетъ отъ правительства дозволеніе на представленный Сомовымъ проэктъ и по прошествіи года будетъ вынужденъ оставить заведеніе, то Сомовъ обязуется заплатить ему 5,715 руб. сер. (пун. 18).

Того же числа, т. е. 9 октября 1843 года, Шелашниковъ выдалъ Сомову, за поручительствомъ своей жены, два заемныя письма—одно суммою въ 3-т. руб., а другое въ 2,714 руб. сер. безъ процентовъ, срокомъ на одинъ годъ.

19 Октября 1843 года Сомовъ передалъ означенныя заемныя письма по заевдѣтельствуванному у нотаріуса надписямъ поручику Дмитрію Лянунову, а 1-го ноября того же года выдалъ Шелашникову и его женѣ домашнюю подписку въ томъ, что если Шелашниковъ въ теченіи года выбудеть изъ соучастниковъ по заведенію транспортовъ, то Сомовъ обязуется не требовать никакого взысканія по означеннымъ заемнымъ письмамъ и возратить оныя должнику, если же оныя будутъ поданы ко взысканію самимъ Сомовымъ или лицомъ, коему онъ ихъ передастъ, то считать заемныя письма недѣйствительными.

Послѣ сего Шелашниковъ прошеніемъ, поданнымъ 28 декабря 1843 года въ московскую управу благочинія, объяснилъ, что въ обеспеченіе несчастныхъ случаевъ, могущихъ быть по транспортамъ, были выданы имъ Сомову два заемныя письма на сумму 5,714 руб. сер., которыя, въ случаѣ отказа его, Шелашникова, отъ соучастія съ Сомовымъ, должны подлежать уничтоженію, что контора Сомова по неизвѣстной причинѣ закрыта и, гдѣ находится Сомовъ, неизвѣстно. Посему Шелашниковъ просилъ: записать его просьбу для вѣдома въ книгу явочныхъ прошеній.

Затѣмъ Шелашниковъ двумя прошеніями, поданными въ 1844 году въ управу благочинія, заявивъ о передачѣ его заемныхъ писемъ отъ Сомова поручику Лянунову, просилъ предъявить Лянунову обязательство, заключенное съ Сомовымъ для обращенія на сего послѣдняго взысканія по заемнымъ письмамъ.

Лянуновъ противъ домогательства Шелашникова представилъ возраженія и просилъ обязать Шелашникова подпискою о представленіи къ сроку денегъ, слѣдующихъ по заемнымъ письмамъ.

Управа благочинія объявила Шелашникову данное Ляпуновымъ объясненіе и предоставила ему о дальнѣйшемъ удовлетвореніи просить гдѣ слѣдуетъ помимо управы.

Въ слѣдствіе сего Шелашниковъ подалъ 22 сентября 1844 года во 2 департаментъ московскаго надворнаго суда некое прошеніе, по которому и началось настоящее производство судебнымъ порядкомъ.

Надворный судъ по рѣшенію 9 января 1847 года заключилъ: потребовать заемныя письма отъ Ляпунова, возвратить Шелашникову, безъ взысканія денегъ, а Ляпунову предоставить право отыскивать съ Сомова понесенныя имъ потери.

Но когда московская гражданская палата, по аппеляціи повѣреннаго поручика Ляпунова, находя дѣло неполнымъ, обратила оное въ надворный судъ для новаго разсмотрѣнія и рѣшенія, не стѣсняясь прежнимъ, то надворный судъ рѣшеніемъ 25 октября 1850 года заключилъ: отказавъ Шелашникову въ домогательствѣ объ уничтоженіи заемныхъ писемъ, причитающихся по онымъ деньги съ процентами и неустойкою на удовлетвореніе Ляпунова взыскать съ Шелашникова или поручительницы по немъ, предоставивъ Шелашникову право взыскать съ Сомова присужденныя съ него въ пользу Ляпунова деньги, а поступокъ Сомова передать на законное опредѣленіе уголовного суда.

Рѣшеніе сіе было утверждено опредѣленіями: 21 августа 1852 г. 1-го департамента московской гражданской палаты и 15 января 1854 года 7-го департамента правительствующаго сената, разсматривавшими дѣло по аппеляціямъ Шелашникова.

На опредѣленіе 7 департамента сената 15 января 1853 года коллежскій совѣтникъ Шелашниковъ принесъ двѣ всеподданнѣйшія жалобы, которыя Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ общемъ собраніи правительствующаго сената.

Во время производства дѣла въ гражданской палатѣ поручикъ Ляпуновъ производимое имъ взысканіе денегъ по оз-

наченнымъ письмамъ передалъ въ 1852 году отставному маюру графу Іаннуарию Толстому.

Въ общемъ собраніи сената 11 сенаторовъ полагали утвердить рѣшеніе 1 департамента московской гражданской палаты, коимъ положено произвести по заемнымъ письмамъ взысканіе съ Шелашникова или съ жены его, а 9 — освободивъ Шелашникова отъ всякой отвѣтственности по заемнымъ письмамъ предъ Ляпуновымъ или преемникомъ его графомъ Толстымъ, обратить взысканіе по онымъ на Сомова.

Г. министръ юстиціи, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату, изяснилъ слѣдующее: по содержанію всеподданнѣйшихъ жалобъ Шелашникова и по существу предъявленныхъ имъ и противною стороною во время производства дѣла доводовъ и объясненій, существенный вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ настоящее время долженъ заключаться въ томъ, могутъ ли быть признаны обязательными для Шелашникова два заемныя письма, выданныя имъ Сомову, и кто долженъ подлежать отвѣтственности по онымъ?

Шелашниковъ ограждаетъ себя отъ отвѣтственности по означеннымъ заемнымъ письмамъ рѣшеніемъ надворнаго суда 9 января 1847 года, объясняя, что оное, въ отношеніи Сомова, вошло въ законную силу, и кромѣ того представляетъ возраженіе противъ дѣйствительности и обязательной силы тѣхъ заемныхъ писемъ.

По первому предмету Шелашниковъ объясняетъ, что рѣшеніе надворнаго суда 9 января 1847 года, коимъ онъ, Шелашниковъ, освобождался отъ взысканія денегъ по выданнымъ Сомову двумъ заемнымъ письмамъ, не было обжаловано Сомовымъ послѣ сдѣланныхъ вызововъ и потому вошло въ отношеніи Сомова въ законную силу.

Изъ дѣла видно, что означеннымъ рѣшеніемъ надворнаго суда 1847 года было заключено: возвратить заемныя письма Шелашникову для уничтоженія безъ взысканія по нимъ денегъ. Слѣдовательно, рѣшеніемъ симъ нарушались права Ля-

пунова, ходатайствовавшего о взысканіи денегъ съ Шелашникова.

Ляпуновъ такое рѣшеніе обжаловалъ и, возражая противъ домогательства Шелашникова объ освобожденіи отъ ответственности по заемнымъ письмамъ, ходатайствовалъ о взысканіи денегъ именно съ Шелашникова. Въ слѣдствіе сего упомянутое рѣшеніе 1847 года было разсмотрѣно гражданскою палатою по аппеляціи Ляпунова и было уничтожено со всеми послѣдствіями, а надворному суду предписано разсмотрѣть дѣло вновь и постановить рѣшеніе, не стѣсняясь прежнимъ.

Въ исполненіе сего надворный судъ постановилъ 25-го октября 1850-го года новое рѣшеніе о взысканіи денегъ съ Шелашникова, которое было утверждено гражданскою палатою и 7-мъ департаментомъ сената и въ настоящее время, по принесеннымъ отъ Шелашникова всеподданнѣйшимъ жалобамъ, подлежитъ разсмотрѣнію общаго собранія правительствующаго сената.

Изъ сего явствуетъ, что рѣшеніе надворнаго суда 1847-го года не можетъ быть принято въ соображеніе при разсмотрѣніи настоящаго дѣла и приводимое Шелашниковымъ обстоятельство о необжалованіи Сомовымъ рѣшенія надворнаго суда 1847-го года, относясь исключительно до одного Сомова и не нарушая правъ Ляпунова, въ свое время огражденных принесеніемъ на то рѣшеніе аппеляціи, не можетъ служить препятствіемъ къ разсмотрѣнію правъ Ляпунова, а по немъ и графа Іаншуарія Толстаго, относительно взысканія съ Шелашникова денегъ по пріобрѣтеннымъ отъ Сомова двумъ заемнымъ письмамъ Шелашникова.

По второму предмету доказательства и возраженія, предъявленныя Шелашниковымъ противъ заемныхъ писемъ, существенно относятся къ двумъ обстоятельствамъ:

во 1-хъ, къ дѣйствительности займа;

и во 2-хъ, къ правильности передачи Сомовымъ заемныхъ актовъ.

Такъ какъ недѣйствительность заемныхъ писемъ должна

имѣть послѣдствіемъ недѣйствительность и самой ихъ передачи, то прежде надлежитъ разсмотрѣть вопросъ о дѣйствительности заемныхъ обязательствъ, выданныхъ Шелашниковымъ Сомову и затѣмъ опредѣлить, правильно ли тѣ обязательства были переданы отъ Сомова Ляпунову.

Недѣйствительность выданныхъ Сомову заемныхъ писемъ Шелашниковъ доказываетъ ихъ безденежностію и въ подтвержденіе сего приводитъ:

1, условіе, заключенное съ Сомовымъ 9-го октября 1843-го года;

2, обязательство, выданное Сомовымъ 1 ноября 1843 года.,

3, явочное прошеніе, поданное Шелашниковымъ 28 декабря 1843 года въ управу благочинія.,

и 4, ссылается на двухъ свидѣтелей— князя Михаила Оболенскаго и московскаго мѣщанина Ѳедора Антонова, объявляя, что при сихъ лицахъ Сомовъ подтвердилъ безденежность заемныхъ писемъ и выдалъ Шелашникову обязательство 1 ноября 1843 года.

Отдѣльное разсмотрѣніе каждаго изъ сихъ доводовъ и соображеніе оныхъ съ обстоятельствами дѣла и законами показываетъ:

1, Договоръ 9 октября 1843 года по содержанию своему относится до учрежденія Сомовымъ съ Шелашниковымъ общаго заведенія дилижансовъ и транспортовъ и заключаетъ въ себѣ подробныя условія обезпеченія и исполненія сего договора.

Въ пунктахъ сего акта, на которыхъ Шелашниковъ основываетъ свои доказательства о безденежности заемныхъ писемъ, изображено:

пунк. 2 и 15. Шелашниковъ, вступивъ въ соучастіе, обязанъ заплатить Сомову половинную часть издержекъ 300 руб. сер. и, въ случаѣ выбитія Шелашникова изъ соучастія прежде 10-ти лѣтняго срока, Сомовъ не возвращаетъ Шелашникову означенную сумму.

Пун. 4. Ежели случится, что транспортъ сгоритъ, утратится, утонетъ, испортится, или все заведеніе обанкрутится, то Шелашни-

кову, какъ выдавшему уже Сомову сумму денегъ въ обезпеченіе, ни въ чемъ не отвѣтствовать, а отвѣтствовать во всемъ одному Сомову.

Пун. 18. Если въ продолженіи года Шелашниковъ выхлопочетъ отъ правительства дозволеніе на представленный Сомовымъ проэктъ и по прошествіи года будетъ вынужденъ по обстоятельствамъ оставить заведеніе, то Сомовъ обязуется заплатить ему 5715-ть руб. сер.

Кромѣ сего въ пун. 16-мъ за неисполненіе договора положена съ виновнаго неустойка въ 5 т. руб. сер.

Изъ буквального смысла изложенныхъ пунктовъ договора явствуется, что въ договорѣ Шелашникова съ Сомовымъ были постановлены самостоятельныя условія обезпеченія: въ видѣ единовременнаго взноса со стороны Шелашникова 300 руб. сер. (пун. 2 и 15), въ видѣ неустойки въ 5000 руб. сер. (пун. 16) и возложенія на Сомова отвѣтственности за потери по транспортамъ (пун. 4). Пунктъ 18-й договора о суммѣ 5715 руб., которую Сомовъ обязался уплатить Шелашникову, содержитъ въ себѣ отдѣльное условіе о вознагражденіи Шелашникова въ томъ случаѣ, еслибы онъ выхлопоталъ за Сомова утвержденіе представленнаго имъ проэкта, а самъ, по обстоятельствамъ, былъ вынужденъ оставить общее предпріятіе. Самая сумма, назначенная въ семъ пунктѣ въ вознагражденіе Шелашникова (5715 руб.), разнится отъ общей суммы, на которую были выданы заемныя письма Сомову (5714 руб.).

Такимъ образомъ изъ договора 9 октября 1843 года не видно, чтобы выдача заемныхъ писемъ на сумму 5714 руб. была необходимымъ послѣдствіемъ условій, постановленныхъ договаривающимися сторонами и имѣла видъ обезпеченія по договору.

Въ условіи 9 октября 1843 года ничего не сказано о заемныхъ письмахъ, выданныхъ того же числа Сомову. Посему связь заемныхъ писемъ съ условіемъ 9 октября 1843 года должна почитаться недоказанною и прекращеніе условленнаго между Шелашниковымъ и Сомовымъ товарищества не

должно имѣть послѣдствіемъ уничтоженіе самыхъ заемныхъ писемъ.

Шелашниковъ изъясняетъ договоръ 9 октября 1843 года въ томъ смыслѣ, что заемныя письма его были вѣрены Сомову будто бы единственно для обезпеченія договора. Такое толкованіе несогласно ни съ буквальнымъ содержаніемъ вышеизъясненныхъ пунктовъ самаго договора, въ которомъ не содержится прямого постановленія объ обезпеченіи предпріятія заемными письмами, ни съ точною силою узаконеній (ст. 1536, 1538 и 1539 ч. I т. X изд. 1857 г.), предписывающихъ правила для изъясненія договоровъ. На основаніи сихъ правилъ сила договора 9 октября 1843 года, въ отношеніи обезпеченія, должна быть изъяснена по ст. 1539 т. X-го ч. I не иначе, какъ въ пользу преемниковъ правъ Сомова по заемнымъ письмамъ Липунова и графа Толстаго, ибо если Шелашниковъ выдалъ заемныя письма Сомову дѣйствительно, какъ онъ объявляетъ, въ обезпеченіе договора объ участіи въ общемъ предпріятіи по заведенію diligencсовъ и транспортовъ, то отъ самого Шелашникова зависѣло предметъ сей выразить въ самомъ договорѣ, согласно ст. 1539, съ болѣею точностію и оградить надлежащимъ образомъ свои права.

2, Въ подпискѣ, выданной Сомовымъ 1 ноября 1843 года, изъяснено, что въ случаѣ выбытія Шелашникова въ теченіи года пѣз соучастія въ заведеніи конторы diligencсовъ, Сомовъ обязуется возвратитъ Шелашникову выданныя имъ два заемныя письма на сумму 5714 руб. сер., не требуя никакого платежа по онымъ, а въ случаѣ подачи ихъ ко взысканію самимъ Сомовымъ или лицомъ, коему будутъ переданы отъ него, считать оныя недѣйствительными.

Записка сія написана на гербовомъ листѣ въ 90 коп. сер., подписана Сомовымъ и нигдѣ не засвидѣтельствована.

Липуновъ отвергаетъ силу сего акта неформальностію онаго, какъ нигдѣ неявленнаго, и выдачею уже послѣ подачи отъ Сомова самыхъ заемныхъ писемъ.

Шелашниковъ напротивъ того объявляетъ, что означенная

росписка 1 ноября 1843 года писана на установленной гербовой бумагѣ и должна быть признана за актъ законный на основаніи узаконеній, дозволяющихъ брать платежныя росписки въ замѣнъ самыхъ обязательствъ.

Росписка 1 ноября 1843 года заключасть въ себѣ обязательство Сомова не требовать въ извѣстномъ случаѣ отъ Шелашникова платежа по заемнымъ письмамъ суммы 5,714 руб. сер. Посему актъ сей, по дѣяности предмета, составляющаго его содержаніе, долженствовалъ быть написанъ, согласно приложенію къ ст. 4 т. V св. зак. уст. о пошл., на крѣпостномъ гербовомъ листѣ въ 12 руб. сер. и засвидѣтельствованъ, на точномъ основаніи ст. 908 ч. I т. X, или у маклера или, согласно ст. 731 ч. I т. X, у крѣпостныхъ дѣлъ. Въ роспискѣ 1 ноября 1843 года не соблюдено сихъ правилъ, посему она, по неформальности, за силою ст. 908 ч. I т. X зак. гр., не можетъ быть признана дѣйствительною.

По содержанію своему означенная росписка заключаеть въ себѣ отказъ въ извѣстномъ случаѣ Сомова отъ права требовать съ Шелашникова платежа по заемнымъ письмамъ.—Акты сии были переданы Сомовымъ по надписямъ Ляпунову 19 октября 1843 года, т. е. ранѣе выдачи означенной росписки. Изъ сего явствуетъ, что Сомовъ въ роспискѣ 1 ноября 1843 года отказывался отъ требованія платежа по такимъ заемнымъ письмамъ, которыя уже не принадлежали ему, а составляли собственность другаго лица—Ляпунова, приобрѣвшаго тѣ акты по установленному въ законѣ порядку.

Такая уступка во вредъ третьяго лица положительно воспрещается закономъ (ст. 1547 ч. I т. X). Посему росписка 1 ноября 1843 года не можетъ быть признана актомъ обязательнымъ ни по формѣ, какъ пугдѣ неявленная, ни по содержанію, какъ заключающая въ себѣ запрещенную закономъ уступку, во вредъ третьяго лица.

Разсматривая означенную росписку, не какъ отдѣльный самостоятельный актъ, но вообще какъ письменное доказательство, представленное тяжущимся въ судъ, нельзя не признать

что росписка сія, какъ неутверждаемая въ ея дѣйствительности со стороны Ляпунова, противъ котораго представлена, не можетъ быть признана, по смыслу статьи 329 ст. II ч. X т. совершеннымъ доказательствомъ. Притомъ росписка 1-го ноября 1843 года составлена отъ имени Сомова, но по случаю неявки сего послѣдняго на судъ при производствѣ настоящаго иска, осталась ему не предъявленной, чрезъ что подлинность сей росписки не была приведена въ несомнѣнную ясность и слѣдовательно она не можетъ быть принята какъ доказательство.

3. Въ явочномъ прошеніи, поданномъ въ управу благочинія 28-го декабря 1843 г., Шелашниковъ объяснилъ, что два заемныя письма выданы имъ Сомову 9-го октября 1843 г., въ обезпеченіе могущихъ быть несчастныхъ случаевъ по транспортамъ, и что отъ Сомова получено имъ 1-го ноября 1843 г. обязательство объ уничтоженіи тѣхъ заемныхъ писемъ, въ случаѣ выбытія Шелашникова изъ соучастія въ заведеніи дилижансовъ.

Изъ сего видно, что прошеніе Шелашникова заключаетъ въ себѣ одно заявленіе правъ его относительно выбытія изъ общаго съ Сомовымъ предпріятія и неплатежа долга по заемнымъ письмамъ, но не содержало никакихъ доказательствъ о дѣйствительной принадлежности Шелашникову сихъ правъ.

Посему нельзя не признать, что одно личное заявленіе Шелашниковымъ означенныхъ правъ его не могло ни освободить его отъ общей обязанности доказать, въ качествѣ истца, согласно ст. 312 и 314 ч. II т. X, недѣйствительность заемныхъ писемъ, ни служить законнымъ основаніемъ къ утвержденію за Шелашниковымъ такихъ правъ, которыя для своей дѣйствительности требовали безусловно судебнаго постановленія, на основаніи представленныхъ доказательствъ.

и 4. При недѣйствительности и необязательности росписки 1-го ноября 1843 года, ссылка, дѣлаемая Шелашниковымъ на двухъ свидѣтелей, при которыхъ будто-бы была выдана Сомовымъ та росписка, не можетъ, за силою ст. 442 ч. II т. X, служить законнымъ основаніемъ къ спросу упо-

минаемых Шелашниковымъ лицъ и вообще по ясности письменныхъ въ настоящемъ дѣлѣ доказательствъ, не представляется никакого повода изслѣдовать обстоятельства иска посредствомъ свидѣтелей.

Въ отношеніи правильности передачи Сомовымъ заемныхъ писемъ Ляпунову, Шелашниковъ представляетъ слѣдующія возраженія:

1, Въ передаточныхъ надписяхъ на заемныхъ письмахъ не означено полученія денегъ сполна и неизвѣстно, самъ-ли Сомовъ подписалъ передачу.

2, Заемныя письма не составляли собственности Сомова и потому не могли быть имъ передаваемы по силѣ закона, воспреещающаго продавать имущество, состоящее въ одномъ пользованіи и временномъ владѣніи.

3, Передача Сомовымъ заемныхъ писемъ Ляпунову составляла уступку, сдѣланную во вредъ третьяго лица—Шелашникова.

и 4, Передача недействительна по безденежности самыхъ заемныхъ обязательствъ.

Ближайшее разсмотрѣніе сихъ обстоятельствъ обнаруживаетъ:

1, Сомнѣніе въ подлинности передаточныхъ надписей Сомова устраняется засвидѣтельствованіемъ оныхъ у нотариуса на точномъ основаніи 2059 ст. ч. I т. X. А возраженіе противъ формальности тѣхъ надписей несогласно съ правилами, существующими для сего въ законѣ, въ которомъ особой единообразной формы для передаточныхъ надписей на заемныхъ письмахъ не установлено; прочія же условія, коими въ законѣ (ст. 2058—2061 ч. I т. X зак. гр.) опредѣляется сила и дѣйствительность передачи заемныхъ писемъ, въ настоящемъ случаѣ соблюдены.

2, Заемныя письма были выданы Шелашниковымъ Сомову безъ всякаго условія и не было постановлено никакого ограниченія въ пользованіи правами по тѣмъ актамъ ни въ самыхъ заемныхъ письмахъ, ни въ другомъ какомъ-либо за-

конно составленномъ договорѣ. Росписка Сомова 1-го ноября 1843-го года о признаніи заемныхъ писемъ недѣйствительными была выдана уже послѣ передачи оныхъ. Слѣдовательно, росписка сія не можетъ имѣть никакого вліянія на опредѣленіе и дѣйствительности заемныхъ писемъ Шелашникова, которыя, составляя полную собственность Сомова, могли быть переданы отъ сего послѣдняго Ляпунову по силѣ ст. 2058 ч. I т. X, безусловно дозволяющей заимодавцу передавать заемныя письма другому до срока и послѣ оного.

3, Передача заемныхъ писемъ Ляпунову была учинена Сомовымъ 19-го октября 1843 года въ то время, когда обязательства сіи составляли полную принадлежность Сомова; а уступка тѣхъ же обязательствъ въ пользу должника Шелашникова отказомъ отъ требованія платежа по онымъ была сдѣлана Сомовымъ въ подпискѣ 1-го ноября 1843 г., т. е. тогда, когда акты сіи, бывъ за 12-ть дней переданы на законномъ основаніи Ляпунову, уже не составляли собственности Сомова. Изъ сего очевидно, что первое дѣйствіе Сомова, совершенное 19-го октября 1843 г., т. е. передача заемныхъ писемъ Ляпунову, было вполне законное и слѣдовательно въ немъ не могло быть сдѣлано уступки во вредъ третьяго лица, а таковая воспрещаемая закономъ (ст. 1547 ч. I т. X) уступка была учинена въ послѣдующемъ дѣйствіи Сомова, — въ признаніи заемныхъ писемъ недѣйствительными въ роспискѣ 1-го ноября 1843 г., такъ какъ Сомовъ при этомъ сдѣлалъ Шелашникову уступку въ нарушеніе правъ Ляпунова, представлявшаго относительно заемныхъ актовъ лицо кредитора.

и 4, Безденежность заемныхъ писемъ Шелашниковымъ не доказана и ничѣмъ по дѣлу не обнаружена. Посему выводимое на семъ основаніи Шелашниковымъ объясненіе о недѣйствительности по сему обстоятельству самыхъ передачъ заемныхъ писемъ не можетъ быть принято ни въ какое уваженіе.

Вышеизложенныя соображенія приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1, Заемныя письма Шелашникова, выданныя Сомову на

сумму 5,714 р. сер., составлены во всемъ по предписаннымъ въ законѣ правиламъ, выводимая Шелашниковымъ безденежность оныхъ ничѣмъ по дѣлу не подтвердилась и потому акты сіи должны быть признаны въ полной мѣрѣ дѣйствительными;

2, Передача Сомовымъ заемныхъ писемъ Шелашникова поручику Ляпунову была учинена правильно;

3, Передавать заемныя письма въ законѣ дозволено безъ оборота на заимодавца и потому взысканіе по переданнымъ отъ Сомова Ляпунову заемнымъ письмамъ Шелашникова не можетъ быть обращено на Сомова и таковое взысканіе надлежитъ произвести съ Шелашникова, съ предоставленіемъ сему послѣднему права уплаченную по тѣмъ заемнымъ письмамъ сумму взыскать съ Сомова.

и 4, Выводимое Шелашниковымъ въ настоящемъ гражданскомъ производствѣ обстоятельство объ уступкѣ ему Сомовымъ въ роспискѣ 1-го ноября 1843 г. такихъ заемныхъ писемъ, которыя уже не составляли собственности Сомова, заключая въ себѣ обманъ, требуетъ, по окончаніи гражданскаго иска, разсмотрѣнія въ уголовномъ порядкѣ, по точной силѣ ст. 2228 т. X св. зак. гражд.

Признавая на основаніи изъясненныхъ соображеній опредѣленіе 7-го департамента правительствующаго сената, послѣдовавшее по сему дѣлу 15-го января 1853 года, совершенно правильнымъ и согласнымъ съ точною силою существующихъ узаконеній, г. министръ юстиціи полагалъ утвердить его во всей силѣ, а всеподданнѣйшую жалобу Шелашникова оставить безъ уваженія.

По несоставленію законеннаго большинства сенаторовъ, согласныхъ съ симъ предложеніемъ, настоящее дѣло внесено было въ государственный совѣтъ.

Государственный совѣтъ полагалъ утвердить заключеніе министра юстиціи и сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ.

Таковое мнѣніе государственнаго совѣта удостоено Высочайшаго утвержденія 28 іюня 1858 года.

IV.

Когда недвижимое населенное имѣніе по наследству дойдетъ къ лицу, не имѣющему по закону права владѣть онымъ, то за отходящее въ казну имѣніе наследнику выдается определенное денежное вознагражденіе. Хотя бы дошедшее имѣніе было родовое и вознагражденіе за него еще не выдано, но наследникъ имѣетъ право распорядиться слѣдующими ему изъ казны деньгами, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что въ данномъ случаѣ члѣнность вещи не представляетъ самой вещи.

Къ имѣнію умершей жены коллежскаго секретаря Березиной, заключающемуся въ 27-ми душахъ крестьянъ и домѣ въ г. Арзамасѣ, осталась единственною наследницею дочь ея Марія Березина. Не имѣя права по званію своему владѣть этими крестьянами, Березина ходатайствовала въ нижегородской казенной палатѣ объ обращеніи крестьянъ въ казну и о выдачѣ ей за нихъ положеннаго закономъ вознагражденія.

Во время производства сего дѣла дѣвица Березина въ 1838 году умерла, оставивъ духовное завѣщаніе, которымъ принадлежащій ей въ городѣ Арзамасѣ домъ и часть денегъ, слѣдовавшихъ ей за доставшихся отъ матери крестьянъ, предоставила душеприкащицѣ своей Маріи Быковой, а остальную часть денегъ завѣщала въ пользу церкви, монастырей и сиротъ.

Противъ этого завѣщанія, засвидѣтельствованнаго въ подлинности нижегородскою гражданскою палатою, предъявленъ былъ въ декабрѣ 1838 года со стороны купцовъ Николая, Андрея и Рувима Сторожевыхъ споръ о родовомъ свойствѣ завѣщаннаго имущества.

Арзамасскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ этотъ споръ въ

общемъ присутствіи съ городovýmъ магистратомъ при депутатѣ съ духовной стороны и признавъ оставшееся послѣ Березиной имущество благопріобрѣтеннымъ, 14-го сентября 1840 года опредѣлилъ: духовное завѣщаніе Маріи Березиной оставить въ своей силѣ, а Сторожевымъ въ искѣ ихъ отказать.

На это рѣшеніе одинъ Андрей Сторожевъ принесъ апелляціонную жалобу въ нижегородскую гражданскую палату.

Гражданская палата, разсматривая дѣло въ отношеніи одного Сторожева, признала всѣхъ крестьянъ, доставшихся Березиной отъ матери, имѣніемъ родовымъ, а потому рѣшеніемъ 26-го мая 1844 года уничтожила духовное завѣщаніе и утвердила Андрея Сторожева наследникомъ того имѣнія съ выдачею ему вмѣсто онаго слѣдующаго изъ казны вознагражденія, предоставивъ отыскивать свои права на домъ отъ сего дѣла особо.

На это рѣшеніе Андрей Сторожевъ объявилъ удовольствіе; прочія лица, участвующія въ дѣлѣ, къ выслушанію онаго въ годовой срокъ не явились.

Дѣло сіе въ слѣдственномъ порядкѣ восходило на разсмотрѣніе общаго собранія московскихъ департаментовъ правительствующаго сената. Общее собраніе, разсмотрѣвъ его только въ отношеніи суммъ, завѣщанныхъ въ пользу церквей и монастырей, и не касаясь тѣхъ частей рѣшенія, которыя, относясь къ частнымъ лицамъ, не были ими обжалованы и вошли въ окончательную законную силу, признало имѣвіе Березиной благопріобрѣтеннымъ, и вслѣдствіе того въ 1850 году опредѣлило: рѣшеніе уѣзднаго суда объ оставленіи въ своей силѣ духовнаго завѣщанія дѣвицы Березиной утвердить, а купцамъ Сторожевымъ въ искѣ отказать.

Исполненіе по посланному 7-го сентября 1850 года въ палату указу, палата съ своей стороны возложила на арзамасскій уѣздный судъ, который, получивъ извѣщеніе объ отсылкѣ ассигнованныхъ за отошедшихъ въ казну крестьянъ 4,060 р. въ приказъ общественнаго призрѣнія и о смерти душеприкащицы Быковой, просилъ разрѣшенія палаты, кому, за смертью Быковой, слѣдуетъ предоставить раздачу денегъ по

завѣщанію. Въ разрѣшеніе сего представленія, палата 7-го мая 1851 года предписала уѣздному суду, чтобы исполненіе по завѣщанію судъ принялъ на свою обязанность, и изъ суммы, ассигнованной за крестьянъ, оставилъ деньги, завѣщанныя въ раздачу неимущимъ и сиротамъ, въ распоряженіи приказа, слѣдующія въ пользу церквей и монастырей, священно-церковнослужителей и монахинь, отослалъ въ духовную консисторію, въ раздачу же остальныхъ поступилъ на точномъ основаніи помянутаго завѣщанія, вручивъ деньги, назначенныя въ пользу и въ распоряженіе Быковой, законнымъ по ней наслѣдникамъ. Согласно сему, уѣздный судъ представилъ приказу, чтобы онъ, по оставленіи въ распоряженіи своемъ для раздачи бѣднымъ и сиротамъ 1,000 р., слѣдующіе въ пользу церквей отослалъ въ духовную консисторію, а для выдачи разнымъ лицамъ, всего 251 р. 42½ коп. сер., выслалъ въ судъ вмѣстѣ съ билетомъ на сумму, слѣдующую наслѣдникамъ Быковой, которые для полученія денегъ вызываются чрезъ с. петербургскія вѣдомости.

На всѣ эти распоряженія уѣзднаго суда, признанныя правильными гражданскою палатою, Сторожевъ 4-го января 1854 года принесъ правительствующему сенату жалобу, въ которой объясняетъ, что распоряженіе палаты отъ 7-го мая 1851 года объ оставленіи въ приказѣ денегъ, завѣщанныхъ бѣднымъ и сиротамъ, объ отсылкѣ въ духовную консисторію денегъ, назначенныхъ монахинямъ, и объ отдачѣ наслѣдникамъ Быковой денегъ, завѣщанныхъ сей послѣдней, противно законамъ и рѣшенію общаго собранія. Въ отношеніи сиротъ и наслѣдниковъ Быковой, какъ лицъ частныхъ, рѣшеніе палаты вступило въ законную силу, а монахамъ по 1067 ст. I ч. X т. изд. 1857 г. запрещено завѣщать лично капиталы.

Въ общемъ сената собраніи мнѣнія по сему дѣлу раздѣлились. Изъ участвовавшихъ въ сужденіи дѣла 19-ти сенаторовъ, 14-ть полагали, что за вступленіемъ рѣшенія общаго присутствія арзамасскаго уѣзднаго суда и городского магистрата въ отношеніи Николая и Рувима Сторожевыхъ, по

не обжалованію имп, въ законную силу, рѣшеніе гражданской палаты объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія дѣвицы Березиной и объ утвержденіи Андрея Сторожева наслѣдникомъ, должно простираться на одну только ту часть имущества завѣщательницы, которая слѣдовала бы по раздѣлу ему, Андрею Сторожеву, за исключеніемъ изъ сего суммъ, завѣщанныхъ церквамъ и монастырямъ, о возвращеніи ему которыхъ онъ неправильно домогается; посему слѣдуетъ Сторожеву въ просьбѣ его по сему предмету отказать, а въ отношеніи прочихъ частей жалобы его, касающихся суммъ, завѣщанныхъ Березиною частнымъ лицамъ, отмѣнить распоряженія палаты, въ чемъ они не согласны съ указомъ сената отъ 7-го сентября 1850 года; а 5-ть особъ признавали всѣ распоряженія палаты по исполненію приведеннаго указа сената правильными и сообразными съ 677 ст. II ч. X т. изд. 1857 г., вслѣдствіе чего позагали: въ жалобѣ Сторожева по всѣмъ предметамъ отказать.

Г. министръ юстиціи, по рассмотрѣніи настоящаго дѣла на консультаціи, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату изъяснилъ слѣдующее:

Въ рѣшеніи общаго собранія правительствующаго сената, изложенномъ въ указѣ его отъ 7-го сентября 1850 года, положительно объяснено, что сенатъ разсматривалъ дѣло только въ отношеніи суммъ, завѣщанныхъ въ пользу церквей и монастырей и не касался тѣхъ частей рѣшенія гражданской палаты, которыя, относясь къ частнымъ лицамъ, по необжалованію онаго, вошли въ окончательную законную силу. Общее собраніе правительствующаго сената въ приведенномъ рѣшеніи утвердило заключеніе арзамаскаго уѣзднаго суда объ оставленіи въ своей силѣ завѣщанія дѣвицы Березиной, а купцамъ Сторожевымъ, отыскивающимъ имѣніе Березиной, въ домогательствѣ ихъ отказало. Посему, рѣшеніе уѣзднаго суда въ отношеніи суммъ, завѣщанныхъ въ пользу церквей и монастырей, должно оставаться въ своей силѣ, а въ прочихъ частяхъ должно быть исполнено рѣшеніе гражданской палаты. А какъ рѣшеніемъ симъ уничтожено духовное завѣщаніе Бе-

резиной и утвержденъ въ правахъ на все оставшееся послѣ нея имущество одинъ Андрей Сторожевъ, то и должно предоставить ему все то, что по завѣщанію Березиной не отказано въ пользу церкви и монастырей. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ: 1) что Андрей Сторожевъ неправильно домогается суммъ, завѣщанныхъ Березиною въ пользу Алексіевской общины и живущихъ въ оной сестеръ и монашествующихъ Николаевского монастыря, такъ какъ суммы тѣ предоставлены не лично кому-либо изъ монашествующихъ, а обществу, и 2) что распоряженіе гражданской палаты объ отсылкѣ тѣхъ суммъ, исключая вышепомянутыхъ, подлежащихъ возврату въ духовную консисторію, правильно и сообразно съ ст. 635 ч. II т. X, но что дѣйствія ея объ оставленіи въ приказѣ общественнаго призрѣнія 1,000 руб., завѣщанныхъ бѣднымъ и сиротамъ и о врученіи наслѣдникамъ Быковой назначенныхъ Березиною ей суммъ, не имѣютъ законнаго основанія. Палата ими отмѣняетъ собственное свое рѣшеніе, которымъ завѣщаніе Березиной уничтожено и все предоставленныя по оному Быковой и другимъ лицамъ суммы присуждены Андрею Сторожеву, тогда какъ рѣшеніе это признано сенатомъ вошедшимъ по необжалованію въ законную силу и не подлежащимъ въ отношеніи къ частнымъ лицамъ пересмотру.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями и 633 и 634 ст. II ч. X т., г. министръ юстиціи, признавая жалобу Андрея Сторожева въ отношеніи суммъ, завѣщанныхъ въ пользу церкви и монастырей, незаслуживающею уваженія, полагалъ въ жалобѣ ему по сему предмету отказать. Что же касается суммъ, завѣщанныхъ частнымъ лицамъ, то, отмѣнивъ распоряженія палаты, въ чемъ они несогласны съ указомъ сената отъ 7-го сентября 1850 года и съ настоящимъ заключеніемъ, предписать ей въ точности исполнить вышеозначенный указъ, не стѣняясь своими собственными постановленіями.

Въ общемъ собраніи правительствующаго сената узаконенное большинство сенаторовъ согласилось съ приведеннымъ предложеніемъ г. министра юстиціи.

В. РУССКАЯ УГОЛОВНАЯ.

Дѣло о дворянѣ Иванѣ Кочанѣ, сужденномъ за разбой.

Вечеромъ, 28 іюля 1854 года, съ почталіономъ Андреемъ Будзинскимъ отправлена была легкая почта изъ Могилева на Днѣпръ въ Симферополь.—Она слѣдовала по большой шоссейной дорогѣ вдоль праваго берега Днѣпра на Довскъ, Годиловичи, село Рысково, Меркуловичи въ Рогачевъ.—Такъ какъ разстояніе между Годиловичскою и Меркуловичскою почтовыми станціями довольно велико, то для удобства и почт-содержателя и проѣзжихъ на полдорогѣ между этими станціями въ селѣ Рысковѣ, въ 13 верстахъ отъ Годиловичъ, устроена была подстава для перемѣны лошадей.

Почта симферопольская прибыла въ Годиловичи 29 іюля въ 3 часа 40 минутъ по-полуночи и черезъ десять минутъ послѣ того отправлена до Рысковской подставы въ фургонѣ, запряженномъ четырьмя лошадьми съ ящикомъ Иваномъ Мининымъ.

Не достигнувъ Рысковской подставы, она пропала безъ вѣсти, о чемъ, извѣщенная 30 іюля по эстафетѣ, Могилевская почтовая контора донесла начальнику губерніи, который отрядилъ для производства слѣдствія коллежскаго секретаря Матіасевича.

Прежде нежели Матіасевичъ прибылъ поутру 31 іюля въ Годиловичи, уже на этой станціи всѣ знали, что случилось съ пропавшею почтою. Она была разграблена, почталіонъ Будзинскій и ящикъ Мининъ убиты. Тѣла убитыхъ найдены

утромъ 30 іюля близъ дороги въ лѣсу смотрителемъ годиловичской станціи Гензелемъ и нѣсколькими ямщиками, производившими поиски. Тутъ же былъ и фургонъ съ четверкою невыпряженныхъ лошадей. Лошади отведены были нашедшими ихъ на Годиловичскую почтовую станцію, а при фургонѣ, при разграбленной и вскрытой корреспонденціи и при тѣлахъ убитыхъ поставленъ былъ надлежащій караулъ.

Осмотръ слѣдовъ преступленія привелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

На восьмой верстѣ отъ Годиловичъ, а въ шести отъ Рыскова, на правой сторонѣ дороги виднѣлась въ значительномъ количествѣ вытекшая и запекшаяся кровь.—Отъ того мѣста шла вправо отъ дороги, углубляясь въ опушку лѣса, свѣжая, довольно широкая тропка, какъ будто бы отъ тащенія какого нибудь тѣла, и въ ней слѣды простыхъ безъ подборовъ сапоговъ съ широкими ступнями, которые тѣмъ явственнѣе отпечатлѣлись на землѣ, что 29 числа шелъ дождь и что слѣдовательно земля была размокшая. Въ опушкѣ лѣса въ 8 саженьяхъ отъ дороги валялась лѣтняя шляпа ямщика Минина не поврежденная (актъ обыска не упоминаетъ, обагрена ли она была кровью или нѣтъ). Саженьяхъ въ двадцати отъ шляпы по направленію къ Рыскову, а въ шести отъ дороги, въ гущѣ лѣса лежалъ бокомъ трупъ ямщика Ивана Минина. Мининъ былъ человѣкъ молодой, 25 лѣтъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ русыми волосами, безъ бороды и усовъ, которые у него еще не выросли. На себѣ онъ имѣлъ рубаху и порты изъ грубаго холста, кожаные сапоги, армякъ изъ темнозеленаго сукна. У Минина оказался совершенно разбитымъ правый високъ и пробитою сзади шея съ правой стороны. Слѣдователь Матіасевичъ остановился на догадкѣ, что смертоносные удары нанесены были ему по виску полноувѣсною дубиною или желѣзнымъ ломомъ, который оставилъ продолговатую, но узенькую рану, наполненную запекшеюся кровью, а въ шею острымъ орудіемъ, отъ чего произошла круглая рана шириною пальца въ два, а глубиною въ полтора вершка. Тѣмъ же вѣроятно орудіемъ разрѣзанъ и воротникъ

армяка. Сверхъ того Мининъ былъ сильно битъ по плечамъ, чему доказательствомъ служатъ многіе знаки синебагроваго цвѣта на его тѣлѣ. Лицо его было блѣдно-синеваго цвѣта; изъ носа и глазъ вытекала кровь; кровью облитъ былъ и армякъ.

Отъ того мѣста, гдѣ видѣлась кровь, кромѣ тропы, вытопанной стопами убійцы и тѣломъ ямщика, начинался другой слѣдъ отъ колесъ фургона и копытъ лошадей. Хотя фургопный слѣдъ сворачивалъ также съ дороги вправо, въ лѣсъ, но въ какомъ разстояніи отъ тѣла ямщика, того слѣдователь не опредѣлилъ, потомъ онъ тянулся довольно далеко, заходя уже въ девятую версту отъ Годиловичъ и оканчивался въ густой чашѣ лѣса въ 8 саженьяхъ отъ дороги и въ 125 саженьяхъ отъ тѣла ямщика. Здѣсь и стоялъ фургонъ съ лошадьми, которыхъ упряжь была въ цѣлости, за исключеніемъ колокольчика, пары возжей, которые не были отысканы, и свивка лѣвой пристяжки, который оказался оторваннымъ. Фургону не доставало еще верха или кибитки, которая была къ нему прикрѣплена при отправленіи изъ Годиловичъ для предохраненія почталіона отъ дождя. Изъ дѣла не видно, была ли эта кибитка сорвана только съ фургона и тутъ же брошена или утащена совершившими убійство, была ли она отыскана въ лѣсу, или нѣтъ. Подлѣ самаго фургона лежалъ лѣвымъ бокомъ трущъ почталіона Будзинскаго на разосланной буркѣ его изъ бараньей шкуры, крытой чернымъ солдатскимъ сукномъ. Одежда его состояла изъ тонкой, но грязной холщевой рубахи, панталонъ сѣраго тонкаго сукна съ черною по паружнымъ бокамъ выпушкою, форменнаго сюртука, стараго чернаго шелковаго платка, сапоговъ и фуражки; на надѣтомъ чрезъ плечо сыромятномъ ремнѣ висѣлъ у него пистолеть безъ шомпола и пистона, заряженный холостымъ зарядомъ. — Будзинскій былъ еще моложе Минина — лѣтъ 23 или 24, темнорусый, съ выбритыми бородою и усами, тѣлосложенія весьма крѣпкаго. Тѣло его было страшно изуродовано, черепъ его былъ повидимому проломанъ; отверстіемъ пролома, имѣвшимъ 1½ вершка въ діаметрѣ, вытекла

часть мозга; обѣ руки были вывернуты изъ плечевыхъ чашекъ, задняя лямка у лѣваго бедра проколота шириною пальца въ два, а глубиною въ вершокъ (какой видъ имѣла эта рана и въ какомъ нанесена была направленіи, не опредѣлено). Заднепроходная кишка вышла немного наружу, какъ полагалъ слѣдователь, отъ сильнаго напряженія. Все тѣло покрыто было боевыми знаками синебагроваго цвѣта; оно распухло и распостраняло смрадный запахъ; особенно распухшими оказались ядра. Бурка Будзинскаго была облита ручьями запекшейся крови. Въ боковомъ карманѣ сюртука пайдено 60 коп. сер.

Въ фургонѣ, подлѣ него и въ различныхъ мѣстахъ по лѣсу валялись разбросанные и измоченные дождемъ чемоданы, пакеты, конверты и бумаги вскрытой и разграбленной почтовой корреспонденціи. Въ самомъ фургонѣ лежалъ вскрытый чемоданъ № 170 и свинцовая пуля. Возлѣ фургона на землѣ находились другой чемоданъ № 640 и пять сумокъ съ простою (№№ 138, 695, 555) и съ денежною корреспонденціею (№№ 49 и 80). Во всѣхъ этихъ сумкахъ и чемоданахъ перерѣзаны были петли и ремни, которыми они шнуровались. Печатей и пломбъ найдено налицо 6, изъ коихъ 5 отрѣзаны. Простая корреспонденція не была нарушена, а только штукъ десять постъ-пакетовъ вынуты и одинъ изъ нихъ, зашитый въ циновку, разрѣзанъ до половины.—За то сума съ денежною корреспонденціею № 49 вся опорожнена, а вынутые изъ нея конверты и бумаги изорваны были въ куски. Между этими кусками найдено на землѣ нѣсколько государственныхъ кредитныхъ билетовъ.

Въ другомъ пунктѣ между мѣстами, гдѣ лежали оба трупа, на разстояніи 100 саженой отъ Будзинскаго и 25 отъ ящика, а въ 10 саженьяхъ отъ дороги, отыскана сумка денежной корреспонденціи № 356 и возлѣ нея разметанныя бумаги. Наконецъ значительно позади того мѣста, гдѣ лежалъ ящикъ, въ 150 саженьяхъ отъ него по направленію къ Годиловичамъ и въ 80 саженьяхъ отъ дороги, въ лѣсу, усмотрѣна куча бумагъ, денежной и страховой корреспонденціи, отрѣзанный клапанъ отъ денежной суммы № 1511, одинъ кредитный билетъ, три серебряныя монеты и двѣ тряпки ветхаго и грязнаго по-

лотна, похожія на бинты, изъ коихъ одна немного окровавлена. Всего денегъ какъ въ этой кучѣ, такъ и близъ фургона, оказалось 35 р. 77 к. с.

Изъ соображенія всѣхъ сихъ подробностей, обнаруженныхъ осмотромъ, слѣдователь вывелъ такое заключеніе: «судя по обстоятельствамъ настоящаго происшествія, не ошибочно заключить можно, что варварское злодѣяніе учинено шайкою, которая могла собраться изъ человѣкъ пяти и болѣе, подъ предводительствомъ опытнаго лица, хорошо знавшаго задѣлку и вскрытіе чемодановъ и сумокъ почтовой корреспонденціи». Что разбойнику или разбойникамъ были хорошо извѣстны приемы почты при укладкѣ и задѣлкѣ корреспонденціи, это очевидно: они добыли корреспонденцію безъ поврежденія самыхъ чемодановъ и сумокъ и выбрали проворно одни только конверты съ деньгами, не трогая простой безденежной корреспонденціи. Гораздо сомнительнѣе другое предположеніе слѣдователя, что преступленіе совершено шайкою изъ пяти или и болѣе злодѣевъ. Почему онъ предполагалъ, что ихъ было по крайней мѣрѣ пятеро, а не двое, трое, четверо? Это вопросъ, на который актъ осмотра не даетъ никакого отвѣта. Было одно обстоятельство, которое могло бы можетъ быть послужить къ уясненію этого вопроса, если бы слѣдователь прибылъ первый на мѣсто совершенія преступленія, а именно: слѣды ногъ человѣческихъ на размокшей землѣ и на потоптанной травѣ въ лѣсу. Но замѣтимъ, что слѣдователь прибылъ сутки спустя послѣ отысканія труповъ и фургона, что прежде него тутъ уже были и станціонный смотритель Гензель съ ямщиками, выпрягшими лошадей и отведшими ихъ въ Годиловичи, и приставленные земскою полиціею караульные, которыхъ слѣды, вѣроятно, до того смѣшались со слѣдами преступниковъ, что розыски въ этомъ направленіи едва ли могли привести къ какому нибудь результату.

Кончивъ свой осмотръ, слѣдователь Матиасевичъ не позаботился подвергнуть тѣла убитыхъ медицинскому освидѣтельствованію, для болѣе точнаго уясненія причинъ ихъ

смерти. Съ согласія участвовавшихъ официально въ произведеніи обыска лицъ: могилевскаго губернскаго почтмейстера Ѳедорова, рогачевскаго почтмейстера Логовскаго и засѣдателя рогачевскаго земскаго суда Сяноженцака, онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) мертвыя тѣла Будзинскаго и Минина перевезти въ Годиловичи и тамъ предать землѣ по христіанскому обряду, не требуя врача для медицинскаго освидѣтельства ихъ, такъ какъ боевые знаки и раны обнаруживаютъ насильственную ихъ смерть; 2) одежду и бѣлье почталіона Будзинскаго и ямщика Минина, пзрѣзанныя и порванные въ куски при снятіи съ ихъ тѣлъ, равно шубу Будзинскаго, закорѣвшую отъ мокроты и крови, по совершенной негодности къ употребленію зарыть въ землю; шляпу же ямщика передать смотрителю Гензелю; 3) корреспонденцію, наличныя деньги 35 р. 77 к., чемоданы и сумки, пистолеть и пуговицы отъ сюртука почталіона Будзинскаго передать въ почтовое вѣдомство, а найденныя въ карманѣ у Будзинскаго 60 коп. употребить на погребеніе его тѣла.

Поиски мѣстной полиціи къ открытію виновниковъ разбоя остались тщетными. Изъ дѣла видно, что еще до пріѣзда Матіасевича, рогачевскій земскій судъ производилъ безъ всякаго успѣха посредствомъ вытребованныхъ изъ сосѣднихъ имѣній крестьянъ облаву въ лѣсахъ въ округности мѣста совершенія преступленія въ томъ предположеніи, что злодѣи, можетъ быть, еще укрываются въ этихъ лѣсахъ, далъ знать о случившемся приставамъ по станамъ и сообщилъ во всѣ сосѣднія городскія и земскія полиціи объ устройствѣ по дорогамъ и на переправахъ строгихъ карауловъ для задержанія и обыска подозрительныхъ людей.

Изъ сообщенныхъ почтовымъ вѣдомствомъ свѣдѣній оказывается, что Будзинскій былъ человекъ трезвый, расторопный и готовый на услуги, что онъ опредѣленъ почталіономъ въ 1853 г., что 13 іюля онъ былъ отправленъ въ Ригу и, по прибытіи туда, явившись въ контору, отправленъ былъ обратно съ почтою въ Могилевъ, куда прибылъ 27 числа въ 5 часовъ утра. На другой день, не смотря на изнуреніе и усталость отъ продолжительныхъ разъѣздовъ,

онъ былъ отправленъ съ легкою почтою въ Симферополь. Мать Будзинскаго отозвалась, что синебагровые знаки на тѣлѣ ея сына могли происходить отъ многихъ вередовъ, которыми онъ страдалъ. По преждевременному до медицинскаго освидѣтельствованія погребенію Будзинскаго нѣтъ возможности опредѣлить, произошли ли синебагровыя пятна на трупѣ отъ трупнаго подтека, или же они были слѣдствіемъ другихъ причинъ.

Относительно вооруженія Будзинскаго оказалось, что передъ отправленіемъ его изъ Могилева оно было осмотрѣно по предписанному закономъ порядку губернскимъ почтмейстеромъ Ѳедоровымъ. На Будзинскомъ была при этомъ осмотрѣ казенная сабля и его собственный пистолетъ, (казенными пистолетами были снабжены въ это время почтовымъ департаментомъ не всѣ почталіоны могилевской конторы). Обыкновенно пистолеты заряжаются почталіонамъ унтеръ-офицеромъ ихъ команды, у котораго и хранятся для этого порохъ и пули. Ѳедоровъ спросилъ у Будзинскаго, заряженъ ли пистолетъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ его опробовать шомполомъ, при чемъ оказалось присутствіе заряда, но холостой ли онъ былъ или нѣтъ, въ томъ почтмейстеръ не счелъ нужнымъ удостовѣриться, замокъ пистолета былъ вооруженъ пистономъ, на который спущенъ былъ курокъ съ придерживаніемъ, словомъ вооруженіе найдено было въ исправности. Куда дѣвалась сабля, которую имѣлъ при себѣ Будзинскій, уѣзжая изъ Могилева, по которой при немъ не оказалось, неизвѣстно. По показанію смотрителя годиловичской станціи Гензеля, Будзинскій былъ вооруженъ этою саблею при отъѣздѣ изъ Годиловичъ въ Рысково.

По удостовѣренію почтоваго вѣдомства, ограбившими почту разбойниками похищены слѣдующіе предметы: наличныхъ денегъ 92,647 р. 63 $\frac{1}{4}$ к., не включая сюда найденныхъ въ лѣсу 35 р. 77 к., билетовъ различныхъ кредитныхъ установленій на сумму 19,481 р. 10 к., два крестика, два ордена, одна золотая медаль. Въ числѣ похищенныхъ денегъ были и два фальшивые кредитные билета 50 рублеваго достоинства. Извѣстно, что къ подобнымъ билетамъ, когда ихъ подложность дознана, прикладывается въ полицейскихъ присутственныхъ мѣстахъ осо-

бое красное клеймо, содержащее надпись: «Фальшивый», и что, по окончании объ них дѣль, они истребляются.

Пока по могилевской губерніи производились безплодные розысканія о годилевичскомъ разбоѣ, въ Кіевѣ совершенно случайно обнаружилось то, чего искали слѣдственные власти. — 22 августа того же 1854 года въ 10 часовъ утра неизвѣстный человекъ зашелъ въ лавку купца Игнатьева на Подольѣ и предложилъ находившемуся въ этой лавкѣ мальчику Матвѣеву кредитный 50 рублевый билетъ, на которомъ отпечатана была крупными буквами краснаго цвѣта надпись «Фальшивый». — Мальчикъ усомнился взять билетъ, выбѣжалъ изъ лавки и, наткнувшись на квартальнаго надзирателя Лисовецкаго, обратился къ нему съ вопросомъ о билетѣ, при чемъ указалъ на человека, который его принесъ. Лисовецкій, взявъ тотчасъ билетъ, немедленно заарестовалъ его предъявителя, который сказался первоначально дворяниномъ Кучевскимъ, потомъ Колачевскимъ, наконецъ объявилъ и настоящую свою фамилію Кочанъ. На немъ, въ его имуществѣ и въ указанныхъ имъ потомъ мѣстахъ найдены значительныя суммы денегъ. На вопросъ о томъ, какимъ образомъ онѣ имъ приобрѣтены, Кочанъ, объяснилъ что онѣ ихъ добылъ посредствомъ ограбленія почты на могилевскомъ шоссе близъ Годилевичъ. — Его показанія чрезвычайно живо представляютъ и самый фактъ разбоя со всею его обстановкою и предшествовавшей ему психическій процессъ созрѣванія преступной мысли и послѣдовавшія обстоятельства затѣмъ его бѣгства и поимки. Постараемся, по собственному разсказу Кочана, представить его жизнь и ту драму, въ которой онъ былъ, какъ оказалось, единственнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Иванъ, сынъ Франца, внукъ Андрея, Кочанъ родился въ 1816 году, слѣдовательно имѣлъ въ 1854 г. 38 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода виленской губерніи. Такъ какъ отецъ его Францъ съ цѣлымъ своимъ домомъ переселился въ бобруйскій уѣздъ въ 1834 году, гдѣ и арендовалъ съ тѣхъ поръ землю графа Витгенштейна, то Кочаны и записаны были во 2-й разрядъ дворянъ бобруйскаго уѣзда. — Кажется, что

семья Кочановъ была очень бѣдна и что Францъ не могъ дать дѣтямъ хорошаго воспитанія. Одинъ сынъ его Феликсъ поступилъ на службу въ бобруйское уѣздное казначейство, другой Иванъ воспитывался дома и оставался тамъ до 32 лѣтняго возраста. Неизвѣстно, какія обстоятельства заставили его покинуть отеческій домъ на 32 году отъ рожденія и начать жизнь скитальческую, тревожную. Онъ отправился въ 1848 г. въ С.-Петербургъ; пробывъ тамъ четыре мѣсяца, возвратился опять въ бобруйскій уѣздъ и поступилъ писцомъ на участокъ бобруйскаго шоссе въ Глусскую Селабу къ какому-то Ивану Горациенкѣ. Очень скоро, чрезъ недѣлю онъ отсталъ отъ Горациенки, возвратился домой, а въ 1850 г., взявъ паспортъ, поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ опредѣлился въ услуженіе къ чиновнику Фурсевичу, служившему при комисіи для разбора древнихъ актовъ, гдѣ и познакомился съ мѣщаниномъ Максимомъ Мельниковскимъ, занимавшимся переплетаніемъ книгъ для комисіи. Отставъ отъ Фурсевича весной 1851 г., Кочанъ связался съ музыкантами чехами и отправился съ ними странствовать по разнымъ мѣстамъ губерній волынской, кіевской, полтавской, харьковской. Осенью 1851 г. онъ опять вернулся домой, опять взявъ новый паспортъ и отправился въ Могилевъ на Днѣпрѣ, гдѣ и поступилъ писцомъ въ акцизную контору откупщика Шебеко. Послѣ семимѣсячныхъ занятій въ конторѣ, Кочанъ бросилъ ее; отказавшись самъ отъ должности, поѣхалъ въ Вильно, гдѣ выхлопоталъ изъ дворянскаго депутатскаго собранія указъ объ утвержденіи рода своего въ дворянствѣ, вернулся въ Могилевъ, а оттуда въ Кіевъ, гдѣ и остановился у переплетчика Мельникова. Онъ хотѣлъ поступить наборщикомъ въ типографію Вальнера, но оказался неспособнымъ къ этого рода занятіямъ; получилъ мѣсто у живописца австрійскаго подданнаго Віале, у коего хотѣлъ учиться живописи.—Съ Віале онъ поѣхалъ въ Витебскъ, откуда въ 1853 г. опять вернулся въ Кіевъ, опять отправился странствовать неизвѣстно съ какою цѣлью, былъ въ Житомирѣ, Каменецъ-Подольскѣ и Хотинѣ, потомъ перезимовалъ на квартирѣ у Мельникова, а въ началѣ 1854 г. на масляной недѣлѣ, оставивъ

свой кожаный чемоданъ и двустольное ружье въ чахлѣ у знакомаго солдата, занимавшагося столярными работами Еремѣва, сдѣлалъ большой кругъ, посѣтилъ Кіевъ, Александрію (херсонской губ.) и Кременчугъ, послѣ чего направился опять на Кіевъ, въ Могилевъ, съ тѣмъ, чтобы опять, если можно, опредѣлиться въ акцизную контору. Надежда эта не сбылась. Убѣдившись въ невозможности получить мѣсто въ акцизѣ, Кочанъ пошелъ пѣшкомъ на Довскъ и Гомель въ Кіевъ, куда и прибылъ въ половинѣ іюля, имѣя всего только 20 копѣекъ въ кармапѣ. Это были послѣднія деньги небольшой суммы, накопленной имъ во время служенія въ акцизной конторѣ, которою онъ содержалъ себя во время своихъ странствованій.—Первыя двѣ ночи провелъ онъ у Мельниковскаго, потомъ двѣ другія подъ открытомъ небомъ у складовъ сѣна на берегу Днѣпра, потому что, издержавъ всѣ деньги, не имѣлъ чѣмъ заплатить за квартиру. Нищета, отсутствіе всякихъ средствъ къ пропитанію привели его въ отчаяніе; тогда и созрѣла въ немъ преступная рѣшимость разбить или ограбить почту, или когонибудь изъ проѣзжающихъ, въ особенности изъ купцовъ, торгующихъ гуртами быковъ.

Мысль о разбоѣ таплась вѣроятно очень давно въ душѣ Кочана, хотя при слѣдствіи онъ не хотѣлъ въ томъ признаться. Она зародилась въ немъ, можетъ быть, еще въ то время, когда онъ служилъ въ Могилевѣ у откупщика Шебеко. По крайней мѣрѣ изъ его показаній видно, что, отдавая часто письма и пакеты на почту, онъ наблюдалъ внимательно, какъ при укладываніи въ чемоданы и при разборѣ почтовой корреспонденціи, малыя сумки влагались въ большіе чемоданы.—Въ іюнѣ 1854 г., идя въ Могилевъ и возвращаясь оттуда въ іюль, онъ подмѣчалъ, въ какіе дни и часы проходитъ почта и потому разсчиталъ, что въ ночь съ 28 на 29 іюля должна она проходить изъ Годиловичъ въ Рысково, что можно объяснить только тѣмъ, что его занимала и преслѣдовала постоянно мысль о возможности ограбить почту.—Разставаясь съ Кіевомъ, онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ предполагаемому преступленію; продалъ за 5 рублей нѣкоторыя изъ своихъ

вещей: старую суконную шинель, кусокъ люстрина, купленнаго на сюртукъ, и панталоны, шерстяной жилетъ, новые сапоги; взялъ отъ Еремѣева двуствольное ружье съ изломаннымъ, но съмыленнымъ потомъ прикладомъ и кубурный пистолетъ, заряженные дробью и картечью, бритву, карманный ножъ, платье, нѣсколько бѣлья, наконецъ свой старый просроченный паспортъ за подписью минскаго губернатора 1852 г. апрѣля 30 №. 184, въ которомъ прежде того онъ подчистилъ послѣднюю цифру въ числѣ года и переправилъ ее изъ 2 на 3, такъ что посредствомъ этой поддѣлки паспортъ казался выданнымъ годомъ позже, не въ 1852, а въ 1853 году. Сверхъ того Кочанъ запасся другимъ фальшивымъ паспортомъ, имъ же составленнымъ на вымышленное имя дворянина Антона Иванова Кучевского.—Остальныя вещи Кочанъ уложилъ въ чемоданъ и отдалъ на сохраненіе Еремѣеву, которому сказалъ, что отправляется въ Бобруйскъ къ брату, служащему въ уѣздномъ казначействѣ. Около 15 іюля направился онъ изъ Кіева хорошо ему извѣстнымъ, много разъ извѣданнымъ путемъ, на Черниговъ, Гомель, Черескъ, Рогачевъ, нигдѣ не останавливаясь и не почуя въ городахъ и селеніяхъ, и закупая для себя мимоходомъ продовольствіе на базарахъ. Дошедши до Рогачева 25 іюля, Кочанъ купилъ на базарѣ хлѣба, яблоковъ, огурцовъ, переночевалъ въ корчмѣ, по дорогѣ изъ Рогачева въ Жлобинъ, 26 числа вертѣлся вокругъ Рогачева и опять покупалъ на базарѣ хлѣбъ и огурцы; ночевалъ въ окрестностяхъ Рогачева въ старомъ сараѣ въ полѣ, 27 число употребилъ на путешествіе по направленію къ Годпловичамъ, и ночевалъ при тонѣ у огонька, оставленнаго рабочими,—28, мпшовавъ Рысково, гдѣ почтовая подстава, засѣлъ между Рысковымъ и Ясеновскою корчмою, употребляя старанія, чтобы остаться незамѣченнымъ. Такъ провелъ весь день и всю ночь съ 28 на 29, поджидая кого нибудь, кого могъ бы ограбить. Ночь прошла въ напрасномъ ожиданіи; послѣ разсвѣта, Кочанъ вышелъ изъ лѣсу на дорогу и шелъ по ней, направляясь въ Ясеновскую, корчму, гдѣ имѣлъ намѣреніе позавтракать, какъ вдругъ слыхъ его былъ пораженъ тихимъ звукомъ

почтового медленно звѣнящаго колокольчика. Шелъ сильный дождь, лошади двигались лѣнливо, шагомъ, почтарь спалъ, укрывшись буркою, ямщикъ дремалъ шатаясь. Кочанъ перебрѣнулъ пистоны въ замкахъ ружья, пропустилъ повозку, пошелъ за нею; пройдя шаговъ сто, онъ осмотрѣлся по дорогѣ; никого не замѣтивъ, прицѣлился въ затылокъ ямщика и выстрѣлилъ на разстояніи не болѣе сажени. Шумъ падающаго дождя и шелестъ листьевъ значительно уменьшили гулъ выстрѣла, а почталіонъ спалъ столь крѣпко, что даже не проснулся.—Ямщикъ палъ навзничъ въ повозку, не касаясь почталіона, и при этомъ паденіи притянулъ къ себѣ возжи, коими были опутаны его руки, отчего лошади и остановились. Воспользовавшись этою остановкою, Кочанъ зашелъ съ другой стороны повозки и на разстояніи не болѣе четверти аршина, слѣдовательно почти въ упоръ, выстрѣлилъ изъ другаго ствола въ голову почталіона. Отъ втораго выстрѣла лошади рванулись бѣжать впередъ, а убитый ямщикъ отъ этого сотрясенія повозки свалился съ нея на дорогу. Пробѣжавъ четверть версты, лошади опять остановились, потому что лѣвая пристяжная, оторвавшись отъ постромки, забѣжала впередъ; вслѣдъ за ними гнался Кочанъ, бросивши на мѣстѣ совершенія убійства на землѣ чекмень, сумку со своими вещами и ружье. Добѣжавъ до повозки, онъ отвязалъ колокольчикъ и бросилъ его за дорогу, а лошадей своротилъ въ чащу лѣса шаговъ на 20;—потомъ вернулся за чекменемъ, сумкою и ружьемъ, оттащилъ трупъ ямщика въ лѣсъ шаговъ на 10 и побѣжалъ опять къ оставленной въ лѣсу почтѣ, которую и началъ потрошить весьма систематически. Сначала онъ схватилъ съ повозки двѣ небольшія сумки съ цѣпиями, обрѣзалъ на нихъ карманнымъ ножомъ печати, вскрылъ ихъ; выбралъ изъ нихъ конверты, а изъ конвертовъ деньги.—Потомъ стащилъ съ повозки убитаго почталіона, сбросилъ на землю одинъ большой чемоданъ и нѣсколько сумокъ, въ которыхъ нашелъ много денегъ.—Онъ пытался скинуть и другой чемоданъ, но тотъ былъ слишкомъ тяжелъ; Кочанъ только вскрылъ его, но найдя въ немъ одну простую корреспонденцію, оставилъ

ее петронуютою.—Изъ вскрытыхъ и опорожненныхъ сумокъ онъ избралъ одну, оторвалъ отъ нея клапанъ и уложилъ въ нее всѣ заграбленные деньги, послѣ чего углубился въ ясеневскій лѣсъ по направлению къ Годиловичамъ, гдѣ и пробылъ до заката солнца. Относительно знаковъ на тѣлахъ почталіона и ямщика, Кочанъ отозвался, что онъ имъ никакихъ побоевъ не наносилъ, что ямщикъ могъ избиться, падая съ повозки, а тѣло почталіона могло быть повреждено колесами повозки и копытами лошадей, которые стояли въ лѣсу возлѣ убитого цѣлыя сутки. Относительно вооруженія почталіона Кочанъ показалъ, что не замѣтилъ на немъ ни пистолета, ни сабли и полагаетъ, что у него сабли не было, потому что если бы онъ увидалъ саблю, то непременно взялъ бы ее себѣ.

Разсказъ Кочана вполне подтвержденъ данными, обнаруженными при сличеніи его сапоговъ съ мѣркою слѣда ноги, оставленнаго разбойникомъ на мѣстѣ преступленія и при вторичномъ освидѣтельствованіи труповъ убитыхъ имъ людей. Сапоги, въ коихъ Кочанъ пойманъ въ Кіевѣ, по его словамъ, тѣже, которые онъ имѣлъ на ногахъ въ день убійства, длина ихъ совершенно совпала съ мѣркою слѣда и только объемъ ступней оказался нѣсколько уже, чѣмъ на слѣду. 16 сентября вырыты оба трупа ямщика и почталіона, оба они найдены въ состояніи совершенной гнилости, у Будзинскаго черепъ оказался раздробленнымъ на нѣсколько частей, а изъ мозговой жидкости вынута 11 дробинокъ. Послѣ приведенія кусковъ черепа по возможности въ естественное положеніе, для опредѣленія, въ какую часть головы послѣдовалъ выстрѣлъ, обнаружилась дыра величиною въ полтинникъ, неправильной фигуры съ темно-спиватыми краями въ средней верхней части лѣвой теменной кости близъ соединенія ея съ правую, происшедшая отъ выстрѣла на весьма близкомъ разстояніи. Кости рукъ и ногъ найдены цѣлыми, но только плечевыя кости оказались вышедшими изъ своихъ составовъ. У ямщика Минина черепъ былъ нераздробленъ, но на нижней части затылочной кости, съ правой стороны найдены два небольшія круглыя отверстія каждое въ 4 линіи; а по вскрытіи

черепя, изъ него вынуты 3 прошедшія черезъ эти отверстія картечныя (летки); изъ нихъ одна большая прошла сквозь самый мозгъ и была въ лѣвой лобной пазухѣ, а двѣ другія меньшія остановились въ основаніи мозга. Изъ задней части шеи ямщика, изъ совершенно сгнившихъ мягкихъ ея частей извлечены три дробины, разбившія два верхніе шейные позвонка.

Мы оставили Кочана въ ясновскомъ лѣсу. Любопытны свѣдѣнія о дальнѣйшихъ его походахъ. Возвратимся къ прерванному разсказу и постараемся возстановить исторію првключеній Кочана по словамъ, какъ его самого, такъ и жителей тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя онъ проходилъ съ добычею, и на которыхъ онъ указалъ, слѣдуя въ послѣдній уже разъ подъ конвоемъ изъ Кіева въ Могилевъ, гдѣ ожидалъ его судъ за совершенныя имъ злодѣянія.

Вечеромъ 29 іюля, послѣ заката солнца, Кочанъ выбрался на шоссе выше Годиловичъ и, перешедши на другую его сторону, пошелъ вверхъ по Днѣпру; ночевалъ подъ стогомъ сѣна, въ которомъ и спряталъ сумку съ деньгами, пистолетъ и ружье, коего прикладъ отъ сырости разклевся. 30 іюля Кочанъ, миновавъ мѣстечко Сверхень, остановился въ селѣ Шабчицахъ, не доходя на 10 верстъ до Новаго Быхова, позавтракалъ блинами, купленными имъ въ корчмѣ у еврейки, и узнавъ, что у крестьянина Алексѣя Артемьева есть лодка, купилъ ее за 1½ рубля серебромъ, говоря, что ему пужно догнать поплывшія внизъ по Днѣпру берлины. Пустившись внизъ по Днѣпру въ лодкѣ, Кочанъ причалилъ къ правому берегу Днѣпра у кистепевской корчмы, куда зашелъ пообѣдать; туда же зашелъ и крестьянинъ помѣщика Волка-Ланевского, Филипповъ, который принесъ новость, что почта годиловичская разграблена, а почталіонъ и ямщикъ убиты. Нисколько не встревожившись этимъ разсказомъ, Кочанъ кончилъ преспокійно обѣдъ, сѣлъ въ лодку, поплылъ дальше внизъ по теченію и расположился отдыхать у того стога, въ которомъ были спрятаны его деньги и вещи. Забравъ ихъ, онъ миновалъ 31 іюля Рогачевъ и въ 6 верстахъ за Рогачевомъ, гдѣ переусушивалъ бумажныя деньги, бросилъ

на берегу у самой воды банковые билеты и прочія бумаги, втоптавъ ихъ въ смоченный водою песокъ;—ночь на 1 августа провелъ въ мѣстечкѣ Жлобинѣ у евреевъ, гдѣ на другой день купилъ съѣстныхъ припасовъ, штофъ, бутылку и на двѣ копейки смолы. 2 августа онъ причалилъ къ деревнѣ Шихово, оставилъ на берегу лодку, спряталъ въ кустахъ деньги, оружіе, вещи и паспорта, самъ же зашелъ въ корчму. Тамъ съ нимъ случилось слѣдующее:

Въ корчмѣ сидѣлъ отставной солдатъ Андрей Сидоровъ, старый пьяница, знающій немного грамотъ, который, завидѣвъ неизвѣстнаго человѣка, рѣшился выманить у него денегъ и похмѣлиться на его счетъ. Взявъ на себя видъ полицейскаго служителя, Сидоровъ потребовалъ паспорта отъ Кочана. Кочанъ отозвался, что паспортъ его оставленъ имъ въ лодкѣ. Сидоровъ послалъ за паспортомъ крестьянъ Максимова и Иванова. Пока крестьяне возвратились, Кочанъ угощалъ Сидорова водкою, купленною имъ за 40 коп. По возвращеніи крестьянъ, не нашедшихъ ни лодки, ни паспорта, Сидоровъ сказалъ Кочану: «оставь чекмень, иди за паспортомъ»—Кочанъ отправился въ кусты, взявъ свой фальшивый паспортъ на имя Кучевского и нѣсколько денегъ, вернулся поставилъ новую бутылку водки и требовалъ отъ Сидорова возврата чекменя. Уже подгулявшій Сидоровъ придрался къ паспорту, говоря что онъ не чистый, задержалъ этотъ паспортъ, отобралъ еще у Кочана бритву, легъ спать, а, проснувшись, завелъ его по дружбѣ къ своей родственницѣ крестьянкѣ Купрѣевой почевать, самъ же ушелъ и на другой день очутился въ 5 верстахъ оттуда въ мѣстечкѣ Стрешинѣ. Кочанъ нагналъ его тамъ, требовалъ возврата вещей и узналъ, что вещи эти заложены солдатомъ Сидоровымъ шиховскому корчмарю за выпитую водку. Получивъ записку отъ Сидорова о выдачѣ этихъ вещей, Кочанъ возвратился въ Шихово, выкупилъ чекмень и бритву за 2 рубля, но не досталъ уже паспорта, котораго не оказалось у корчмаря и который пропалъ безвѣстно. Выбравъ изъ кустарниковъ деньги, Кочанъ поплылъ въ Рѣчицу, остановившись въ Хотичахъ и Лоевѣ, гдѣ купилъ у еврейки два сте-

кляные графина; за Лоевомъ опять пересушивалъ въ кустахъ свои деньги и вкладывалъ ихъ постепенно, свертывая въ трубочки, въ приобретенную имъ въ Жлобинѣ и Лоевѣ стеклянную посуду. Набивъ деньгами бутылку, два графина и штофъ, закупоривъ ихъ и засмоливъ, Кочанъ закопалъ ихъ въ землю въ 5 верстахъ отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра, съ остальными же деньгами прибылъ благополучно въ Кіевъ 15 августа, пздержавъ всего на свои надобности отъ мѣста преступленія до Кіева не болѣе 10 рублей серебромъ. Почтовую сумку онъ бросилъ въ Днѣпръ, а лодку оставилъ у сторожа отъ питейнаго откупа Крушинощенки, которому далъ 6 копѣекъ за присмотръ и котораго просилъ продать лодку при удобномъ случаѣ. Крушинощенко продалъ ее въ самомъ дѣлѣ какому то богомольцу за 1 рубль, съ котораго 75 кон. Кочанъ взял себѣ, а 25 подарилъ ему. По прибытіи въ Кіевъ, Кочанъ забралъ свой чемоданъ съ вещами у солдата Еремѣева и поселился у давно ему знакомаго переплетчика Мельниковскаго, отъ котораго столь тщательно скрывалъ свое богатство, что когда Мельниковскій требовалъ отъ него сколько нибудь денегъ за квартиру, то Кочанъ, притворившись немущимъ, продалъ свой сюртукъ и вручилъ ему вырученные эту продажею 30 копѣекъ.

Перейдемъ къ обстоятельствамъ поимки Кочана. Онъ опасался, не отмѣчены ли на почтѣ номера похищенныхъ билетовъ, боялся пускать ихъ, намѣревался промѣнять ихъ постепенно крупные на малые, малые на крупные въ большихъ городахъ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, Вильнѣ и Минскѣ, чтобы потомъ внести обмѣнные деньги въ банкъ для приращенія ихъ процентами. Онъ зналъ, что въ числѣ билетовъ есть два фальшивые съ красными штемпелями. Онъ ихъ однако сохранилъ, намѣреваясь подчистить, вытравивъ, если можно, штемпеля и пустить потомъ въ ходъ. 22 августа отправляясь размѣнять нѣсколько ассигнацій, онъ взялъ ихъ горсть изъ чемодана; при чемъ между взятыми попалась случайно и штемпелеванная фальшивая; Кочанъ столь же неумышленно предъявилъ именно эту фальшивую кредитную бумажку для раз-

мѣна. Извѣстно, что эта бумажка и была причиною его заарестованія. Кочанъ назвалъ себя сначала дворяниномъ Ивановъ Кучевскимъ; подъ этимъ именемъ онъ странствовалъ въ 1854 г. на югъ. отъ Кіева, былъ въ Кременчугѣ и другихъ мѣстахъ по фальшивому паспорту, потерянному имъ, какъ выше было сказано, въ Шиховѣ. Задержавшій его частный приставъ Пялякевичъ, обыскавъ его, нашель у него въ рукѣ и карманахъ около 900 рублей, которыхъ принадлежность себѣ арестантъ не могъ ни доказать, ни объяснить. Надобно было доискаться ихъ источника. Послѣ долгихъ и тщетныхъ распросовъ, Пялякевичъ на другой день сталъ сулить арестанту свободу, если онъ выкупится за порядочную сумму. Арестантъ и поддакъ на эту приманку; онъ открылъ пристава тайну, что у него есть большія деньги, зарытыя по другой сторонѣ Дѣпра, изъ которыхъ онъ готовъ пожертвовать 5,000 р. за свое освобожденіе. Пялякевичъ на все согласился, но тотчасъ же донесъ о происшествіи генералъ-губернатору князю Васильчикову, который, одобривъ его образъ дѣйствій, отрядилъ ему въ помощь другаго частнаго пристава Витвицкаго, извѣстнаго своею необыкновенною проникательностью, тактомъ и ловкостью по производству слѣдствій. Витвицкій нарядился въ партикулярное платье, прикинулся родственникомъ Пялякевича, искуснымъ обращеніемъ, вкрадчивою рѣчью успѣлъ разсѣять всѣ сомнѣнія арестанта на счетъ исполненія даннаго ему обѣщанія. Обоихъ приставовъ и Кочана ждалъ баркасъ съ 8 гребцами вѣдомства путей сообщенія; гребцы должны были служить и свидѣтелями выемки денегъ изъ земли, потому что брать понятыхъ не было никакой возможности,—ихъ присутствіе тотчасъ же пробудило бы усыпленную недовѣрчивость арестанта. Послѣ долгихъ поисковъ, найдены были въ землѣ 4 стеклянные сосуда, набитые деньгами, изъ коихъ одинъ разбитъ былъ случайно на обратномъ пути выпустившимъ его изъ рукъ Пялякевичемъ, собравшимъ тотчасъ деньги и завязавшимъ ихъ въ свой платокъ.

Пялякевичъ съ Витвицкимъ убѣдили арестанта въ томъ, что они должны подѣлиться деньгами съ старшимъ кіевскимъ

полицеймейстеромъ Сычуговымъ, къ которому должны доставить и его, и сосуды съ бумажками. У Сычугова деньги были со- считаны и оказалось ихъ 21,124 рубля. Сычуговъ обошелся ласково съ арестантомъ, который уже назвался въ тотъ день не Кучевскимъ, а дворяниномъ Антономъ Колачевскимъ, пригласилъ его съ приставами обѣдать, угощалъ его чаемъ, обѣщалъ ему совершенную свободу, если онъ отдастъ ему Сычугову всѣ найденныя за Дѣлпромъ деньги, а Плянкевича и Витвицкаго вознаградитъ особо изъ суммъ, вѣроятно спря- танныхъ имъ въ другихъ мѣстахъ; Сычуговъ успокаивалъ при семъ Кочана на счетъ мнѣванія всякой для него опасности, и требовалъ только чистосердечнаго признанія въ винѣ.—Эти средства заставили арестанта сдѣлать новый шагъ впередъ въ раскрытіи истины. Все еще именуя себя Колачевскимъ, онъ признался въ разбитіи почты 29 іюля между Годиловичами и Меркуловичами, но сочинилъ цѣлый романъ для объясненія этого происшествія.—По его словамъ, разбой совершенъ былъ шайкою, въ которой участвовали кромѣ него еще три человѣ- ка: бѣглый солдатъ по имени Данилко, по фамиліи невзвѣстный, съ которымъ онъ, Колачевскій, сошелся еще въ Кременчугѣ и съ коимъ онъ и условился кого нибудь ограбить, да два му- жика, одинъ орловской, другой рязанской губерніи, приставшіе къ нимъ въ сообщники. Арестантъ заперся въ нанесеніи смер- тельныхъ ударовъ почталіону и ямщику, слагая всю вину въ убійствѣ на своихъ товарищей, которые будтобы совершили это убійство палками, копья были вооружены; онъ утверждалъ, что, подѣлившись добычею въ лѣсу 29 числа, шайка разсыпа- лась и всякій ушелъ въ свою сторону, не говоря, какъ онъ на- зывается и куда идетъ.

Между тѣмъ генераль-губернаторъ приказалъ заковать въ кандалы арестанта и сдать его кievскому коменданту для содер- жанія въ крѣпости. Тогда испуганный Кочанъ сдѣлалъ послѣднюю попытку къ освобожденію, все еще льстя себя несбыточною на- деждою, что ему удастся бѣжать. Онъ показалъ, что имѣетъ еще до 4000 рублей, спрятанныхъ въ стогу сѣна за Дѣлпромъ, которые онъ тогда только укажетъ, когда съ нимъ отправятся на другой

берегъ только одни частные пристава безъ свидѣтелей. Двудневные поиски Пилипкевича и Кочана за Днѣпромъ не увѣщались отысканіемъ денегъ, но имѣли важные результаты. Вечеромъ 26 августа пытавшійся бѣжать, но тотчасъ же пойманный въ лѣсу, арестантъ при обратномъ слѣдованіи въ Кіевъ указалъ на свою квартиру въ старо-кіевской части у переплетчика Мельниковскаго, гдѣ хранился его чемоданъ съ деньгами, которыми бы онъ охотно пожертвовалъ, если бы только его отпустили. При произведенномъ тотчасъ же въ 10 часу вечера обыскѣ у Мельниковскаго, оказалось, что имя арестанта не Колачевскій, а Кочакъ,—а 29 августа съ него былъ снятъ подробный допросъ, въ которомъ онъ показалъ, что разбой совершилъ онъ одинъ безъ участія стороннихъ людей и что это онъ сдѣлалъ отъ наскучившаго ему странствованія «повсюду, а тѣмъ паче отъ недостатка денегъ; что ниаго средства избрать не придумалъ, почему и рѣшился на сіе разбитіе почты и ящика».—Въ послѣдствіи онъ утверждалъ (въ допросахъ 31 августа и 29 сентября), что совершенно сдался на волю Божию за свое гнусное дѣло и готовъ быть наказаннымъ безъ промедленія времени; что онъ и не помышлялъ бѣжать изъ рукъ Пилипкевича и Витвицкаго, потому что началъ въ преступленіи своемъ раскаяваться сердечно и желалъ принять по закону должное взысканіе, а содѣянное преступленіе мучило его.

Въ чемоданѣ у Кочана оказался цѣлый арсеналъ подозрительныхъ вещей. Сверхъ денегъ 65,305 р. 47 к., въ числѣ коихъ былъ и другой фальшивый 50 рублевый билетъ, сверхъ другихъ вещей похищенныхъ съ почты какъ то: двухъ орденовъ, одной золотой медали, двухъ крестиковъ на ленточкахъ, ремней и пряжекъ отъ почтовой сумы, у Кочана найдены слѣдующіе предметы: ружье двуствольное съ росколотымъ ложемъ, два пистолета, бутылка съ порохомъ, мѣшокъ съ пулями, дробью, пистонами, два боевые патрона, оставшіеся у него съ тѣхъ поръ, какъ онъ охотился въ бобруйскихъ лѣсахъ съ братомъ и самъ собственною рукою убилъ двухъ медвѣдей, кислота въ баночкѣ для подчистки ошибокъ, употреблявшаяся

имъ, когда онъ служилъ въ могилевской акцизной конторѣ, бѣлье, платье, стальной напильникъ, желѣзные тиски, ножицы, отвертка винтовыхъ шрубовъ, два свинцовые слитка и четыре стальныхъ инструмента для рѣзбы печатей и буквъ, которыми, по сознанію Кочана, онъ пробовалъ на слиткахъ рѣзать печати; мѣдная печать съ вырѣзкою: «витебскаго земскаго суда», приобрѣтенная имъ отъ какого то еврея въ Шкловѣ за 75 копѣекъ, которую онъ прикладывалъ къ фальшивому паспорту, составленному имъ на имя Кучевского; 28 типографскихъ буквъ и машичка для укрѣпленія словъ, употребляемая переплетчиками (объ этихъ буквахъ Кочанъ отозвался, что онъ ихъ досталъ отъ мальчиковъ, работавшихъ у сына Мельниковскаго Романа и Павла Павленки, въ чемъ однако ни тотъ, ни другой не сознались); паспортъ на имя Кочана, выданный ему мпнскимъ губернаторомъ отъ 30 апрѣля 1852 г. №. 184, въ которомъ Кочанъ, подчистивъ цифру 2 въ числѣ года 1852, отпечаталъ посредствомъ одной изъ найденныхъ у него буквъ цифру 3, перемѣнивъ такимъ образомъ число года съ 1852 на 1853; три копія съ паспортовъ различныхъ лицъ, съ которыми онъ служилъ въ могилевской акцизной конторѣ; 13 лоскутковъ бумаги съ замѣтками на нихъ разныхъ фамилій, адресовъ и подписей; наконецъ выписки словъ для особой изобрѣтенной грамоты или азбуки, называемой *тарабарскою* (?), которую Кочанъ получилъ въ Могилевѣ, когда служилъ въ конторѣ отъ какого то неизвѣстнаго ему человѣка, по которой онъ не употреблялъ на преступныя дѣла и даже не научился понимать.

Такъ какъ отъ Кочана отобрано всего денегъ 90,325 руб. 47 коп., а количество похищеннаго съ почты простиралось до 92,647 рублей 63¼ копѣекъ, то требовалось отыскать недостающіе 2,322 рублей 16¼ копѣекъ.—Кочанъ упорно отрицалъ растрату или сокрытіе этихъ денегъ, отзываясь, что на свои надобности отъ разбитія почты до поимки издержалъ всего не болѣе 10 рублей. и обвинилъ въ расхищеніи недостающаго полицію. Въ сентябрѣ 1854 г., когда дѣло объ немъ передано было въ особую слѣдственную коммпсію, онъ по-

казаль слѣдующее: когда 23 августа, по его указанію, вынуты были изъ земли сосуды съ деньгами на лѣвомъ берегу Днѣпра, то приставъ Пялякевичъ, несшій изъ числа сихъ сосудовъ большой графинъ подъ мышкою, умышленно уронилъ его на берегу Днѣпра. Графинъ разбился, тогда Пялякевичъ сталъ собирать деньги и укладывать ихъ въ свои карманы и платокъ. По возвращеніи въ Кіевъ, Витвицкій отвезъ его, Кочана, къ полиціймейстеру Сычугову, а Пялякевичъ зашелъ съ платкомъ и деньгами въ свою квартиру и потомъ уже явился въ квартиру полиціймейстера, гдѣ положилъ вышеупомянутый узелъ на столъ. Когда потомъ Сычуговъ отлучился за чѣмъ то въ другую комнату, тогда приставъ Пялякевичъ подошелъ къ столу, и сталъ незаметнымъ образомъ вынимать изъ узла деньги и пабывать имъ карманы, Увидавъ это, полиціймейстеръ завязалъ крѣпко платокъ и перенесъ узелъ на другой столъ.

Это обвиненіе со стороны Кочана имѣло весьма непріятныя послѣдствія для тѣхъ, противъ кого оно было направлено. Между тѣмъ какъ кіевскій генералъ-губернаторъ объявилъ циркуляромъ по управленію своему совершенную благодарность Сычугову, Пялякевичу и Витвицкому за ихъ распорядительность по приведенію Кочана до сознанія и отысканію похищенныхъ имъ денегъ, и представилъ ихъ къ наградамъ, главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ съ своей стороны нашелъ, что обвиненіе Кочаномъ полиціи въ расхищеніи части забрапныхъ у него денегъ имѣеть нѣкоторый видъ справедливости, если принять во вниманіе, что кіевскою полиціею совершены еще слѣдующія упущенія: обыскъ у Мельниковскаго и выемка у него вещей Кочана произведены безъ депутата отъ почтоваго вѣдомства; чемоданъ Кочана и вмѣстимость его разсматриваемы были на квартирѣ у полиціймейстера; выемка денегъ, зарытыхъ въ землѣ за Днѣпромъ, произведена была безъ понятыхъ. Главноначальствующій настаивалъ на привлеченіи Сычугова, Пялякевича и Витвицкаго за ихъ упущенія къ отвѣтственности и о взысканіи съ нихъ всего того, чего не достанеть на пополненіе суммы ограбленныхъ съ почты денегъ. Та-

кой оборотъ дѣла заставилъ произвести розысканіе о дѣйствіяхъ кievской полиціи, которымъ обвиненіе Кочана не подтвердилось. 6 человекъ гребцовъ вѣдомства путей сообщенія, бывшихъ на баркасъ и присутствовавшихъ при вырытіи стеклянныхъ сосудовъ изъ земли за Днѣпромъ, отозвались, что изъ разбитаго графина Плянкевичъ собиралъ кредитные билеты въ платокъ, а не пряталъ ихъ въ свои карманы. Кіевскій генераль-губернаторъ въ отзывѣ своемъ по этому розысканію считалъ извѣтъ Кочана совершенно ложнымъ, незаслуживающимъ вѣроятія, введеннымъ по злобѣ на Плянкевича, первоначально его задержавшаго, и полагалъ, что если бы Плянкевичъ и Витвицкій хотѣли быть въ семъ дѣлѣ неблагонадежными, то могли бы утаить сумму гораздо большую, нежели 2,000 рублей. Сычуговъ и Витвицкій съ своей стороны въ свое оправданіе приводили ст. 96. XV т 2 ч., которая при обыскахъ предписываетъ обходиться безъ депутата, отсутствіе понятыхъ при вырытіи сосудовъ съ деньгами объясняли необходимостью усыплять, а не возбуждать въ Кочанѣ подозрительность, которая была бы неминуемо возбуждена присутствіемъ постороннихъ лицъ.

Изъ дѣла не видно, были ли Сычуговъ, Плянкевичъ и Витвицкій удостоены тѣхъ наградъ, къ коимъ они были представлены за усердіе, но по крайней мѣрѣ они избѣгли наказанія и взысканія съ нихъ денегъ на пополненіе потери, потеренной почтою. По опредѣленію общаго собранія 4, 5 и межеваго департаментовъ сената, они оставлены свободными отъ судебного преслѣдованія, а недостающія деньги отпесены на счетъ казны. Основанія этого рѣшенія были слѣдующія: общее собраніе нашло, что неотысканіе части денегъ, весьма незначительной въ сравненіи со всею суммою, не можетъ быть приписано вниѣ чиновниковъ кievской полиціи, ибо ничѣмъ не доказано, чтобы эти чиновники скрыли или чтобы по ихъ упущеніямъ осталась неотысканною недостающая часть денегъ. Голословный оговоръ преступника не заслуживаетъ никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что и по слѣдствію онъ не подтвердился. Нѣкоторыя весьма неважныя упущенія, какъ то: не

приглашеніе депутата отъ почтоваго вѣдомства при обыскѣ квартиры Кочана, произведеніе осмотра чемодана его, въ которомъ заключалась большая часть похищенныхъ денегъ не въ мѣстѣ отысканія сего чемодана, непомѣщеніе въ актѣ о семъ осмотрѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ вещей, не могли способствовать уtratѣ денегъ и оправдываются поспѣшностію, съ которою надлежало дѣйствовать, чтобы достигнуть успѣха въ обнаруженіи столь важнаго преступленія, сопряженнаго съ интересомъ для казны. Равнымъ образомъ не представляется основанія приписывать недостатокъ въ деньгахъ тому обстоятельству, которое избралъ преступникъ орудіемъ къ обвиненію чиновниковъ полиціи, а именно тому, что одинъ изъ графировъ, въ которомъ были деньги, разбился и изъ него выпали деньги, ибо изъ дѣла видно, что это случилось въ присутствіи 6 человекъ рядовыхъ, слѣдовательно неумышленно и не съ цѣлю воспользоваться частію сихъ денегъ.

Къ довершенію характеристики Кочана прибавимъ, что онъ имѣлъ глаза голубые, волосы и брови черныя, 2 аршина 6 вершковъ росту; что онъ вѣроисповѣданія римско-католическаго, но не былъ въ продолженіи трехъ послѣднихъ лѣтъ на исповѣди и у Св. Причастія.

Кочанъ былъ судимъ по Высочайшему повелѣнію въ первой инстанціи военно-судною комиссіею при могилевскомъ гарнизонномъ баталіонѣ; во второй правительствующимъ сенатомъ, въ которомъ, по разногласію членовъ въ 1-мъ отдѣленіи 5-го департамента, дѣло объ немъ перенесено въ общее собраніе 4, 5 и межеваго департаментовъ. По рѣшенію общаго собранія, Кочанъ признанъ изобличеннымъ: а) въ подчисткѣ года въ своемъ подлинномъ билетѣ; б) въ употребленіи завѣдомо фальшивой печати витебскаго земскаго суда и в) въ разбоѣ, соединенномъ съ умышленнымъ смертоубійствомъ ямщика и почталіона; за эти преступленія общее собраніе положило: лишивъ Кочана всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжную работу въ рудникахъ на 17½ лѣтъ.

Государственный совѣтъ, чрезъ который представлено было настоящее дѣло на Высочайшее утвержденіе, мнѣніемъ поло-

жилъ: утвердить заключеніе правительствующаго сената. Оно утверждено его императорскимъ величествомъ 23 октября 1857 г.

Уголовная сторона дѣла о Кочанѣ представляетъ мало замѣчательнаго. Онъ совершилъ одно изъ тягчайшихъ преступленій съ хладнокровною обдуманностію, съ предумышленіемъ. Ни одинъ уголовный судъ, вѣроятно, не счелъ бы себя вправе оказать ему какое бы то ни было снисхожденіе и не усомнился бы примѣнить къ нему полную мѣру уголовного закона. То относительно большей суровости наказаній за преступленія противу частныхъ лицъ въ кодексахъ западно европейскихъ, если бы Кочанъ совершилъ преступленіе гдѣнибудь за границею, то едва ли бы онъ избѣгнулъ смертной казни. Юридически онъ кругомъ виноватъ и никакимъ образомъ оправданъ быть не можетъ, но психолога, сверхъ юридическаго вмѣненія, занимаетъ еще вопросъ о вмѣненіи нравственномъ, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ сила внѣшнихъ обстоятельствъ, влияя на его волю и развращая эту волю, заставила его рѣшиться на злодѣяніе. Непосредственною причиною, породившею эту рѣшимость, была нищета, отсутствіе средствъ къ пропитанію. До 32 лѣтняго возраста онъ жилъ скромно, тихо, довольствуясь весьма малымъ. Нужда его выгнала изъ роднаго уголка, и когда послѣдніе его запасы истощились, тогда этотъ человѣкъ, перевалившійся, такъ сказать, на вторую половину своей жизни, вдругъ дѣлается преступникомъ. Намъ мало извѣстна его прошедшая жизнь, но по немногимъ даннымъ, сохранившимся въ дѣлѣ, мы можемъ отчасти уяснить себѣ складъ его характера и странныя на первый взглядъ противурѣчія въ образѣ его дѣйствій. Онъ былъ обѣдѣвшій шляхтичъ, воспитаніе котораго ограничивалось знаніемъ грамоты, да умѣніемъ метко стрѣлять изъ ружья. Его не терзала ненасытная жажда наслажденій и стяжанія, онъ былъ весьма скроменъ и бережливъ и довольствовался бы вѣроятно кускомъ насущнаго хлѣба, лишь бы этотъ кусокъ былъ добываемъ не трудомъ, а способами легкими. Что онъ былъ бережливъ, доказывается тѣмъ, что, имѣя десятки тысячъ рублей въ рукахъ,

онъ ничего почти на себя не издержалъ и озаботился даже по прибытіи въ Кіевъ выручить продажею лодки нѣсколько десятковъ копѣекъ. Бережливость его и сгубила, онъ не рѣшился уничтожить фальшивыхъ двухъ кредитныхъ билетовъ, чтобы воспользоваться пушеніемъ ихъ въ обращеніе. Найти соответственное себѣ занятіе, которое было бы ему по силамъ, онъ могъ лишь въ канцелярскихъ работахъ или въ наймѣ на услуженіе, но и на томъ и на другомъ поприщѣ ему мѣшала, вѣроятно, неуживчивость и недостатокъ нравственныхъ правилъ. Послѣ 32 лѣтъ, проведенныхъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, выброшенный изъ колен, онъ мечется во всѣ стороны, нигдѣ не находя приставища, покоя, пока неумолимый естественный ходъ событій въ безысходной его борьбѣ съ дѣйствительностью, истощивъ его нравственныя силы, не заставилъ его совершить злое дѣло. Намъ кажется, что въ нравственномъ отношеніи Кочанъ гораздо болѣе заслуживаетъ состраданія, нежели весьма многіе преступники, которыхъ подобнаго же рода дѣйствія сопровождались многими обстоятельствами, смягчающими юридически ихъ вину и наказаніе.

В. ИНОСТРАННАЯ.

Процессъ по обвиненію Томаса Гоплея въ убійствѣ.

Въ засѣданіи 23 іюля прошедшаго года лондонскихъ ассизъ было рѣшено дѣло по обвиненію содержателя школы Томаса Гоплея (Thomas Hopley) въ неумышленномъ убійствѣ (manslaughter) одного изъ учениковъ его Регинальда Каннеля Канселора (Reginald Channell Cancellor).

Этотъ случай возбудилъ въ публикѣ такой интересъ и столько различныхъ толковъ, что обвинитель, адвокатъ Парри (Parry), приступая къ изложенію обвиненія, пашель необходимымъ напомнить присяжнымъ, чтобы они, не увлекаясь тѣмъ, что прежде слышали объ этомъ происшествіи, въ своемъ рѣшеніи единственно руководились тѣми фактами, которые будутъ представлены въ судѣ.

Регинальдъ Канселоръ 15 лѣтъ, сынъ бывшаго судьи одного изъ лондонскихъ верховныхъ судовъ, поступилъ въ школу Гоплея (въ Истбурѣ), человѣка, пользовавшагося хорошею репутаціею, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого несчастнаго случая. Отчасти по недостатку способностей, отчасти вслѣдствіе упрямства, онъ оказывалъ очень мало успѣховъ въ наукахъ. Около половины апрѣля 1860 г. Гоплей писалъ его отцу, что онъ испробовалъ всѣ средства, чтобы заставить Регинальда учиться, но какъ эти средства оказались безуспѣшными, то, по его мнѣнію, оставалось одно: обратиться къ тѣлесному наказанію; на принятіе этой мѣры онъ испрашивалъ согласія отца. Канселоръ разрѣшилъ Гоплею дѣйствовать относительно его сына, какъ онъ признаетъ лучше. 22 апрѣля Регинальдъ Канселоръ, послѣ жестокаго наказанія со стороны его учителя посредствомъ ударовъ веревкой и палкою, наносимыхъ

около двухъ часовъ сряду, былъ найденъ въ своей комнатѣ мертвымъ.

По объясненію г. Парри, Гоплей не могъ быть обвиненъ въ умышенномъ убійствѣ, единственно потому, что смерть Регинальда Канселора послѣдовала только отъ превышенія имъ въ качествѣ учителя власти, предоставленной законами отцу, а симъ послѣднимъ переданной обвиненному.

За прочтеніемъ обвинительнаго акта слѣдовалъ допросъ свидѣтелей. Дж. Х. Канселоръ, братъ умершаго мальчика, показалъ слѣдующее:

«Я, священникъ Сендскаго прихода въ Сэрреѣ. Умершій былъ мой братъ. Отецъ мой умеръ 22 прошедшаго іюня. Я знаю подсудимаго. Онъ содержалъ частную школу и мой братъ былъ одинъ изъ его учениковъ. Въ августъ прошедшаго года ему минуло пятнадцать лѣтъ. Въ октябрѣ онъ поступилъ въ школу. Я видѣлъ его въ послѣдній разъ живымъ въ апрѣлѣ настоящаго года. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ слуховъ я отправился въ Истбурнъ 24 апрѣля. Я слышалъ, что мой братъ умеръ и что по этому случаю было произведено слѣдствіе. Я хотѣлъ предать тѣло умершаго погребенію. Подсудимый пришелъ ко мнѣ въ отель Берлингтонъ. Тѣло моего брата не было погребено вслѣдствіе нѣкоторыхъ дошедшихъ до меня слуховъ, и я сказалъ г. Гоплею, что, можетъ быть, нужно будетъ произвести осмотръ трупа и что я жду для этого инспектора полиціи. Я спросилъ его, какимъ образомъ случилось, что онъ сообщилъ моему отцу, что онъ оставилъ Регинальда въ половинѣ одиннадцатаго часа вечеромъ наканунѣ его смерти, между тѣмъ какъ, по слухамъ, это случилось гораздо позже, а также почему онъ раньше не послалъ за медикомъ? На это подсудимый отвѣчалъ, что онъ не думаетъ, чтобы было позже 11 часовъ, когда онъ оставилъ Регинальда, а за медикомъ не послалъ прежде потому, что, найдя мальчика въ 6 часовъ слѣдующаго утра мертвымъ, онъ былъ очень взволнованъ; прежде всего онъ хотѣлъ запереть комнату, въ которой лежало тѣло умершаго, чтобы никто не могъ войти въ нее, пока онъ отправится за докторомъ; но такъ какъ

онъ не нашель въ двери ключа, то счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ печальномъ извѣстїи своей женѣ и одной изъ служанокъ; онѣ были такъ сильно опечалены, что прошло нѣсколько времени, пока онъ могъ ихъ оставить. Прийдя къ своему доктору Робертсу, онъ не засталъ его дома, а потому просилъ передать ему, чтобы онъ пришелъ, какъ скоро вернется домой. Отъ Робертса онъ отправился на телеграфическую станцію и далъ знать Канселору о смерти его сына. Возвратившись домой, онъ нашель тамъ Робертса и повель его въ комнату, гдѣ лежало тѣло умершаго. Тогда я спросилъ подсудимаго, отчего онъ сообщилъ моему отцу, что мальчикъ во время наказанія былъ внизу, между тѣмъ какъ слышны были крики изъ его спальни? Подсудимый, находившійся наверху, возразилъ, что жальца отца мальчика, онъ не входилъ въ излишнія и печальныя подробности при сообщенїи извѣстїя, что послѣ того какъ Регинальдъ былъ наказанъ, онъ велѣлъ ему идти спать, такъ какъ этотъ послѣдній не хотѣлъ исполнить приказанїя, то онъ долженъ былъ почти снести его наверхъ; когда мальчикъ, будучи приведенъ въ свою комнату, не хотѣлъ раздѣваться, то подсудимый сказалъ ему, что долженъ будетъ, въ случаѣ неповиновенїя, опять наказать его, что онъ и исполнилъ, и потомъ заплакалъ, тогда мальчикъ обнялъ его и попросилъ позволенїя отвѣтить свой урокъ. Помолвившись вмѣстѣ съ мальчикомъ, онъ его оставилъ. Я спросилъ подсудимаго, не наказывалъ ли онъ моего брата до крови, на что тотъ отвѣчалъ отрицательно, прибавивъ, чтобы я не думалъ, что мальчикъ былъ раздѣтъ потому, что наказанїе происходило въ его спальнѣ. Потомъ на вопросъ, не было ли крови на постели, онъ отвѣчалъ, что могло быть нѣсколько пятенъ на простынѣ. Послѣ этого я съ подсудимымъ отправился въ комнату, въ которой лежало тѣло умершаго въ свинцовомъ гробѣ. Я замѣтилъ на щекѣ умершаго какой то знакъ и спросилъ подсудимаго, не былъ ли это ушибъ. Онъ отвѣчалъ, что это, по его мнѣнїю, только перемѣна цвѣта въ лицѣ, которая часто дѣлается послѣ смерти. Онъ сложилъ руки и сказалъ: «Богъ свидѣ-

тели, я исполнял мой долгъ въ отношеніи къ этому бѣдному мальчику». Послѣ этого я и подсудимый вышли изъ комнаты и я спросилъ его, не было ли слышно какого либо шума въ комнатѣ моего брата, послѣ того, какъ подсудимый оставилъ его въ 10½ час. На это послѣдній отвѣчалъ, что онъ тщательно спрашивалъ служанокъ, но не слышалъ, чтобы кто нибудь входилъ въ эту комнату. Я нашелъ объясненія подсудимаго удовлетворительными и согласился взять тѣло умершаго и оно было отправлено въ мѣсто пребываніе моего отца, въ Барнсъ, въ Сэрреѣ. Вслѣдствіе чего-то случившагося послѣ этого, въ слѣдующую субботу былъ произведенъ осмотръ трупа, а 11 мая вторично, по настоянію подсудимаго, который написалъ мнѣ о томъ, какъ происходило изслѣдованіе коровера 27 апрѣля.

При перекрестномъ допросѣ Канселоръ далъ слѣдующее показаніе: «изъ словъ Гоплея я заключилъ, что онъ отвергаетъ, чтобы какой-либо шумъ былъ слышанъ въ комнатѣ моего брата и чтобы кто нибудь изъ служанокъ входилъ въ эту комнату послѣ того, какъ онъ ее оставилъ. Мой братъ былъ въ другой частной школѣ и былъ у одного частнаго учителя прежде того, какъ поступилъ къ Гоплею, школа котораго была мнѣ рекомендована капитаномъ Микеемъ, главнымъ констаблемъ въ Сюзсексѣ. За воспитаніе моего брата платилъ Гоплею 180 ф. ст. ежегодно. Братъ мой былъ болѣе избалованный, нежели упрямый мальчикъ; при необыкновенномъ складѣ ума, онъ былъ мало развитъ; онъ неохотно дѣлалъ, что ему приказывали. Во время праздниковъ Рождества въ моемъ семействѣ былъ разговоръ на счетъ упрямства моего брата. Онъ былъ малъ ростомъ для своихъ лѣтъ и очень толстъ и когда онъ пріѣхалъ домой на праздники, въ семействѣ нашли, что онъ сталъ здоровѣе съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ къ Гоплею».

При новомъ допросѣ Канселоръ показалъ, что отецъ его замѣчалъ Гоплею, по прибытіи Регинальда домой, что противъ него было, повидимому, употреблено много мѣръ насилія.

Послѣ этого были прочитаны акты слѣдствія, изъ которыхъ видно, что подсудимый утверждалъ, что онъ оста-

вилъ умершаго въ 10½ час. вечера 22 апрѣля и нашель его мертвымъ въ 6½ час. утра слѣдующаго дня, не упоминая о томъ, что онъ его наказывалъ вечеромъ передъ его смертью.

Послѣ этого Канселоръ былъ допрошенъ г. Баллантайномъ, защитникомъ подсудимаго, при чемъ показалъ слѣдующее: подсудимый говорилъ мнѣ, что умершій былъ наказанъ въ день, предшествовавшій его смерти и что онъ далъ передъ коронеромъ показаніе, которое было умышленно выпущено изъ газетъ и просилъ меня пойти вмѣстѣ съ нимъ къ одному изъ присяжныхъ, чтобы узнать, что именно было при слѣдствіи. Въ то время, когда я получилъ описаніе слѣдствія, я уже зналъ, что мой братъ былъ наказанъ, но подумалъ, что при наказаніи была употреблена только веревка.

При новомъ допросѣ свидѣтель показалъ, что онъ не зналъ объ употребленіи палки при наказаніи его брата, что о томъ, зналъ ли этотъ послѣдній первыя четыре правила ариметики, не знаетъ, и что братъ его былъ необыкновенно добрый мальчикъ и очень привязанъ къ отцу; а на вопросы судьи свидѣтель отвѣчалъ, что братъ его былъ мальчикъ, котораго было трудно чему нибудь учить, что онъ былъ очень непонятливъ и, кажется, имѣлъ отвращеніе къ ученью.

Елена Фаулеръ показала слѣдующее: «Я была въ служеніи у подсудимаго въ качествѣ няньки въ прошедшемъ апрѣлѣ. Я знала умершаго. Вечеромъ въ субботу, 21 апрѣля, между 5-го и 6-го час. я видѣла его въ столовой, которая находилась въ первомъ этажѣ. Я снова видѣла его между 6-го и 7-го час. Тогда онъ пилъ чай. Послѣ этого я уже не видала его живымъ. Я спала въ комнатѣ, находящейся подлѣ комнаты г. Канселора. Около 10 часовъ вечера я слышала, какъ г. Гоплей билъ кого-то въ классной комнатѣ, которая была въ первомъ этажѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока я ушла спать, т. е. около четверти часа. Когда я опять проснулась въ три четверти двѣнадцатаго, я слышала, какъ г. Канселоръ и г. Гоплей шли на верхъ, куда подсудимый, казалось, толкалъ его. Когда они вошли въ спальню умершаго, г. Гоплей затворилъ дверь, пошелъ внизъ, но сейчасъ же возвратился

на верхъ, снова началъ бить мальчика. Я слышала, какъ онъ сказалъ: «теперь сдѣлай это, какъ милый, хорошій мальчикъ». Онъ не говорилъ этого пока билъ его. Я слышала, что подсудимый сказалъ: «и четыре,» (какъ будто онъ спрашивалъ у него урокъ). Это продолжалось до четверти перваго; но подсудимый не переставалъ бить мальчика все это время. Онъ останавливался на короткое время и потомъ опять продолжалъ бить его. Я встала и посмотрѣла на часы, которые были въ моей комнатѣ. Мальчикъ не переставалъ кричать, пока его били; но вдругъ въ комнатѣ сдѣлалась совершенная тишина, и десять минутъ спустя я слышала плескъ воды, потомъ какъ кто-то шелъ наверхъ, какъ былъ отпертъ кранъ, какъ кто-то пѣсколько разъ ходилъ вверхъ и внизъ. Послѣ того, какъ все стихло, моя госпожа вошла въ мою комнату, завела часы и остановила ихъ. Я не слышала, чтобы воду лили на полъ въ комнатѣ умершаго, но я слышала, какъ воду, повидному, переливали изъ одной посуды въ другую. Это продолжалось до часа ночи, когда я пошла спать. Послѣ того, какъ моя госпожа оставила мою комнату, ключъ былъ взятъ изъ двери, но я не могу сказать, была ли она заперта на замокъ или нѣтъ. Я встала около 6¹/₂ час. утра, но въ это время я не замѣтила ничего особеннаго. Прежде чѣмъ я встала, я слышала, какъ подсудимый пошелъ въ комнату умершаго. Г-жа Гоплей пошла туда около трехъ четвертей седьмаго и держала подъ рукою что-то бѣлое. Затѣмъ я увидѣла одну изъ служанокъ, по имени Алису Диконъ, съ подсвѣчникомъ въ рукѣ, при чемъ я замѣтила, что на немъ были кровавыя пятна. Послѣ того подсудимый сказалъ намъ, что онъ нашелъ Канселора въ постели мертвымъ и что онъ никогда не забудетъ этого до конца своей жизни. Въ слѣдующій вторникъ утромъ г. Гоплей пришелъ въ дѣтскую и спросилъ меня, знаю ли я въ какое время онъ вышелъ изъ спальни г. Канселора; я сказала, что между двѣнадцатью часами и часомъ, а онъ сказалъ, что онъ не думалъ, что такъ поздно; я отвѣчала, что это было именно въ это время, потому что г-жа Гоплей остановила часы черезъ четверть часа послѣ двѣнадцати, а я

слышала, что онъ былъ въ комнатѣ нѣсколько времени послѣ того. Въ тотъ же день я видѣла подштанники умершаго у прачки и замѣтила на нихъ кровь; я также видѣла нѣкоторые платки г-жи Гоплей; на всѣхъ ихъ были кровавые пятна. Я была въ комнатѣ умершаго въ субботу послѣ его смерти и замѣтила кровь на полу, на каминѣ и на ваннѣ. Миѣ казалось, что тамъ было много крови и что она была стерта. На курткѣ умершаго также было кровавое пятно. Я также видѣла слѣды крови въ классѣ, которая, повидимому была вымыта. Тамъ было нѣсколько кровавыхъ пятенъ, и одно величиной съ ладонь. Въ комнатѣ былъ коверъ, подъ которымъ на полу также была кровь».

При перекрестномъ допросѣ Елена Фаулеръ показала слѣдующее:

«Г-жа Гоплей обыкновенно заводила часы въ моей комнатѣ каждую субботу вечеромъ. Только въ слѣдующее утро я увидѣла, что часы были оставлены. Она пришла къ своимъ дѣтямъ, поцѣловала ихъ по обыкновенію, потомъ вышла изъ комнаты, пожелавъ миѣ покойной ночи. Г-жа Гоплей молодая женщина, двадцати трехъ или четырехъ лѣтъ; она гораздо моложе подсудимаго. Она пришла въ мою комнату уже послѣ того, какъ въ комнатѣ умершаго было совершенно тихо. Я слышала, что было вылито очень мало воды изъ крана, не такъ много, чтобы напознить кувшинъ. Я ничего не сказала моей госпожѣ о происходившемъ наказаніи. Я замѣтила, что умершій былъ упрямый мальчнкъ, и г. Гоплей былъ, повидимому, очень терпѣливъ съ нимъ».

При новомъ допросѣ:

«Я написала г-жѣ Локопъ о томъ, что я видѣла».

На вопросы судьи она отвѣчала:

«Миѣ говорили, что умершій обыкновенно не хотѣлъ дѣлать того, что ему приказывали; но я никогда не видѣла въ немъ упрямства въ этомъ отношеніи».

Показанія Алисы Диконъ заключались въ слѣдующемъ:

«Я была горничной у подсудимаго въ то время, когда умершій у него воспитывался. Около 9½ час. подсудимый

приказавъ мнѣ позвать г. Канселора въ столовую. Онъ былъ въ рекреационной залѣ; я сказала ему, чтобы онъ пошелъ къ г. Гоплею въ столовую и послѣ того не видѣла его живымъ. Я пошла въ кухню и пока тамъ оставалась, я слышала, что г. Гоплей позвалъ г. Канселора, что они вмѣстѣ отправились въ классъ и что г. Гоплей билъ его, но чѣмъ именно, я не могу сказать. Я слышала нѣсколько ударовъ, потомъ слѣдовалъ промежутокъ, потомъ удары снова были повторяемы; это продолжалось отъ трехъ четвертей десятаго до трехъ четвертей или сорока минутъ двѣнадцатаго.

Умершій обыкновенно ложился спать между девятью и десятью часами, и я тогда уносила его свѣчу. Въ этотъ вечеръ я ждала до 11-и часовъ. Я слышала, что онъ вскрикивалъ, когда его били; иногда, казалось, въ комнатѣ бѣгали и кто-то падалъ. Я слышала это, когда я была въ моей спальнѣ. Около трехъ четвертей двѣнадцатаго я слышала, какъ подсудимый и г. Канселоръ шли наверхъ въ комнату послѣдняго, который, повидному, не могъ идти. Въ эту ночь я болѣе ничего не слышала: около 6½ часовъ утра подсудимый пришелъ ко мнѣ и сказалъ, чтобы я не ходила въ комнату г. Канселора, но ничего не говорилъ о его смерти. Въ это же утро я пошла въ классъ и увидѣла кровавые пятна на коврѣ; кровь была, повидному, засыпана бѣлымъ порошкомъ и вытерта. Вскорѣ послѣ этого я пошла въ кабинетъ г. Гоплея и увидѣла тамъ подштанники, панталоны и карпетки г. Канселора. Одна карпетка была, повидному, вымыта, на другой были слѣды крови. Въ комнатѣ г-жи Гоплей я видѣла нѣсколько полотенецъ, которыми стирали пыль; они были, повидному, вымыты, но на нихъ были еще слѣды крови. Эти полотенца были разложены на полу для сушки. Кровавые пятна были также на одной изъ простынь на кровати г. Гоплея. Въ теченіи этого дня подсудимый призывалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ, что нашелъ г. Канселора мертвымъ въ постели, что онъ и жена его уложили умершаго, какъ могли, и послали за докторомъ г. Робертсомъ и что онъ, подсудимый, намеренъ послать телеграфическую депешу къ отцу умершаго.

Г. Робертсъ видѣлъ умершаго вскорѣ послѣ этого, и я также вошла въ комнату и вытерла его грудь и руки. Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти я нашла эту палку и эту веревку въ кабинетѣ г. Гоплея. На нихъ были слѣды крови: (Веревка была обыкновенная, употребляемая при гимнастическихъ упражненіяхъ, а палка средней величины, такая, какая обыкновенно употребляется при ходьбѣ). Я также нашла посовой платокъ подсудимаго, покрытый кровью. Онъ находился въ одномъ изъ его ящичковъ; я положила его обратно, и когда я снова искала его, его уже не было на мѣстѣ. На подсвѣчникѣ умершаго и внутри одного изъ его башмаковъ также были слѣды крови. Я-помню, что въ то утро, когда производилось слѣдствіе, подсудимый сказалъ мнѣ, что меня, вѣроятно будутъ допрашивать и чтобы я показала, что я и г-жа Гоплей укладывали тѣло, а также что я должна говорить правду и говорить все, что знаю. Отъ меня показаній не отбирали. Я написала моему отцу объ этомъ случаѣ; подсудимый сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ, что я это сдѣлала и что если я поступила при этомъ неосторожно, то онъ отправитъ меня въ тюрьму за поврежденіе его репутаціи.

При перекрестномъ допросѣ Диконъ показала слѣдующее: «Подсудимый говорилъ мнѣ и другимъ служанкамъ объ этомъ случаѣ нѣсколько разъ, потому что, какъ онъ объяснялъ намъ, ему казалось, что мы не довѣряли ему и женѣ».

Фанни Голландъ, кухарка въ заведеніи подсудимаго, дала показаніе, по содержанію одинаковое съ показаніемъ Фаулеръ.

Дженъ Джонсъ, прачка въ заведеніи Гоплея, показала, что въ понедѣльникъ 23 апрѣля, она получила нѣсколько вещей изъ бѣлья умершаго, подсудимаго и его жены и что на нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей были кровавыя пятна.

Затѣмъ слѣдовалъ допросъ трехъ береговыхъ сторожей, которые показали, что они видѣли свѣтъ въ домѣ подсудимаго въ часъ и нѣсколько разъ въ теченіи ночи съ 21-го на 22-е апрѣля.

Тобутъ, сержантъ суссекскихъ констаблей, представилъ панталоны и другія вещи умершаго, указанныя горничною Диконъ.

Г. Эмери, вслушій списки о рождающихся и умирающих въ истбурнскомъ округѣ, показалъ, что подсудимый приходилъ къ нему 22 апрѣля передъ церковной службой и просилъ записать о смерти Канселора; но свидѣтель отвѣчалъ ему, что онъ ничего не можетъ сдѣлать прежде, нежели будетъ произведено слѣдствіе. Подсудимый сказалъ, что онъ очень желалъ бы, для семейства умершаго, избѣжать слѣдствія.

Г. Брансбей Робертъ далъ слѣдующее показаніе:

«Я медикъ въ Истбурнѣ. 22 апрѣля г. Гоплей присылалъ за мной, и я видѣлъ умершаго лежащимъ на постели. Я не могъ по собственнымъ соображеніямъ опредѣлить причину его смерти. Въ слѣдующій день подсудимый приходилъ ко мнѣ и просилъ меня, чтобы я далъ ему свидѣтельство о причинѣ смерти; я ему отвѣчалъ, что я не могу этого сдѣлать».

При перекрестномъ допросѣ онъ показалъ слѣдующее:

«Отецъ умершаго спросилъ у меня, думаю ли я, чтобы незначительное наказаніе могло имѣть какое нибудь вліяніе на смерть мальчика; я отвѣчалъ, что, судя по тому, что я слышалъ, я этого не думаю. Изъ того, что мнѣ рассказали подсудимый, я заключилъ, что смерть произошла отъ болѣзни сердца. Въ тотъ день, когда Канселоръ умеръ, я предлагалъ подсудимому произвести нѣкоторое дальнѣйшее изслѣдованіе вмѣстѣ съ нѣсколькими медиками со стороны семейства умершаго. Онъ, казалось, былъ противъ этого изслѣдованія по случаю нездоровья его жены. Я думалъ, что подсудимый подвергъ умершаго какому нибудь незначительному наказанію съ согласія его отца».

На вторичный допросъ онъ отвѣчалъ.

«Я не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія, что мальчика били въ продолженіи двухъ часовъ палкою и веревкой».

Г. Ч. Локонъ показалъ, что вслѣдствіе сообщенія, сдѣланнаго ему однимъ изъ его родственниковъ, онъ письменно извѣстилъ отца умершаго о носившихся слухахъ относительно обращенія, которому этотъ послѣдній подвергся. Послѣ этого подсудимый пришелъ къ нему и спросилъ его, знаетъ ли онъ

о печальномъ происшествіи, случившемся въ его домѣ въ Ист-бурнѣ? Свидѣтель отвѣчалъ ему, что онъ что-то слышалъ объ этомъ. Тогда подсудимый сказалъ, что присяжные коронера постановили приговоръ о томъ, что Канселоръ умеръ естественною смертию, но что въ публикѣ объ этомъ было много болтовни и ложныхъ толковъ, которые могли бы стихнуть, если бы свидѣтель далъ свидѣтельство, что мальчикъ умеръ, вѣроятно, отъ болѣзни сердца. Свидѣтель сказалъ, что онъ не можетъ дать такого удостовѣренія, потому что не имѣетъ никакого основанія думать, что у больнаго была болѣзнь сердца и спросилъ подсудимаго, почему онъ думаетъ, что у него была такая болѣзнь. Подсудимый отвѣчалъ, что у него было очень слабое обращеніе крови, что онъ много страдалъ отъ озноба, былъ очень слабонервнъ и робокъ и тогда онъ спросилъ у подсудимаго, правда ли, что мальчикъ въ субботу вечеромъ пошелъ спать въ обыкновенномъ состояніи здоровья, а въ слѣдующее утро былъ найденъ мертвымъ. Подсудимый отвѣчалъ, что онъ не хотѣлъ опечаливать отца умершаго рассказомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, но что онъ расскажетъ о нихъ ему, свидѣтелю. Тогда онъ рассказалъ, что умершій былъ очень необыкновенный мальчикъ и очень упрямый; что онъ не могъ его заставить дѣлать, что онъ отъ него требовалъ, и отецъ умершаго согласился, чтобы онъ подвергся тѣлесному наказанію; что онъ говорилъ отцу, что если ему разрѣшено прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, то ему должно быть дозволено употреблять это наказаніе до тѣхъ поръ, пока онъ не доведетъ мальчика до покорности и что если, начавши исправленіе такимъ образомъ, не продолжать его, то это принесетъ болѣе вреда, нежели пользы. Въ субботу, по словамъ подсудимаго, мальчикъ былъ также упрямъ и въ продолженіи цѣлаго дня не хотѣлъ сдѣлать самаго простаго сложенія, которое, какъ подсудимый былъ убѣжденъ, онъ могъ сдѣлать. Онъ нѣсколько разъ говорилъ съ нимъ ласково и серьезно и, находя, что онъ еще упорствовалъ, не позволилъ ему участвовать въ общей молитвѣ вечеромъ, сказавъ, чтобы онъ оставался въ классной комнатѣ; послѣ того, какъ другіе ученики пошли спать, онъ пришелъ къ не-

му и, помолвившись вмѣстѣ съ нимъ, убѣждалъ его покориться и сказалъ ему, что будетъ въ противномъ случаѣ. Мальчикъ продолжалъ упорствовать. Тогда подсудимый началъ искать что нибудь, чтобы наказать его; но онъ такъ рѣдко наказывалъ своихъ учениковъ, что у него въ домѣ не было даже трости. Онъ нашелъ веревку и началъ бить ею мальчика. Когда ему казалось, что было довольно, онъ пересталъ, умолялъ его покориться и вышелъ изъ комнаты. Найдя по возвращеніи, что мальчикъ продолжалъ упорствовать, онъ опять билъ его. Это повторялось четыре или пять разъ. Наконецъ, мальчикъ бросился на полъ, отказался идти, по его приказанію, наверхъ въ свою спальню. Подсудимый рѣшился настоять на своемъ и притащилъ мальчика наверхъ въ спальню; видя, что послѣдній все еще упрямился, онъ пошелъ внизъ, досталъ веревку, снова билъ его, до тѣхъ поръ, пока онъ покорился; тогда онъ сдѣлался кротокъ, въ первый разъ заплакалъ и попросилъ у подсудимаго позволенія обнять его и сдѣлать сложеніе. Послѣ этого подсудимый оставилъ его и пожелалъ ему покойной ночи, сказавъ ему въ то же время, какъ онъ былъ радъ видѣть его хорошимъ мальчикомъ. На вопросъ свидѣтеля о томъ, не плакалъ ли мальчикъ до упомянутой минуты, подсудимый отвѣчалъ, что онъ вовсе не плакалъ, но кричалъ, пока онъ билъ его, такъ громко, что крикъ его долженъ былъ быть слышенъ въ половинѣ Истбурна. Свидѣтель спросилъ у подсудимаго, не впадалъ ли мальчикъ въ обморокъ, на что получилъ отрицательный отвѣтъ; тогда онъ спросилъ его, что значилъ слышанный въ комнатѣ плескъ воды. Подсудимый покраснѣлъ и казался смущеннымъ, отвѣчая, что, сколько онъ помнитъ, въ это время упала кружка съ водой. Свидѣтель спросилъ, не видно ли было при этомъ крови; подсудимый отвѣчалъ, что было нѣсколько пятенъ на полотенцѣ, что могло произойти отъ того, что мальчикъ оцарапался. При этомъ свидѣтель пристально посмотрѣлъ на подсудимаго и сказалъ, что по слухамъ были видны кровавыя пятна въ нижней комнатѣ, въ спальнѣ и на его платьѣ, которыя отчасти были заматы. Подсудимый поблѣднѣлъ, не сдѣлавъ никакого возраженія; подождавъ

около минуты, онъ взялъ свою фуражку и вышелъ изъ комнаты.

При перекрестномъ допросѣ свидѣтель показалъ, что узналъ о настоящемъ проществіи отъ одной изъ своихъ родственницъ, которой сообщила о немъ одна изъ служанокъ подсудимаго.

Послѣ этого было прочтено показаніе, данное подсудимымъ при слѣдствіи. Оно было отчасти такого же содержанія, какъ рассказъ его Чарльсу Локоу. Здѣсь онъ показалъ, что умершій былъ странный мальчикъ, что онъ не только былъ очень упрямъ, но даже рѣшился ничему не учиться. Хотя ему было болѣе пятнадцати лѣтъ, онъ не зналъ, или по крайней мѣрѣ притворялся, что не зналъ разницы между шиллингомъ и шестинннсовою монетою. Подсудимый переписался съ его отцомъ и считалъ, что получилъ его согласіе на то, что дѣлалъ. Чувствуя совершенную необходимость покорить склонность мальчика, онъ съ большимъ сожалѣніемъ рѣшился прибѣгнуть для этого къ строгому наказанію. 21-го Апрѣля умершій былъ въ припадкѣ такого упрямства; подсудимый утверждалъ, что онъ билъ его до тѣхъ поръ, когда мальчикъ покорился и что послѣ этого онъ отвѣтилъ свой урокъ скоро и правильно. Потомъ, по словамъ подсудимаго, этотъ припадокъ возобновился; мальчикъ отказался идти наверхъ и раздѣться; подсудимый, чувствуя, что оставивъ начатое дѣло, онъ можетъ навсегда погубить мальчика, опять наказалъ его и достигъ того, что онъ покорился, благодарилъ его и пошелъ спать. Подсудимый сознался въ томъ, что для наказанія онъ употребилъ палку и веревку, но говорилъ, что онъ билъ мальчика только по ногамъ и плечамъ и что у него не было ничего другаго, что онъ могъ бы употребить для наказанія, такъ какъ онъ до того былъ противъ тѣлесныхъ наказаній, что у него въ домѣ не было трости. Подсудимый заключилъ свое показаніе объясненіемъ, что онъ вовсе не былъ выведенъ изъ себя или разсерженъ, когда подвергалъ умершаго наказанію, но что онъ чувствовалъ, что исполняетъ свою обязан-

ность, неоднократно прося мальчика уступить и избавить его от тяжелой неприятности продолжать наказание.

Г. Прескотъ Гюетъ, одинъ изъ медиковъ, состоящихъ при госпиталѣ Св. Георга, показалъ, что онъ производилъ осмотръ трупа умершаго 28 апрѣля вмѣстѣ съ докторами Уиллисомъ и Гольмсомъ. Когда онъ въ первый разъ увидѣлъ трупъ, онъ былъ совершенно закрытъ, такъ что только лицо было видно. На рукахъ умершаго были надѣты бѣлыя перчатки, а на ногахъ чулки, которые наполовину закрывали ляшки. Открывъ и осмотрѣвъ тѣло, онъ увидѣлъ, что ноги и руки были темно-багроваго цвѣта и вздулись отъ вылившейся изъ кровяныхъ сосудовъ крови. Разрѣзавъ кожу, онъ удостовѣрился, что такой крови было очень много въ клѣтчатой перепонкѣ. Подъ кожею одной ладони ея оказалось на $\frac{3}{4}$ дюйма въ глубину, а клѣтчатая перепонка подъ кожею ляшекъ были обращены въ мягкую массу и изорваны въ куски нанесенными ударами. Удары должны были быть нанесены тяжелымъ тупымъ орудіемъ, п палка, представленная въ судъ, повидному, могла быть этимъ орудіемъ. Веревка, по его мнѣнію, могла произвести снѣжки, а палка раны. На правой ногѣ умершаго онъ нашелъ двѣ раны величаною съ шести-пепсовую монету, а глубиною въ дюймъ, и былъ того мнѣнія, что онѣ были произведены посредствомъ остраго конца представленной палки. Голова умершаго была велика и показывала, что онъ долженъ былъ страдать водяною въ мозгу, что и подтвердилось, когда голова была вскрыта.

На вопросъ судьи о томъ, можно-ли отсутствіе способностей у умершаго приписать такому состоянію его мозга, Гюетъ отвѣчалъ утвердительно.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что на основаніи видѣннаго имъ онъ былъ убѣжденъ, что умершій подвергся значительно жестокому наказанію, и пришелъ къ тому мнѣнію, что смерть его послѣдовала отъ сотрясенія нервной системы и отъ истеченія большого количества крови въ клѣтчатыхъ перепонкахъ. Онъ

замѣтилъ также, что, судя по показаніямъ свидѣтелей и самого подсудимаго о томъ, что тѣло умершаго было упруго, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ его утромъ, смерть послѣдовала около 12 часовъ предшествовавшей ночи.

Въ подтвержденіе свидѣтельства доктора Гюета были даны нѣкоторыя другія медицинскія объясненія.

Затѣмъ адвокатъ подсудимаго г. Баллатайнъ обратился къ присяжнымъ съ краснорѣчивой и сильной рѣчью въ защиту подсудимаго, въ которой онъ старался доказать, что этотъ послѣдній не имѣлъ намѣренія причинить умершему какое-либо зло и что несчастный псходъ слѣдуетъ въ значительной степени приписать случаю.

Судья изложилъ краткій обзоръ дѣла, и присяжные почти непосредственно затѣмъ произнесли обвинительный приговоръ.

Тогда судья обратился къ подсудимому, и, сдѣлавъ замѣчаніе о грубомъ характерѣ совершеннаго имъ преступленія, присудилъ его къ каторжнымъ работамъ на четыре года (*penal servitude for four years.*)

При необыкновенной и необъяснимой жестокости, которую выказалъ подсудимый и которая имѣла такія печальныя послѣдствія, въ этомъ процессѣ особенно бросается въ глаза относительная легкость наказанія, которому онъ приговоренъ.

Этой легкости нельзя, конечно, приписать ни мягкости законовъ, потому что англійскіе уголовные законы очень строги, ни снисходительности присяжныхъ, потому что по правиламъ англійскаго судопроизводства они могли признать обвиненнаго виновнымъ только въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняли, и даже въ меньшемъ, но ни въ какомъ случаѣ не въ большемъ: причина этой легкости, очевидно, заключается въ направленіи самаго обвиненія.

По англійскимъ законамъ различается два рода убійства: 1) умышенное (*murder*) и 2) неумышенное (*manslaughter*).

Первое отличается от послѣдняго тѣмъ, что предполагаетъ злой умыселъ, который можетъ быть или заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ (*express malice*), или можетъ заключаться, безъ всякаго обдумыванія заранѣе, въ томъ самомъ, что извѣстный фактъ уже совершенъ (*implied malice*). Вообще предъумышленнымъ убійствомъ называется всякое такое незаконное дѣйствіе, которое можетъ имѣть и имѣло вѣроятнѣмъ послѣдствіемъ смерть, хотя бы при этомъ не было употреблено никакого орудія или насилія; напримѣръ, если хозяинъ не давалъ достаточно пищи своему ученику и обращался съ нимъ такъ грубо и строго, что это имѣло послѣдствіемъ смерть ученика. Неумышленнымъ убійствомъ называется незаконное убійство человѣка, безъ всякаго злаго намѣренія; напримѣръ, убійство, совершенное въ дракѣ (*).

По объясненію адвоката Парри, Гоплей не былъ обвиненъ въ умышленномъ убійствѣ единственно потому, что смерть его ученика была слѣдствіемъ только превышенія той власти, которая была ему предоставлена. Слѣдовательно, если бы такое же преступленіе было совершено человѣкомъ постороннимъ въ отношеніи къ умершему, то его слѣдовало бы обвинить въ умышленномъ убійствѣ. Разница въ отношеніяхъ слишкомъ ничтожная въ сравненіи съ разницею между послѣдствіями. По нашему мнѣнію, превышеніе власти, кромѣ отношенія подчиненности, всегда предполагаетъ, что въ данномъ случаѣ лицо, ею воспользовавшееся, не имѣло на это права, но она могла принадлежать другому лицу, выше его поставленному. За тѣми же предѣлами, за которыми прекра-

(*) Свѣдѣнія о различіи, по англійскимъ законамъ, предъумышленнаго убійства отъ непредъумышленнаго заимствованы изъ объясненій, предложенныхъ къ процессу объ убійствѣ г-жи Скейнъ, помѣщенному въ № 9 журнала министерства юстиціи за 1860 г.

щается всякая власть одного лица въ отношеніи къ другому лицу, не можетъ быть рѣчи о превышеніи власти. Въ противномъ случаѣ всякое преступленіе, всякое убійство можно бы было подвести подъ превышеніе той власти, тѣхъ правъ, которыя намъ предоставлены при пользованіи нашею свободою въ частныхъ отношеніяхъ нашихъ съ другими.

Развѣ кто нибудь имѣетъ право бить другаго два часа сряду, до смерти? Въ наше время, жестокость изгнана даже изъ наказаній, опредѣляемыхъ судебною властію. Но если судебная власть воздерживается отъ опредѣленія такихъ наказаній, которыя могли бы быть слишкомъ мучительны или при данныхъ условіяхъ могли бы имѣть для преступника болѣе тяжкія послѣдствія, нежели онъ заслуживаетъ, то, конечно частныя лица должны быть еще осторожнѣе въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Отношенія Гоппеля къ его ученику не слагали съ него обязанности быть осторожнымъ въ обращеніи съ его воспитанникомъ, но онъ совершенно пренебрегъ этою обязанностию. Нельзя, конечно, обвинить его въ положительномъ намѣреніи причинить смерть Канселору, но и нельзя не согласиться, что онъ долженъ былъ знать, какія страшныя послѣдствія могло имѣть нанесенное имъ наказаніе; онъ слишкомъ забылся, онъ самымъ непростительнымъ образомъ рисковалъ жизнью своего ученика и, согласившись на всѣ послѣдствія, рѣшившись во что бы то ни стало достигнуть цѣли предпринятаго имъ дѣла, пожертвовалъ безопасностію этой жизни. Свидѣтельство доктора устраняетъ возможность предположенія, что ближайшею причиною смерти Канселора было болѣзненное состояніе его мозга, а не нанесенные ему удары. Но если бы и можно было допустить такое предположеніе, то оно нисколько не уменьшало бы вины подсудимаго. Какъ опытный педагогъ, приоб-

рѣвнѣй въ своемъ кругу извѣстность умѣнемъ обращаться съ дѣтьми, онъ не могъ не замѣтить ненормальнаго состоянія организма умершаго, уже по неразвитости его и отсутствію въ немъ способностей, и потому долженъ былъ еще осторожнѣе обходиться съ нимъ. Вотъ почему было слишкомъ мало обвинить Гоплея въ нечаянномъ убійствѣ, извинивъ его превышеніемъ власти. Его преступленіе совершенно подходитъ подъ вышеприведенный примѣръ умышленнаго убійства.

Этимъ мы не хотимъ сказать, что за жестокость слѣдовало бы заплатить жестокостію. Если наказаніе, къ которому приговоренъ Гоплей, можетъ заставить его раскаяться и исправиться, то главная цѣль наказанія будетъ достигнута. Но идея справедливости и возмездія, которая играетъ во всѣхъ законодательствахъ не послѣднюю роль, требуетъ болѣе строгаго наказанія.

Вотъ юридическая сторона изложеннаго нами процесса.

Что-же касается до психологической его стороны, то она составляетъ для насъ совершенную загадку. Что могло побудить подсудимаго, человѣка, повидимому, добраго, пользовавшагося хорошою репутаціей, питающаго по его собственнымъ объясненіямъ, ничѣмъ не опровергнутымъ, отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ, рѣшиться на такую жестокость? Въ этомъ случаѣ имъ не могли, кажется, руководить ни корысть, потому что въ интересахъ его, какъ человѣка, существовавшаго содержаніемъ школы, было хорошимъ обращеніемъ съ учениками еще болѣе утвердить за собою добрую славу, ни раздраженіе, потому что онъ исполнилъ наказаніе съ систематичною холодностію, ни убѣжденіе, что только посредствомъ грубой силы можно заставить учиться и развить способности, потому что такого убѣжденія нельзя предположить въ человѣкѣ со смысломъ. Между тѣмъ невозможно безъ

жалости и отвращенія читать разсказъ доктора Гюета о состоянїи тѣла умершаго послѣ наказанія. Даже съ трудомъ вѣрится, что оно было доведено до такого состоянія посредствомъ обдуманной жестокости человѣка. Въ наше время и въ романахъ не часто встрѣчаются происшествія, подобныя настоящему, случившемуся на самомъ дѣлѣ, очень недавно, среди самаго цивилизованнаго народа.

п. ю.

СЛѢДУ

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛЮГРАФІЯ.

ОБОЗРѢНІЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ ЗА 1860 ГОДЪ.

СТАТЬЯ II.

Въ предыдущей статьѣ мы бросили общій взглядъ на состояніе нашей журналистики и старались уяснить, насколько современное направленіе ея удовлетворяетъ требованіямъ науки и общества. Мы видѣли, какъ вообще мало развитъ въ нашей юридической литературѣ философскій элементъ и указали, въ подтвержденіе этого, на философско-юридическія воззрѣнія одного изъ лучшихъ русскихъ періодическихъ изданій,—«Современника». Скажемъ теперь нѣсколько словъ о другихъ журналахъ, давшихъ на своихъ страницахъ мѣсто статьямъ, посвященнымъ теоретическимъ изслѣдованіямъ въ области права.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» укажемъ на двѣ статьи, разсматривающія одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго права,—вопросъ о централизаціи. Одна изъ нихъ, помѣщенная во 2-й книжкѣ за іюнь, подъ заглавіемъ «централизація и свобода» принадлежитъ г. Щербаню и есть извле-

ченіе изъ сочиненія Дольфуса: «Liberté et Centralisation». Paris 1860 г.; вторая есть трудъ г. Ржевскаго, подъ заглавіемъ: «взглядъ на теорію бюрократической администраціи» (октябрь, книжка вторая). Не останавливаясь на первой статьѣ, какъ не оригинальной, скажемъ нѣсколько словъ о второй, гдѣ авторъ имѣетъ въ виду преимущественно русскую администрацію. Скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи этой статьи.

Въ первыхъ двухъ главахъ, составляющихъ какъ бы введеніе къ послѣдующимъ, авторъ излагаетъ значеніе системъ централизаціи и децентрализаціи и вліяніе ихъ на администрацію и затѣмъ переходитъ къ органамъ бюрократической администраціи, имѣя въ виду преимущественно русскихъ чиновниковъ. Онъ различаетъ три категоріи административныхъ чиновниковъ: а) лица, облеченныя административною и исполнительною властію, несущія за нее отвѣтственность, б) лица, не облеченныя исполнительною властію и не имѣющія отвѣтственности, а только право обсужденія и выраженія своего мнѣнія и в) лица, назначенныя для веденія переписки, составленія докладовъ, для редакціи предписаній, рапортовъ, отношеній. Они отвѣчаютъ только за подлогъ, или за безпорядокъ по письменной части. «Первые, говоритъ авторъ, суть собственно администраторы, вторые—совѣтники, третьи—секретари или писцы. Очевидно, что между ними есть *рѣзкое различіе*». Къ первымъ авторъ относитъ: станovýchъ приставовъ, исправниковъ, городничихъ, полиціймейстеровъ, окружныхъ, предсѣдателей палатъ, городскихъ головъ, предводителей дворянства, губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и министровъ, ко второй—членовъ судовъ, палатъ, губернскихъ правленій, разныхъ комиссій, комитетовъ и совѣтовъ при губернаторахъ и министрахъ и ихъ секретарей и правителей дѣлъ, къ третьей отнесены всѣ прочіе чиновники, «начиная съ писаря становаго и оканчивая директоромъ департамента, которые не имѣютъ ни распорядительной власти, ни совѣщательнаго officialнаго голоса и прямая ихъ обязанность заключается только въ веденіи письмоводства; конечно, не только директоры департаментовъ, но вице-директоры и начальники

сдѣлений состоятъ часто членами различныхъ комиссій, комитетовъ и совѣтовъ и имѣютъ тогда совѣщательный голосъ, но это есть уже побочный атрибутъ, присвоенный иногда только имъ лично, но не занимаемой ими должности».

Такая классификація административныхъ чиновниковъ, по нашему мнѣнiю, невѣрна, потому что не вытекаетъ изъ сущности бюрократической системы. Сущность бюрократической или одноличной системы состоитъ въ томъ, что при ней власть вѣрjается собственно *одному* лицу,—и затѣмъ уже это лицо *раздѣляетъ* дарованную ему власть и дѣятельность между другими, подчиненными ему лицами, оставляя за собою право общаго направленiя ихъ дѣятельности и контроля надъ ними; эти лица въ свою очередь дѣлятъ свою власть и обязанности между своими подчиненными, подчиняя ихъ своему наблюдению и т. д., такъ что власть исполнительная не заключается собственно въ рукахъ одного, высшаго лица, а раздѣляется между этимъ лицомъ и его подчиненными, и чѣмъ далѣе идетъ такое раздѣленiе, тѣмъ менѣе власти имѣетъ лицо. Отсюда видно, что «*рызкало различiя*» между выставленными авторомъ категориями нѣтъ, и, напримѣръ, директоръ департамента, (причисленный авторомъ къ третьей категорiи), облеченъ также, какъ и министръ, (причисленный къ 1-й категорiи), административною и исполнительною властiю, только въ меньшемъ объемѣ. Далѣе, при чисто бюрократической системѣ, выставленная авторомъ 2-я категорiя не имѣетъ мѣста; а если и существуютъ при административной власти лица, имѣющiя голосъ совѣщательный, то это есть слѣдствiе соединенiя системы бюрократической съ системою коллегiальною, слѣдовательно эта категорiя не происходитъ изъ сущности бюрократической администрацiи. Кромѣ того и выставленные авторомъ образцы каждой категорiи доказываютъ шаткость его дѣленiя. Напримѣръ, къ первой категорiи отнесены авторомъ председатели палатъ. Палаты, какъ извѣстно, имѣютъ коллегiальное устройство,—и поэтому председатели ихъ являются не начальниками съ исполнительною властiю, а такими же членами коллегiи, какъ и другiя лица, составляющiя «присутствiе». Слѣдовательно,

предсѣдатели должны быть отнесены къ той же категоріи, какъ и *члены*, между тѣмъ какъ послѣдніе отчислены ко 2-й категоріи. Въ числѣ лицъ второй категоріи неправильно помѣщены секретари и правители дѣлъ; директоры департаментовъ, отнесенные къ третьей категоріи, вопреки мнѣнію автора, имѣютъ и распорядительную власть, (потому что департаментамъ предоставлено право окончательнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, безъ доклада министру), и голосъ совѣщательный, потому что они *по самому званію своему* суть члены совѣта министра. Нужно ли наконецъ говорить о томъ, что въ дѣйствительности различіе между выставленными авторомъ категоріями еще менѣе существуетъ, чѣмъ при теоретическомъ взглядѣ на нихъ; всякій, кто знакомъ съ служебною дѣятельностію, согласится съ нами: неужели, напримеръ, хорошій членъ палаты не можетъ быть хорошимъ предсѣдателемъ, дѣльный директоръ дѣльнымъ министромъ и т. д. Занятія чиновниковъ вовсе не такъ изолированы, какъ предполагаетъ авторъ,—и каждому изъ нихъ въ большей или меньшей мѣрѣ извѣстна и доступна дѣятельность другъ друга.

Такимъ образомъ выставленное авторомъ положеніе, что между указанными имъ категоріями есть «рѣзкое различіе», невѣрно; поэтому невѣрны и слѣдующія слова его: «если администрація должна отличаться стройностію и послѣдовательностію, то необходимо предположить, что чиновники трехъ означенныхъ категорій, занятія и обязанности которыхъ столько одни отъ другихъ различны, между собою не перемѣшиваются, и что открывающіяся вакансіи высшихъ мѣстъ замѣщаются чиновниками той же категоріи, какъ уже пріобрѣтшими опытность и успѣвшими уже на дѣлѣ оправдать свою способность къ занятію высшаго мѣста въ той же категоріи. Въ особенности это имѣетъ важность относительно различія между чиновниками—администраторами и чиновниками, занимающимися письмоводствомъ».

«Если взять въ разсмотрѣніе всю сложность обязанностей администратора и сравнить съ тѣми условіями, которыя требуются отъ чиновника самой высшей канцеляріи, а имен-

но, хорошою памятью и навыкомъ къ письмоводству (?), то нельзя будетъ не удивиться тому неправильному отношенію, въ которое эти двѣ категоріи должностей по необходимости будутъ поставлены вслѣдствіе преобладанія столичнаго элемента надъ мѣстнымъ. При этомъ условіи мы должны будемъ встрѣтить два явленія: во первыхъ, зависимость мѣстнаго администратора отъ столичнаго канцеляриста; во вторыхъ, легкость для столичнаго канцеляриста получить мѣсто по провинціальной администраціи. Въ этомъ перевѣсѣ чиновниковъ для письмоводства надъ чиновниками дѣйствующими и заключается вся сущность бюрократическаго порядка».

Чтобы еще болѣе подкрѣпить свои *теоритическіе* выводы о чиновникахъ, г. Ржевскій подвергаетъ чиновниковъ дѣйствительно-живущихъ и служащихъ тонкому психическому анализу, въ духѣ г. Жуковскаго, мрачныя взгляды котораго на человѣчество и науку мы привели въ предшествовавшей статьѣ нашей: «кто станетъ утверждать, говорить г. Ржевскій, чтобы не только у насъ въ Россіи, но и во всѣхъ другихъ государствахъ, гдѣ образованіе болѣе распространено и пустило болѣе глубокіе корни, классъ чиновниковъ, и особенно чиновниковъ для письмоводства, былъ представителемъ высшаго умственнаго, научнаго и практическаго развитія? Этого быть не можетъ, по причинамъ, которыя оправдываетъ теорія и подтверждаетъ практика».

«Возьмите нѣсколько выпусковъ изъ двухъ-трехъ университетовъ, или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; рассмотрите поименно судьбу всѣхъ окончившихъ курсъ молодыхъ людей, и вы увидите нижеслѣдующее явленіе: «масса всѣхъ окончившихъ курсъ распадается обыкновенно на три группы, изъ коихъ меньшинство принадлежитъ къ первой и третьей, а вторая, то-есть средняя, составляетъ большинство».

«Въ первой группѣ заключаются самыя даровытыя личности, окончившія курсъ съ полнымъ успѣхомъ, умственные вожди будущихъ поколѣній. Какого рода дѣятельности посвящаютъ они себя? Наукамъ, литературѣ, даже промышленнымъ обширнымъ предпріятіямъ, если имѣютъ къ тому возможность,

наконецъ нѣсколькимъ видамъ государственной службы, особенно привлекательнымъ (?), на примѣръ дипломатической службѣ, но рѣдкіе пойдутъ въ должность помощниковъ столоначальника». (Вѣроятно авторъ думаетъ, что если кто поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ, тотъ получитъ прямо высшее мѣсто и его тотчасъ спросятъ, какъ спросилъ Маниловъ своего Оемистоклюса: «хочешь быть посланникомъ?»).

«Третья группа заключаетъ въ себѣ окончившихъ курсъ неудачно. Участь ихъ вообще самая разнообразная: одни погибаютъ подъ гнетомъ дѣйствительности, къ которой они не умѣли приноровиться въ учебномъ заведеніи, и которую не смогутъ побѣдить на жизненномъ поприще. Другіе, совершивъ трудный процессъ внутренняго перерожденія, не только догоняютъ, но и опережаютъ большую часть своихъ сверстниковъ. Но какую бы участь, мрачную или блестящую, ни готовила имъ судьба ихъ, съ увѣренностію можно сказать одно: они никогда не сдѣлаются исправными канцелярскими чиновниками».

«Остается вторая или средняя группа. Названіе средней самое приличное, потому что отличительный ея характеръ — благоразумная средина и мирная посредственность. Вотъ тотъ путь, который болѣею частію проходятъ молодые люди, принадлежащіе ко второй группѣ или къ большинству окончившихъ курсъ. Первое, что ихъ поражаетъ при вступленіи на службу, это бесполезность науки и непримѣнимость истинъ, такъ высоко цѣнимыхъ ею. Науки они не усвоили себѣ. Мудрено ли, что они дѣлаются часто врагами науки и обращаются въ безусловныхъ поклонниковъ практики. Хотя со временемъ, когда голова ихъ украсится сѣдиной, или лысиной, они и любятъ, поглаживая толстое брюшко, или вычищая длинные ногти, тряхнуть стариной, потолковать о предметахъ возвышенныхъ, о наукахъ, о литературѣ, и особенно о живописи или другихъ искусствахъ, но это болѣе такъ, для плезиру, или чтобы показать самонадѣянной молодости, что и мы-де не какіе нибудь невѣжды, и въ молодости не хуже другихъ кое-чему учились. Особенно же замѣтилъ я, говорить

авторъ, что этотъ родъ чиновниковъ, не извѣстно по какой причинѣ, любитъ говорить о картинахъ, о выставкахъ въ академіи художествъ и объ архитектурѣ, конечно, не съ художниками и любителями искусства, а съ завѣжными провинціалами».

Далѣе авторъ въ четвертой главѣ обращается къ служебнымъ занятіямъ чиновниковъ и говоритъ сперва о «внѣшней сторонѣ официальныхъ трудовъ высшихъ бюрократическихъ учреждений, т. е. о движеніи бумагъ. Здѣсь онъ утверждаетъ, что бумага, поступивъ въ департаментъ, дѣлаетъ 37 переходовъ изъ рукъ въ руки. Мы считаемъ лишнимъ исчислять эти переходы и доказывать невѣрность словъ автора; всякій, практически знакомый съ министерскою службою, согласится съ нами, что авторъ увеличилъ цифру по крайней мѣрѣ втрое. Затѣмъ авторъ переходитъ къ обзорѣню внутренняго содержанія бумагъ и дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи: представленія для свѣдѣнія и представленія о разрѣшеніи. Къ первымъ авторъ ошибочно относитъ только срочныя донесенія и вѣдомости и «судьбу» ихъ опредѣляетъ тѣмъ, что онѣ не разсматриваются не только главнымъ начальникомъ административной части, но даже и начальниками отдѣлений, и разсмотрѣніе «ихъ нерѣдко поручается, какъ *hors d'oeuvre*, или какому нибудь вповѣ опредѣлившемуся чиновнику, или прикомандированному для испытанія», (отчего же авторъ не хочетъ позволить разсмотрѣніе ихъ столоначальникамъ, или помощникамъ столоначальниковъ?), а потомъ бумаги эти «сдаются въ архивъ»; о наблюденіи же живомъ, по бездоказательному мнѣнію автора, не можетъ быть и рѣчи. Вторую категорію бумагъ авторъ опять дѣлитъ на двѣ категоріи: по однимъ можетъ быть отказъ въ разрѣшеніи, а по другимъ не можетъ быть отказано въ разрѣшеніи. Это раздѣленіе опять не вѣрно: по всякому дѣлу можетъ быть отказано въ разрѣшеніи, если оно не согласно съ видами и цѣлями административной власти. Въ подкрѣпленіе своего мнѣнія авторъ говоритъ: «выдачи суммъ, превышающихъ извѣстную цифру въ различныхъ вѣдомствахъ, не производятся иначе, какъ съ особаго

каждый разъ разрѣшенія центральной администраціи. Можетъ ли быть отказано въ этомъ разрѣшеніи, когда самый предметъ расхода, какъ то подрядъ, поставки, возведеніе строенія, уже разрѣшенъ, или допущенъ закономъ, какъ, наприм., ссуда подъ залогъ недвижимаго имѣнія и т. п. Конечно нѣтъ, но разсмотрѣніе представленія и не состоитъ въ разсмотрѣніи сущности вопроса, выдать ли деньги, или нѣтъ, а относится только къ формѣ, т. е. всѣ ли соблюдены обрядности торговъ, всѣ ли представлены документы и т. п.» А если окажется, что не всѣ документы представлены, не соблюдены обрядности, то развѣ послѣдуетъ разрѣшеніе? Смѣемъ думать, что нѣтъ. Но если бы мы и согласились, что будетъ дано разрѣшеніе по приведеніи дѣла въ надлежащій видъ, что однако не всегда возможно и не всегда непремѣнно должно случиться, (напримѣръ, оказался бы подлогъ и обманъ со стороны подрядчика), то все таки представленіе о разрѣшеніи имѣетъ смыслъ, потому что при разсмотрѣніи этого представленія контролируется дѣйствіе по дѣлу подчиненныхъ мѣстъ.

Касательно бумагъ, по которымъ «можетъ быть отказано въ разрѣшеніи», авторъ говоритъ, что «подобное представленіе» выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ бумагъ, и должно приводить *въ затрудненіе канцелярію, какъ изготовить докладъ*. Что это еще онъ тамъ выдумалъ? Вотъ первая мысль, первое слово, которое вырывается у чиновника, занимающагося письмоводствомъ, и желаніе отказать есть первое желаніе, которое встрѣчаетъ такое неумѣстное, слишкомъ самостоятельное дѣйствіе провинціала. Обыкновенно дѣло представляется въ такомъ видѣ, что скорое согласіе имѣло бы характеръ опрометчивости, набросило бы невыгодную тѣнь на самостоятельность начальства. Нужно сдѣлать нѣсколько запросовъ, хотя бы только *для приличія*. Между тѣмъ время проходить, обстоятельства измѣняются, а съ ними можетъ измѣниться и сущность самаго дѣла. Такъ бываетъ, если всѣ лица, отъ которыхъ зависитъ судьба представленія, согласны съ его содержаніемъ; если же съ нимъ согласенъ только одинъ изъ докладчиковъ, то ему приходится защищать его передъ прочими на свой

собственный страх. Но говорить въ пользу сдѣланнаго представленія можетъ быть трудно и даже опасно; а какъ легко говорить противъ него! Тутъ есть случай обнаружить свою проникательность, привести въ докладѣ примѣры прежнихъ отказовъ, и тѣмъ самымъ выказать не только свои способности, но также опытность и знакомство съ ходомъ дѣлъ прежняго времени. Вотъ почему вѣроятность отказа, даже при полномъ безпристрастїи всѣхъ чиновниковъ высшей канцеляріи, бываетъ очень велика.

Какой же результатъ служебныхъ занятій чиновниковъ по мнѣнію автора? Бумага, по его изображенію, дѣлаетъ 37 переходовъ для того, чтобы попасть въ архивъ безъ надлежащаго разсмотрѣнія, или для того, чтобы по ней не послѣдовало разрѣшенія, если это только возможно. И подобные голословные выводы и недоказанные факты Ржевскій называетъ *«теоретическими разсужденіями»* (стр. 787.) Хороша теорія! Но еслибы все описанное авторомъ дѣйствительно существовало, то это было бы ничто иное, какъ послѣдствие злоупотребленій, лѣни, неспособности чиновниковъ, а никакъ не результатъ бюрократической администраціи. Авторъ впрочемъ думаетъ иначе: «излагая въ общихъ чертахъ дѣйствіе бюрократіи по отправленію и обсужденію текущихъ дѣлъ, мы старались, говоритъ онъ, отыскать *общія и основныя* причины описанныхъ нами явленій, ибо *всѣ личныя недостатки, злоупотребленія и нарушенія порядка, какъ случайности частныя, мы не только не желаемъ выставить на видъ, но и полагаемъ, что, при обсужденіи теоретическаго вопроса, ихъ вовсе не слѣдуетъ принимать въ соображеніе*, если только они не вытекаютъ прямо изъ свойствъ и сущности разсматриваемой системы». «Займемся теперь, продолжаетъ г. Ржевскій, разсмотрѣніемъ той роли, которую играетъ бюрократическая система внѣ отправленія текущихъ дѣлъ, именно при общихъ или частныхъ реформахъ. Что значить всякое преобразование существующаго порядка? Это есть исправленіе замѣченныхъ въ немъ недостатковъ, то есть измѣненіе тѣхъ частей системы, которыя, по какимъ бы то ни было причинамъ, производятъ

беспорядокъ. Кто же можетъ замѣтить эти недостатки? Для канцелярій такая задача почти недоступна: сужденіе о недостаткахъ установленнаго порядка не входитъ въ кругъ ихъ дѣятельности, ихъ вниманіе обращено не на связь явленій общественной жизни и не на общіе результаты, а на частные случаи, и то преимущественно по мѣрѣ ихъ отступленія отъ принятыхъ формъ дѣлопроизводства. Но откуда бы ни произошелъ толчокъ, побудившій бюрократію приняться за улучшеніе какой-либо части управленія, положимъ, что онъ данъ, и бюрократія начинаетъ дѣйствовать. Каковъ будетъ первый приѣмъ ея? Собираніе свѣдѣній, болѣе или менѣе тайное. Свѣдѣнія, положимъ, также собраны. Каковы бы ни были формы циркулярныхъ запросовъ, въ отвѣтахъ всего скорѣе будетъ написано только то, что, по мнѣнію мѣстныхъ чиновниковъ, должно быть *пріятно* чиновникамъ столичнымъ, спрашивающимъ ихъ. Кто поручится, чтобы въ этихъ донесеніяхъ заключалась непреложная истина? Вѣдь сами пишущіе ихъ не совершенно знаютъ ее, да если и знаютъ, то не всякій изъ нихъ рѣшится написать, ибо иной подумаетъ: какъ я одинъ напишу чистую правду, а другіе напишутъ съ прикрасами, мнѣ пожалуй и *наклеятъ носъ*. (Это теорія?) Положимъ, однакоже, что первый періодъ, хорошо ли, худо ли, оконченъ, и свѣдѣнія собраны. Каковъ будетъ второй приѣмъ, то-есть, что будетъ сдѣлано съ этими свѣдѣніями? Ихъ необходимо передать для разбора, обсуждения и составленія по нимъ доклада, не одному какому-нибудь столоначальнику или начальнику отдѣленія, обремененному и безъ того массой текущихъ дѣлъ; но или особому чиновнику, или даже особому комитету. Положимъ, что избранъ первый способъ, и что чиновникъ этотъ соединяетъ всѣ возможные выгодныя условія: *онъ уменъ, трудолюбивъ, образованъ*. (Вѣрно чиновникъ не 2 категоріи?). Зная по опыту подробности жизни и потребности одной мѣстности, предполагаемый нами чиновникъ или будетъ все къ ней приноравливать, и сдѣлаетъ проектъ отличный для этой мѣстности, но стѣснительный для всѣхъ прочихъ, или будетъ стараться избѣгать этой погрѣшности, и избѣгая подробностей, всего живаго, част-

наго, точнаго, напишетъ свой докладъ въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ, или, какъ говорится, въ общихъ видахъ, но все таки по необходимости съ точки зрѣнія своей мѣстности. Чтобъ избѣжать этого неудобства, обыкновенно поручаютъ составленіе доклада и обсужденіе предлагаемыхъ мѣръ цѣлому комитету. Само собой разумѣется, что комитетъ станетъ приправлять свои постановленія къ большинству мѣстностей, будетъ расположенъ къ тому, чтобы допускать лишь такія правила, которыя будутъ приходиться ко всѣмъ мѣстностямъ; но по самому своему положенію, онъ не будетъ въ состояніи освободиться отъ наклонности все сглаживать или, какъ говорится, примирять въ общихъ видахъ.»

Въ заключеніе авторъ говоритъ, что «бюрократія должна быть отличима не только отъ правительства, но даже и отъ чиновничества. Бюрократія не есть администрація, а только тотъ видъ администраціи, въ которомъ письменоводство получаетъ верхъ надъ существенною частію самой администраціи, то-есть надъ администраціей дѣйствующею и совѣщающеюся. Административная централизація есть причина такого преобладанія письменоводства; средство противъ этого зла заключается въ административной децентрализаціи.»

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе статьи г. Ржевскаго. При обзорѣ ея мы не касались основной мысли ея, высказанной въ заключеніи статьи, такъ какъ это вывело бы насъ изъ предѣловъ обзорѣнія журналистики. Скажемъ только, что всякое научное убѣжденіе полезно и вызываетъ благодарность къ высказавшему его; но для того, чтобы польза эта не была искажена, необходимо, чтобы и начала, несогласныя и противурѣчашія этому убѣжденію, были выставлены въ настоящемъ свѣтѣ, безъ искаженія и умышеннаго очерненія ихъ: истина говорить сама за себя, а такое искаженіе можетъ только затемнить ее.

Перейдемъ къ другимъ журналамъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» мы находимъ весьма интересную, хотя очень небольшую статью г. Чебышева—Дмитріева: «о современномъ состояніи и задачахъ науки уголовного права». Статья эта

есть вступительная лекція, читанная въ казанскомъ университетѣ предъ открытіемъ курса уголовного права въ 1860 году. По самому характеру и цѣли этой статьи, авторъ естественно не могъ въ ней съ должною обширностію и полнотою развить своей задачи и необходимо ограничился краткимъ очеркомъ. Не смотря однако на краткость очерка, въ немъ авторъ успѣлъ обнаружить свѣтлый взглядъ на предметъ и высказать много дѣльныхъ мыслей. Приведемъ въ подтвержденіе словъ нашихъ главнѣйшія мысли автора. Сперва онъ указываетъ на односторонность и гибельныя послѣдствія исключительнаго дѣйствія въ наукѣ и законодательствѣ теорій *справедливости* и *полезности* и отсюда выводитъ, что уголовное право должно корениться, съ одной стороны, въ почвѣ всеобщей правды и справедливости, съ другой—въ потребностяхъ того общества, для котораго оно назначается. Уголовное право состоитъ такимъ образомъ изъ двухъ частей: абсолютной и относительной. Съ одной стороны, наука руководитъ къ уясненію основныхъ началъ права и справедливости, къ познанію условій преступности и наказуемости, къ установленію истиннаго соотношенія между преступленіемъ и наказаніемъ. Съ другой стороны, опытъ представляетъ матеріалы для узнанія современныхъ нравственныхъ понятій народа, временныхъ и мѣстныхъ его потребностей и средствъ, служащихъ къ достиженію особенныхъ цѣлей законодательной дѣятельности. Наука и опытъ, теорія и практика, взаимно себя проникая и восполняя, должны служить основой уголовному уложенію.

Что касается, во первыхъ, абсолютной части уголовного права, то уголовная система должна быть согласна съ высшей цѣлью всѣхъ человѣческихъ обществъ, должна находиться въ гармоніи съ достоинствомъ человѣка. Въ этомъ отношеніи законодатель долженъ остерегаться и духа системъ, потому что ему нужна цѣлость истины и инстинктивнаго чувства, потому что ему нужны рационально-выведенныя слѣдствія, и одинъ просвѣщенный разумъ можетъ отдѣлать слѣзую страсть отъ естественнаго чувства блага и справедливости.

Но, удовлетворивъ требованіямъ абсолютнаго правосудія, законодатель исполнить еще только половину своего дѣла. Уголовное законодательство должно быть согласно съ особыми цѣлями законодательной дѣятельности. Три главныя задачи представляются въ этомъ отношеніи, именно:

Всякое преступленіе есть результатъ извѣстной причины: бѣдности, пьянства, неосторожности и т. д. Всякое преступленіе, кромѣ страха уголовной кары, встрѣчаетъ и другія препятствія, которыя предупреждаютъ его совершеніе; сюда относятся препятствія, встрѣчаемыя въ нравственной санкціи, въ религіи, въ общественномъ мнѣніи, личной защитѣ, предупредительной полиціи. Наконецъ, всякое преступленіе, сверхъ уголовного наказанія, влечетъ за собою не юридическое возмездіе болѣе или менѣе сильное: безчестье, страхъ и ужасъ къ преступнику, угрызеніе совѣсти, лишеніе выгодъ, сопряженныхъ съ потерей добраго имени и т. д. Эти причины, препятствія и средства должны составлять для законодателя предметъ тщательнаго изученія. Онѣ могутъ быть болѣе или менѣе дѣйствительны и многочисленны, смотря по степени духовнаго и матеріальнаго развитія извѣстнаго народа. Законодатель долженъ узнать причины, чтобъ удалить ихъ, препятствія, чтобъ не ослабить ихъ, средства не юридическаго возмездія, чтобъ по возможности воспользоваться ими.

Таково тройное направленіе законодательной дѣятельности, по мнѣнію автора. Затѣмъ онъ говоритъ о первой задачѣ, т. е. объ удаленіи причинъ преступленій. Къ числу важнѣйшихъ причинъ авторъ относитъ: 1) мѣстность страны и исконный образъ жизни ея населенія, 2) недостатокъ нравственно-религіознаго воспитанія, незваніе законовъ, господствующія ложныя убѣжденія, обычаи и предрасудки и 3) бѣдность. Что касается этихъ причинъ, то, по нашему мнѣнію, главнѣйшими, наиболѣе общими и наиболѣе доступными для предупредительныхъ мѣръ являются двѣ послѣднія, что же касается до первой причины, то она, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой выражена авторомъ, не имѣетъ самостоя-

тельного значенія. Конечно, мѣстность имѣетъ вліяніе на число и родъ преступленій, но во 1-хъ не мѣстность цѣлой страны, а отдѣльныхъ ея частей и во 2-хъ не сама по себѣ, а по вліянію тѣхъ обстоятельствъ, которыя сосредоточены на этой мѣстности. Напримѣръ, въ большихъ центрахъ населенія, гдѣ люди болѣе связаны между собою, гдѣ болѣе развиты потребности и дороговизна, гдѣ болѣе существуетъ страсть къ относительной роскоши, гдѣ болѣе опасности отъ дурныхъ примѣровъ, гдѣ болѣе развита бѣдность и т. д.,—люди находятъ болѣе поводовъ къ совершенію преступленій, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе не столь густо.

Дѣйствительно, статистика показываетъ, что относительное число преступленій въ большихъ городахъ значительнѣе, чѣмъ въ малыхъ, а въ послѣднихъ значительнѣе, чѣмъ въ селахъ. Точно также и образъ жизни населенія, какъ причина преступленій, невѣрно приведенъ авторомъ: нѣтъ страны, гдѣ бы обитатели вели одинаковій образъ жизни; слѣдовательно, не образъ жизни населенія, а образъ жизни различныхъ классовъ общества можетъ въ этомъ отношеніи имѣть и, дѣйствительно имѣетъ вліяніе; но кромѣ этой причины столь же важное вліяніе имѣютъ и слѣдующія: полъ лица, возрастъ его, первоначальное воспитаніе, родъ занятій и т. п.

Сказавъ о каждой изъ выставленныхъ трехъ причинъ, авторъ весьма справедливо выводитъ, что причина преступленій очень часто заключается въ условіяхъ жизни, которыя и являются главными, а иногда даже единственными ихъ источниками. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что изъ числа всѣхъ преступленій большая половина является не столько позорнымъ клеймомъ для преступника, сколько скорбнымъ укоромъ обществу. Элементы преступленій обыкновенно заключаются въ средѣ, насъ окружающей, въ тѣхъ понятіяхъ, которыя мы изъ нея получаемъ, въ нравственныхъ правилахъ, которыя мы изъ нея почерпаемъ и т. д. Преступнику по болѣе части принадлежитъ только ассимиляція этихъ элементовъ и выработка изъ нихъ, при благопріятныхъ данныхъ, преступленія индивидуальнаго,

ему лично-принадлежащаго. Какъ больной, кромѣ собственной, кроющейся въ его организмъ воспримчивости къ болѣзни, есть показатель вредныхъ для здоровья миазмовъ климатическихъ и другихъ, такъ и преступникъ есть показатель нравственныхъ миазмовъ, носящихся въ томъ обществѣ, къ которому онъ принадлежитъ.

Если же большинство преступленийъ есть не болѣе, какъ проявленіе болѣзни цѣлаго организма въ томъ или другомъ его членѣ, то ясно, что уничтоженіе причинъ преступленийъ далеко не обнимается уголовнымъ законодательствомъ. Отсѣченіе одного больного члена не обезпечиваетъ въ этомъ случаѣ противъ проявленія болѣзни въ другомъ членѣ. Не частная операція поможетъ здѣсь, а радикальное лечение всего организма.

Эта мысль автора вполне вѣрна. Опытъ всѣхъ временъ и народовъ указалъ несостоятельность желанія законодательствъ карательными мѣрами достигнуть уменьшенія числа преступленийъ и выставилъ для этой цѣли необходимость въ положительныхъ мѣрахъ къ предупрежденію и пресѣченію преступленийъ. Теперь начинаютъ сознавать, что наказаніе само по себѣ плохое средство уничтоженія причинъ преступленийъ, что наказанію отнюдь не слѣдуетъ предназначать такой цѣли. Намъ могутъ указать противъ этого на развитіе въ настоящее время такъ называемой пенитенціарной системы, имѣющей цѣлію *исправленіе* преступника. Мы не возстаемъ противъ благотѣльныхъ цѣлей пенитенціарной системы, мы не отрицаемъ ея пользы, вполне сочувствуемъ ея развитію, но скажемъ, что она юридически несостоятельна, если цѣлію наказанія ставитъ исправленіе преступника. Цѣль наказанія должна быть другая и вытекаетъ изъ обязанности государства обезпечить каждому изъ своихъ членовъ свободно-разумную дѣятельность и уничтожить препятствія, полагаемыя ему въ его дѣятельности, — другими словами цѣль наказанія: отнятіе у лица возможности вредить другому въ достиженіи послѣднимъ

своего разумнаго назначенія. Конечно, весьма похвально, если государство воспользуется при этомъ случаѣмъ *исправить* преступника, но такое исправленіе есть уже мѣра полицейская, а не карательная. Такимъ образомъ въ пенитенціарной системѣ мы видимъ соединеніе мѣръ полицейскихъ,—предупрежденія и пресѣченія преступленій, съ мѣрою чисто—карательною, уголовною,—наказаніемъ преступника, и только при такомъ взглядѣ на эту систему можетъ она, по нашему мнѣнію, получить въ наукѣ права гражданства.

Мы коснулись этого вопроса съ тою цѣлю, чтобы показать, что г. Чебышевъ—Дмитріевъ, какъ намъ кажется, изъ вышеприведеннаго его изложенія сдѣлалъ не вполне вѣрный выводъ. Именно онъ говоритъ: «кругъ *уголовной* дѣятельности государства относительно уничтоженія причинъ преступленій не долженъ быть *слишкомъ широкъ*; просвѣщеніе, матеріальное довольство, предупредительная полиція суть *болѣе дѣйствительныя* средства *предупрежденія*. Уголовное наказаніе, какъ *мѣра крайняя*, должно быть употребляемо съ большою осторожностію и экономіей. Намъ, напротивъ того, кажется, что уголовная дѣятельность *вовсе* не имѣетъ мѣста при вопросѣ объ уничтоженіи причинъ преступленія, что цѣль наказанія *вовсе* не состоитъ въ *предупрежденіи* преступленій и что положительныя мѣры, выставленныя авторомъ,—просвѣщеніе, улучшеніе благосостоянія народа, предупредительная полиція являются не только *болѣе дѣйствительными*, но и *единственно дѣйствительными* средствами уничтоженія причинъ преступленій. Конечно, и наказаніе можетъ предупредить на будущее время возможность преступленія, но это есть во 1-хъ *послѣдствіе*, а не *цѣль* наказанія и во 2-хъ *послѣдствіе* только *возможное*, а не *необходимое*.

Прослѣдимъ дальнѣйшія мысли автора. Выше, какъ мы видѣли, онъ указалъ необходимость соединенія принципа справедливости и принципа пользы, далѣе онъ раскрываетъ необходимость соединенія теоріи права съ исторіею. Преступленіе, говоритъ онъ, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ *двойное* зло: нравственное и матеріальное. Дѣйствіе, заключающее

въ себѣ одно нравственное зло, есть грѣхъ; дѣйствіе, заключающее въ себѣ одно матеріальное зло, есть неосторожность, несчастный случай и т. п., но не преступленіе. Измѣненіе матеріальнаго зла—вещь крайне трудная и возможная только при совершенномъ знаніи общества.

Человѣкъ, который бы изъ глубины своего кабинета, не обращая вниманія на дѣйствительность, вздумалъ издавать уголовные законы, взялъ бы на себя невозможный трудъ. Никакая теорія, никакой геній не помогли бы ему, не замѣнили бы ему собой знанія дѣйствительной жизни.

Отсюда авторъ справедливо выводитъ важность исторіи: исторія должна служить исходной точкой для науки и законодательства. Судебная статистика представляетъ богатые матеріалы; но статистическіе труды составляютъ только часть дѣятельности. Необходимо знать при каждомъ родѣ и видѣ преступленій и наказаній народныя вѣрованія, мнѣнія и убѣжденія, ихъ зарожденіе, развитіе, упадокъ, ихъ связь съ другими сторонами народной жизни.

Но до настоящаго времени ни законодатели, ни криминалисты не старались о приобрѣтеніи этихъ свѣдѣній.

Изъ всего сказаннаго авторъ выводитъ, что наукѣ уголовного права предстоятъ въ настоящее время слѣдующія задачи:

1) Она должна помирить принципъ справедливости и принципъ пользы, которые до сихъ поръ боролись между собою, стремясь каждый къ исключительному обладанію, а для этого во 2-хъ нужно познакомиться съ жизнью, уразумѣть ее, брать у нея уроки. И дѣйствительно, уже явилось широкое, жизненное воззрѣніе на задачи исторіи вообще и исторіи права въ частности. Тѣсныя нѣкогда предѣлы исторіи права расширяются болѣе и болѣе. Философія и исторія подаютъ другъ другу руки.

«Въ настоящее время, заключаетъ авторъ, наука уголовного права еще не въ состояніи удовлетворить недавно поднявшимся требованіямъ. Мы видимъ попытки, правда, очень замѣчательныя, но эти начинанія еще очень далеки отъ осу-

щественія. Наука уголовного права, нѣкогда гордая своимъ могуществомъ, поняла, что требованія превышаютъ ея средства. Она увидѣла, что шла доселѣ по ложному пути и очень немного приобрѣла на немъ, изъ чего можетъ теперь сдѣлать полезное употребленіе. Въ этомъ сознаніи лежитъ залогъ будущаго совершенства, и мы уже видимъ не одну отрицательную, но и положительную дѣятельность, не одно разрушеніе стараго, но и созиданіе новаго. Наука уголовного права вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія, прокладываетъ новый путь.»

Изъ статей, изслѣдующихъ исторію права, укажемъ на весьма любопытную рѣчь г. Кавелина, сказанную имъ въ торжественномъ собраніи с. петербургскаго университета 8 февраля 1860 г.: «Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія и сравненіе теперешняго русскаго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ.» (Современникъ 1860 г. февраль). Объемъ статьи не позволяетъ намъ познакомить читателей съ содержаніемъ этого дѣльнаго изслѣдованія, (съ которымъ впрочемъ читатели, если еще не успѣли познакомиться, то легко могутъ сдѣлать это, такъ какъ оно напечатано отдѣльными оттисками и находится въ продажѣ); укажемъ поэтому только на ту волюнѣ рациональную точку зрѣнія, съ которой взглянулъ профессоръ на избранный имъ предметъ, и на выставленныя авторомъ отличительныя черты нашего законодательства о наслѣдствѣ отъ иностранныхъ: «профессоръ Неволнинъ, говоритъ авторъ, изложилъ полную исторію нашего наслѣдственнаго права въ третьемъ томѣ своей «исторіи россійскихъ гражданскихъ законовъ». Обладая изумительною начитанностью, онъ свелъ всѣ данныя, всѣ отрывочныя извѣстія о наслѣдованіи въ одно цѣлое, подробно обслѣдовалъ ихъ, сравнилъ между собою и воспользовался всѣми, даже повидимому маловажными намеками источниковъ, для объясненія древнихъ постановленій. Трудъ, имъ совершенный, есть въ полномъ смыслѣ слова ученый подвигъ, къ сожалѣнію и до сихъ еще поръ не оцѣненный по достоинству; онъ служитъ и дол-

го еще будет служить основаніемъ и исходною точкою при всѣхъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ. Но, отдавая полную справедливость ученымъ заслугамъ автора, нельзя вполне согласиться со всѣми его выводами. Будучи по преимуществу легистомъ, профессоръ Неволнинъ всюду старался отыскать и возстановить непосредственную связь между законами. Такая метода изслѣдованія вполне достигаетъ своей цѣли въ примѣненіи къ римскому праву и тѣмъ новѣйшимъ законодательствамъ, въ которыхъ юридическія начала уже вполне установились и выяснились, но она очевидно недостаточна при изученіи такихъ историческихъ эпохъ, когда обычай служитъ закономъ, а законъ писанный лишь измѣняетъ и дополняетъ обычай, и потому представляетъ одиѣ отрывочныя правила, не имѣющія между собою непосредственнаго отношенія, когда юридическія начала еще не опредѣлились, находятся еще въ нестройномъ смѣшеніи и вслѣдствіе того, не имѣя возможности развиваться самостоятельно и послѣдовательно, оказываютъ непрерывное вліяніе другъ на друга, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Для изученія такихъ эпохъ нужна другая метода; необходимо взглянуть во всю совокупность быта, посреди котораго возникаютъ изслѣдуемые отрывочныя юридическіе факты, и въ немъ, чрезъ него, искать между ними единства, за недостаткомъ непосредственной связи. Вотъ путь, на который должны ступить рано или поздно изслѣдователи древняго нашего права». Послѣдующее изложеніе есть ничто иное, какъ попытки объяснить, съ этой точки зрѣнія, историческое развитіе нашего порядка законнаго наследованія.

Результатъ сравненія авторомъ отечественнаго законодательства о наследствѣ по закону съ иностранными слѣдующій:

- 1) порядокъ законнаго наследованія по русскому законодательству основанъ на родовомъ началѣ и потому различіе имуществъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ играетъ въ немъ весьма важную роль. Но историческое начало рода, лежащее въ основаніи нашего порядка законнаго наследованія, уступило отчасти новымъ понятіямъ о семейныхъ и родственныхъ

связяхъ, и чрезъ это произошло смѣшеніе началъ и непослѣдовательность, которой не находимъ въ другихъ европейскихъ законодательствахъ. Послѣдніе не знаютъ различія между родовыми и благопріобрѣтенными имуществами, не принимаютъ родъ за основаніе порядка законнаго наслѣдованія. Бракъ соединяетъ два рода на совершенно равныхъ правахъ. Плодъ брака—дѣти равно близки роднымъ отца и роднымъ матери. И такъ, средоточіемъ, исходнымъ пунктомъ для опредѣленія порядка законнаго наслѣдованія является не отвлеченное понятіе рода, съ преобладаніемъ мужскаго пола передъ женскимъ, а семья, въ которой мужъ и жена, или отецъ и мать относительно наслѣдованія, юридически совершенно равны.

2) Въ связи съ предыдущимъ находятся два другихъ важныхъ различія нашего порядка законнаго наслѣдованія отъ европейскихъ. Послѣдніе, проводя послѣдовательно свое начало наслѣдованія, совершенно уравниваютъ наслѣдственныя части мужчинъ и женщинъ, въ нисходящихъ, восходящихъ и боковыхъ линіяхъ. Наше законодательство сперва вовсе не допускало къ наслѣдованію женщинъ при мужчинахъ, когда тѣ и другіе принадлежатъ къ одной линіи и состоятъ въ одинаковой степени родства съ умершимъ; теперь же оно отчасти призываетъ къ наслѣдованію нисходящихъ женскаго пола, но въ боковыхъ линіяхъ удержало прежнее начало. Далѣе: иностранныя законодательства призываютъ къ наслѣдованію отца, мать и другихъ восходящихъ родственниковъ, давая имъ первенство то передъ родными братьями и сестрами, то передъ сводными и во всякомъ случаѣ передъ прочими боковыми родственниками. Наше законодательство даетъ родителямъ бездѣтно умершаго только право пожизненнаго пользованія въ имуществѣхъ благопріобрѣтенныхъ и подъ извѣстными условіями, право наслѣдственнаго возвращенія (*retour successoral*); но не наслѣдованія въ настоящемъ смыслѣ слова. Всѣ прочіе затѣмъ восходящіе совершенно устранимы отъ наслѣдованія, что, можетъ быть, тоже не всегда согласно съ родовымъ порядкомъ законнаго наслѣдованія.

3) Законодательства римское, французское и прусское допускают наследованіе незаконнорожденныхъ дѣтей и ихъ законнаго потомства, первое только послѣ матери и ея родственниковъ, послѣднія не только послѣ матери, но даже и послѣ отца. Наше законодательство безусловно отвергаетъ право наследованія незаконнорожденныхъ.

4) Наследованіе по праву представленія превосходно обработано во французскомъ правѣ и строго отличено отъ наследованія на основаніи собственнаго права. Въ нашемъ законодательствѣ право представленія существуетъ, но не развито юридически и не различено точнымъ образомъ отъ наследованія по собственному праву, какъ ни важно это различіе при опредѣленіи наследственныхъ частей.

5) Во всѣхъ иностранныхъ законодательствахъ между усыновителемъ и усыновленнымъ существуетъ право законнаго наследованія. Въ сводѣ законовъ усыновленные наследуютъ послѣ усыновителей во всѣхъ званіяхъ, кромѣ дворянскаго сословія, но нѣтъ рѣчи ни о наследованіи усыновителя послѣ усыновленнаго, умершаго безъ потомства, ни даже о возвращеніи по наследственному праву (*retour successoral*) имущества, подареннаго усыновителемъ усыновленному, когда послѣдній не оставитъ по себѣ потомства.

6) Рѣшительное преимущество нашего законодательства передъ иностранными состоитъ въ правѣ наследованія супруговъ другъ послѣ друга.

7) Право французское и прусское принимаютъ двоякія основанія для устраненія законнаго наследника отъ наследованія: безусловныя, лишаящія его вообще права наследовать послѣ кого бы то ни было, и относительныя, въ силу которыхъ наследникъ устраняется отъ законнаго наследованія послѣ извѣстнаго только лица, вслѣдствіе того, что нарушилъ въ отношеніи къ нему родственныя, правственныя, человѣческія обязанности. Наше законодательство признаетъ только безусловныя причины устраненія отъ наследства; послѣднія, относительныя, ему неизвѣстны.

8) Наконецъ, французское законодательство ограничиваетъ законное наслѣдованіе по родству пзвѣстною (двѣнадцатою) степенью и устраниаетъ отъ наслѣдства за неродственные поступки; прусское даетъ преимущество въ наслѣдованіи постороннимъ, даже юридическимъ лицамъ (заведеніямъ) передъ родными, когда посторонніе, чужіе, поступали съ оставившимъ наслѣдство, при жизни его, какъ родные. Отсюда видно, что и французское и прусское законодательство, не ограничиваясь родословными росписямъ, признаютъ родство за основаніе законнаго наслѣдованія въ той лишь мѣрѣ, какъ оно совпадаетъ съ дѣйствительно близкимъ, родственными отношеніями, а не существуетъ только юридически, по одному имени. Въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ слѣдовъ никакихъ подобныхъ ограниченій въ наслѣдованіи родственниковъ.

Эта статья есть лучшая изъ немногихъ, находимыхъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, и посвященныхъ исторіи права.

Перейдемъ къ статьямъ, имѣющимъ практической характеръ. Число этихъ статей сравнительно съ изслѣдованіями въ области философіи и исторіи права, весьма велико.

Большая часть этихъ статей разсматриваетъ вопросы о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, а въ числѣ ихъ перевѣсь принадлежитъ статьямъ объ устройствѣ суда и расправы въ иностранныхъ государствахъ и особенно въ Англии. «Русскій вѣстникъ» въ особенности богатъ такими статьями. Здѣсь, кромѣ статьи, разсматривающей исторически судебныя учрежденія Англии,—статья г. Утина: «очеркъ историческаго образованія суда присяжныхъ въ Англии» (Русск. Вѣстн. мартъ кн. 1 и 2), назовемъ слѣдующія: «Сэръ Корнвалль Льюизъ объ аппеляціи въ уголовныхъ дѣлахъ» (Р. В. мартъ кн. 2). Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено извлеченіе изъ рѣчи г. Льюиза, англійскаго секретаря внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ рѣчь эта, по словамъ предисловія къ ней, «исчерпываетъ вопросъ объ уголовной аппеляціи и въ то же время интересна тѣмъ, что можетъ познакомить съ теперешнимъ высокимъ состояніемъ уголовного судопроизводства въ Англии». Кромѣ этой статьи въ Русскомъ

Вѣстникъ находимъ: «*Nil admirari*» (Р. В. мартъ № 2), краткій панегирикъ Англіи вообще и мировымъ судамъ въ особенности; «Англійскіе суды,» изъ путевыхъ замѣтокъ, г. Заруднаго, (Р. В. августъ кн. 2), «путевыя замѣтки о тюрьмахъ и уголовныхъ наказаніяхъ въ Англіи», егоже (Сентябрь кн. 2) (объ этой статьѣ была помѣщена замѣтка г. Хвостова въ декабрьской книжкѣ нашего журнала) и др. Много подобныхъ статей разсѣяно и по другимъ журналамъ, напримѣръ, «по поводу англійской юстиціи міра» г. Утина (Совр. № 4), «замѣчательный процессъ въ парижскомъ уголовномъ судѣ (Библ. для чт. № 1)» «объ изслѣдованіи преступленій въ устномъ и гласномъ процессѣ», г. Палюбецкаго (Русск. Слово № № 2 и 5) «иностранныя судебная лѣтопись (Русск. Слово № 4)», процессъ епископа Орлеанскаго Дюпанлу (Наше Время № 10) и проч.

Изъ статей, относящихся къ постановленіямъ отечественнаго законодательства, обращаетъ на себя вниманіе: «приобрѣтеніе собственности и поземельныя книги» г. Побѣдоносцева (Русск. Вѣстп. Июль кн. 1 и 2). Въ этой весьма дѣльной статьѣ, авторъ, послѣ краткаго теоретическаго взгляда: на предметъ и историческаго очерка его въ иностранныхъ государствахъ и Россіи, приходитъ окончательно къ слѣдующему заключенію: указавъ неудовлетворительное положеніе въ нашемъ законодательствѣ вопроса о приобрѣтеніи вотчиннаго права и невозможность исправленія его недостатковъ простымъ заимствованіемъ формъ отъ иностранныхъ государствъ, г. Побѣдоносцевъ предлагаетъ возможнымъ въ настоящее время приступить къ подготовительнымъ мѣрамъ. «Одною изъ главныхъ цѣлей генеральнаго межеванія, говоритъ онъ, было: совершить ликвидацію частной поземельной собственности по всей Россіи; это великое дѣло должно было увѣнчаться спеціальнымъ межеваніемъ и понудительнымъ размежеваніемъ разнопомѣстныхъ дачъ. Ликвидация эта, какъ извѣстно, далеко еще не кончена, и едва ли суждено ей совершиться въ скоромъ времени. Ожидать ея окончанія до тѣхъ поръ, пока можно будетъ приступить къ установленію новыхъ формъ передачи вотчинныхъ и

вещныхъ правъ, едва ли возможно: намъ предстоитъ удовлетворить насущную потребность, прекратить, на сколько возможно въ настоящемъ положеніи, существующую неопредѣленность и невѣрность вотчиннаго права. По нашему мнѣнію, говоритъ авторъ, возможно пристуиить къ этому немедленно; но прежде введенія новыхъ формъ необходимо постронть для нихъ по возможности твердое матеріальное основаніе, то-есть собрать вѣрныя свѣдѣнія о каждой дачѣ частнаго владѣнія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ предполагается ввести новый порядокъ, отдѣливъ дачи окончательно ликвидированныя отъ тѣхъ дачъ, въ которыхъ окончательная ликвидація вотчинныхъ правъ пока еще невозможна. Генеральнымъ межеваніемъ, судебными производствами о дачахъ общаго владѣнія и о спорахъ вотчинныхъ, собрано огромное количество актовъ, могущихъ служить вѣрными данными для разрѣшенія почти по каждой дачѣ вопроса о вѣрности или невѣрности вотчиннаго права въ данную минуту. Въ большей части дачъ можетъ быть, хотя и съ приблизительною вѣрностію, разрѣшенъ вопросъ и о количествѣ чистаго, не подлежащаго спору владѣнія, соединеннаго съ извѣстнымъ правомъ извѣстнаго владѣльца. Если бы люди опытные и юридически образованные взялись за пересмотръ этой массы документовъ и свѣдѣній съ общою цѣлію извлечь изъ нея существенныя свѣдѣнія для опредѣленія матеріальнаго состава и вотчиннаго права въ дачахъ частнаго владѣнія, то задача оказалась бы разрѣшимою. При такомъ изслѣдованіи вовсе нѣтъ нужды ни въ какой ревизіи вотчинныхъ документовъ, а достаточно только имѣть въ виду новѣйшій, послѣдній актъ, которымъ опредѣляется право владѣльца, какъ-то: окончательное рѣшеніе, безспорную купчую, раздѣльный актъ, и т. п.,—собственно для того, чтобы можно было сказать: какое право, какое владѣніе въ данную минуту представляется опредѣленнымъ или безспорнымъ и какое должно быть причислено къ спорнымъ или неизвѣстнымъ. Надобно будетъ только указать на фактъ, а не повѣрять и опредѣлять право: точно тоже слѣдуетъ ска-

затѣ и объ опредѣленіи границъ или количества владѣнія и составныхъ частей дачи по планамъ и актамъ безспорнымъ. Здѣсь не должно еще быть рѣчи о хозяйственныхъ описаніяхъ или оцѣнкахъ: это задача послѣдующаго времени. На первый разъ собранными свѣдѣніями обозначится юридическій титулъ каждаго имѣнія и степень его безспорности, равно матеріальное пространство вотчиннаго владѣнія и степень его безспорности. Въ этомъ видѣ слѣдуетъ извлеченныя свѣдѣнія сдѣлать извѣстными владѣльцамъ и всѣмъ стороннимъ лицамъ чрезъ предъявленіе и публикацію, для того чтобы всѣ, до кого дѣло касается, могли сообщить свои замѣчанія и возраженія, указать на новые документы, споры, требованія и т. п., не для сужденія о правѣ, но для того, чтобы собранныя свѣдѣнія могли имѣть надлежащую полноту. Затѣмъ уже, по истеченіи опредѣленнаго срока, свѣдѣнія эти должны послужить основаніемъ описательныхъ статей или листовъ для каждаго отдѣльнаго имѣнія. На первый разъ то уже будетъ важно, что безспорное и ясное отдѣлится отъ спорнаго или неяснаго. Потомъ, послѣ нѣкотораго срока, необходимо будетъ произвести одновременную повѣрку всѣхъ листовъ, и накопецъ уже приступить къ приведенію въ дѣйствіе транскрипціонной системы. Не предполагая говорить о томъ, на какихъ началахъ и въ какой формѣ она должна быть устроена, мы желали, заключаетъ авторъ, только указать на предварительную подготовку ко введенію ея, которая по нашему мнѣнію, необходима».

Кромѣ этой статьи назовемъ еще: «практическія замѣтки дѣловаго человѣка (Библ. для Чит. №. №. 1 и 4), «городская полиція» Угорскаго (Библ. для Читенія №. 3)», «о нашихъ ходатаяхъ по дѣламъ», г. Лохвицкаго (Русск. Слово №. 5)», «о паспортахъ» г. Щербаня (Русск. Вѣстн. №. №. 1 и 2), «о паспортахъ», г. П. Г. (Отеч. Зап. апрѣль), «повальный обыскъ и очная ставка», г. В. П. (Отеч. Зап. апрѣль) и друг.

Разсмотрѣніе содержанія этихъ статей чрезъ мѣру увеличло бы объемъ нашего обзора, и потому мы остановимся

на сказанномъ, тѣмъ болѣе, что большая часть практическихъ вопросовъ, затронутыхъ въ отечественной литературѣ, уже возбуждены и разрѣшаются правительственнымъ путемъ. Въ первой статьѣ нашей мы старались вывести и объяснить направление и характеръ, который долженъ былъ отразиться въ нашей юридической литературѣ вообще и журналистикѣ въ особенности; обзоръ статей, напечатанныхъ въ журналахъ за 1860-й годъ, кажется, вполне подтверждаетъ слова наши.

Д. МАМАНТОВЪ.

ОТДѢЛЪ IV.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Свѣдѣнія по дѣлопроизводству въ Коммерческихъ судахъ, за 1859 г. Въ 1859 г. производилось въ 9 (*) коммерческихъ судахъ 4156 дѣлъ, изъ нихъ 2533—по письменному производству, а остальное количество (1623—) по словесной расправѣ. Оцѣнка имуществамъ и спорамъ, о которыхъ производились означенныя дѣла въ 1859 г., простиралась на сумму до 29.978,000 р. с.

Всего болѣе дѣлъ производилось въ 1859 г. въ одесскомъ (1299) и с. петербургскомъ (1188) коммерческихъ судахъ; всего менѣе въ архангельскомъ и коммерческомъ судѣ Войска Донскаго: въ первомъ 47 и въ послѣднемъ 30 дѣлъ.

Изъ числа показанныхъ выше дѣлъ (4156) только 56 дѣлъ рѣшено было третейскимъ разборомъ: 47 по словесной расправѣ и 9 по письменному производству; оцѣнка имуществамъ, по которымъ споры окончились въ 1859 г. третейскимъ разборомъ въ коммерческихъ судахъ, простиралась на сумму до 298,206 р. сер.

(*) Свѣдѣнія по тифлисскому коммерческому суду здѣсь не приняты въ расчетъ.

Сверхъ дѣлъ конченныхъ въ 1859 г. третейскимъ судомъ, въ томъ же году рѣшено несравненно болѣе дѣлъ мировыми соглашениями при *посредствѣ* коммерческихъ судовъ, а именно: кончено 522 дѣла по словесной расправѣ и 40 дѣлъ по письменному производству. Наибольшее число дѣлъ, рѣшенныхъ мировыми соглашениями, при посредствѣ судовъ замѣчается въ московскомъ коммерческомъ судѣ (208 дѣлъ; изъ нихъ 203 по словесному производству). Въ 1859 г. рѣшено было дѣлъ примиреніемъ тяжущихся при посредствѣ коммерческихъ судовъ, значительно болѣе, чѣмъ въ предшествующіе за десятилѣтіе годы. Въ 1849 году рѣшено было примиреніемъ только 266 дѣлъ, въ 1853 г. 469 дѣлъ, въ 1858 г. 499, а въ 1859 году, какъ сказано выше, 562 дѣла.

Замѣтка на статью Русскаго Вѣстника: «о судебной статистикѣ Россіи». По поводу помѣщеннаго въ Журналѣ Министерства Юстиціи извлеченія изъ отчета министерства за 1858 г., въ октябрьской (первой) книжкѣ «Русскаго Вѣстника» помѣщена статья о судебной статистикѣ Россіи.

Послѣ справедливой оцѣнки пользы и необходимости собранія вообще статистическихъ свѣдѣній, «Русскій Вѣстникъ», въ отношеніи судебной статистики, упоминаетъ о трудахъ статистическихъ конгрессовъ, собиравшихся въ главныхъ городахъ Европы, говоритъ о предложеніи Миттермайера принять программу предметовъ, по которымъ необходимо собирать статистическія свѣдѣнія о гражданскомъ судопроизводствѣ, и заключаетъ, что на парижскомъ и на вѣнскомъ конгрессахъ всѣми признана необходимость умножить и точнѣе опредѣлить категоріи судебно-статистическихъ свѣдѣній. Все это вполне справедливо, но, сверхъ указанныхъ конгрессовъ, былъ еще другой, *позднѣйшій* конгрессъ, который имѣлъ цѣлю установить общую программу судебной статистики, и въ этомъ послѣднемъ конгрессѣ принимали участіе и наши соотечественники. Занятія юридическаго отдѣла лондонскаго междунаrodnаго

конгресса были под председательством лорда Брума; о заключении этого отдела, по улучшению судебной статистики, можно найти свѣдѣнія въ Экономическомъ Указателѣ (№. 183-й 1860 г.).

Это заключеніе касается не только предметовъ по гражданскому судопроизводству, но и предметовъ уголовной статистики. Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые бы пожелали познакомиться со взглядомъ и мнѣніями послѣдняго международнаго конгресса по судебной статистикѣ, мы считаемъ долгомъ указать на изданія лондонскаго конгресса:

1) International Statist. Congress, program of the fourth session. London. 1860; стр. 18—44. (юр. отд.).

2) Протоколы засѣданій (proceedings on 17, 18, 19 and 20 July. 1860.) юридическаго отдела лондонскаго конгресса.

Какъ ни полезны всѣ усилія ученыхъ къ обработкѣ судебно-статистическихъ свѣдѣній, но до настоящаго времени выработывалась лишь теорія, и нельзя еще сказать: признаютъ ли возможнымъ и гдѣ именно вполнѣ осуществить желанія статистическихъ конгрессовъ, въ отношеніи судебной статистики.

Въ отношеніи судебной статистики Россіи, авторъ статьи, упоминая о печатаніи статистическихъ свѣдѣній по судебной части *отдѣльными книгами*, говоритъ, что извлеченія изъ этихъ книгъ изрѣдка обнародывались для публики. Поэтому надобно полагать, что самыя книги эти были въ рукахъ писавшаго статью въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ этомъ предположеніи, мы перейдемъ къ замѣчаніямъ о неполнотѣ собираемыхъ свѣдѣній по судебной части.

На страницѣ 306 «Русскаго Вѣстника» сказано, что *«суды, особенно низшіе, обыкновенно показываютъ число дѣлъ своихъ общимъ итогомъ, не отличая апелляціоннаго производства отъ частнаго»*. На этомъ Вѣстникъ основываетъ свои заключенія и указываетъ, какъ нужно опредѣлять количество поступленія въ суды дѣлъ. На это мы можемъ замѣтить, что болѣе 20 лѣтъ ни одинъ судъ не показывалъ дѣлопроизвод-

ства общими итогами; суды высшей степени, судебныя палаты и губернскіе суды представляютъ весьма подробную статистическую отчетность (*), изъ которой сводъ, по повѣркѣ отчетовъ, помѣщается въ книгахъ, упоминаемыхъ «Русскимъ Вѣстникомъ» на стр. 304. По дѣламъ судовъ низшей степени, статистическія свѣдѣнія, за тотъ-же періодъ времени, имѣются безъ смѣшенія дѣлъ уголовныхъ съ гражданскими, подлежащихъ апелляціи съ неподлежащими ей, частными и проч.

Въ статьѣ «Русскаго Вѣстника» говорится, что въ общемъ количествѣ дѣлъ, сливаются вмѣстѣ дѣла, начавшіяся за нѣсколько лѣтъ, и дѣла, по коимъ состоялись рѣшенія въ теченіи года. На это считаемъ долгомъ объяснить, что по нынѣшней судебной отчетности, нѣтъ упоминаемаго слитія; суды обязаны показывать даже время производства дѣлъ, время неприведенія рѣшеній въ исполненіе и причины неокончанія дѣлъ, рѣшенныхъ по существу и прочія подробности.

«Русскій Вѣстникъ» на стр. 308 говоря о терминѣ *«рѣшенное дѣло»*, изъясняетъ опасеніе, что читатель можетъ себѣ представить, что рѣшенное дѣло есть и дѣло конченное; во многихъ судахъ, замѣчаетъ Вѣстникъ, вошло въ обычай ставить, въ числѣ рѣшенныхъ дѣлъ, дѣла рѣшенныя къ справкамъ. Но это замѣчаніе не имѣетъ правильнаго основанія, потому что къ отклоненію недоразумѣній и въ видахъ большей точности въ исчисленіи рѣшенныхъ дѣлъ показывается въ судебной отчетности число рѣшенныхъ дѣлъ къ справкамъ, отдѣльно отъ числа рѣшенныхъ по существу, сверхъ сего судебное мѣсто даетъ отчетъ о числѣ дѣлъ, по коимъ состоявшіяся рѣшенія не приведены въ исполненіе, въ тѣхъ случаяхъ когда это наблюденіе за исполненіемъ по исполнамъ относится къ кругу дѣйствій самого суда (*).

(*) Въ числѣ другихъ стат. свѣдѣній имѣются: сколько дѣлъ производилось третейскимъ судомъ, по словесной расправѣ, по письменному производству въ ком. судахъ.

(*) Напримѣръ, по дѣламъ уголовнымъ на основаніи 503 и 506 ст. XV том. 2 ч. св. зак. наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ суда отнесено къ кругу дѣйствій несудебнаго вѣдомства.

На стр. 309 «Русскій Вѣстникъ», говоря о специальныхъ судахъ, замѣчаетъ, что судъ въ землѣ Войска Донскаго, судъ департамента горныхъ дѣлъ (уральскаго горнаго прав.), судъ казачьихъ войскъ и проч. должны быть причислены къ судамъ, потому что занимаются рѣшеніемъ спорныхъ гражданскихъ правъ и интересовъ, но всѣхъ этихъ мѣстъ еще не касалось статистическое изслѣдованіе, а выше, тотъ же журналъ указываетъ, что эти суды не состоятъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи. Эти указанія и предположенія одинаково ошибочны: книги, о которыхъ упомянуто на стр. 304, прямо показываютъ, что означенныя выше судебныя учрежденія, состоя въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, обязаны были къ той же годовой отчетности, какъ и другія судебныя палаты (какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по дѣламъ уголовнымъ). Мы не приводимъ здѣсь статей свода законовъ, о подчиненіи этихъ мѣстъ, на общемъ основаніи судебныхъ учреждений, одному вѣдомству, полагая это излишнимъ.

Едва ли нужно говорить объ уголовной статистикѣ; въ отвѣтъ на задаваемые Русскимъ Вѣстникомъ вопросы ограничимся замѣткою, что ни одинъ родъ, ни одинъ видъ преступленій, ни одна изъ карательныхъ мѣръ законодательства не ускользнули отъ статистической отчетности, а ежели не все могло войти въ извлеченіе изъ отчета, то это еще не значитъ, чтобы по этимъ вопросамъ не было собрано въ свое время необходимыхъ данныхъ, хотя и не все изъ собраннаго подвергалось печати. Мы нисколько не оспариваемъ, что много еще остается сдѣлать, не только у насъ, но и въ западныхъ государствахъ и имѣли случаи даже заявить о томъ въ нашемъ журналѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не замѣтить, что въ отношеніи судебной статистики и особенно уголовной, сдѣлано было много усилій и полезныхъ работъ въ послѣднія два десятилѣтія. Правда, что на статистику гражданскихъ дѣлъ обращено было вниманія менѣе, чѣмъ на уголовную статистику; но это недостатокъ, замѣчаемый въ весьма многихъ

государствахъ Европы. Напримѣръ, въ Англіи только въ 1857 г. обращено было особое вниманіе на статистику гражданскихъ дѣлъ (см. ст. 9-ю. Report on the program of the fourth sess., приведеннаго нами выше сочиненія).

Случай изъ гражданской судебной практики. Въ одной изъ южныхъ губерній, послѣ смерти владѣльца, осталось значительное недвижимое и движимое имущество, обремененное долгами. По вызову судомъ наследниковъ, N началъ доказывать права свои на наследованіе этимъ имѣніемъ.—Неправильное производство дѣла о правахъ его на наследство дало ему возможность приступить къ опроверженію многихъ долговъ.—Поэтому, кредиторы, желая скорѣе получить свои деньги, оспаривали наследственные права N и ходатайствовали о скорѣйшей продажѣ имѣнія.—Имѣніе продано, сдѣланъ расчетъ долговъ; но превышаетъ ли масса имѣнія долги, или не превышаетъ, этотъ вопросъ окончательно еще не разрѣшенъ, потому что не рѣшенъ еще одинъ процессъ, по которому должна поступить въ конкурсную массу значительная сумма денегъ.—Отъ поступления или непоступленія ея въ массу имѣнія будетъ зависѣть полное или неполное удовлетвореніе всѣхъ кредиторовъ.

Итакъ, въ судебныхъ мѣстахъ производятся три дѣла: а) конкурсное, б) о суммѣ денегъ, принадлежащихъ конкурсу и в) о правахъ на наследство N.—Какъ сказано выше, кредиторы оспариваютъ права наследства N, потому что N, какъ наследникъ, оспариваетъ права нѣкоторыхъ кредиторовъ. Отъ утвержденія или неутвержденія наследственныхъ правъ N зависить не только время удовлетворенія кредиторовъ, но, можетъ быть, и самое удовлетвореніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Вотъ въ общихъ чертахъ ходъ и существо юридическихъ отношеній сторонъ.—Приводимъ ихъ для лучшаго уразумѣнія даннаго случая.

Дѣло о правахъ N на наследство разрѣшено уѣзднымъ судомъ въ апелляціонномъ порядкѣ.—Нѣкоторые кредиторы

исполнили апелляціонный обрядъ и принесли въ гражданскую палату апелляціонныя жалобы; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ незаконный срокъ они подали въ палату и *частныя жалобы*.

Въ жалобахъ этихъ кредиторы объясняютъ: уѣздный судъ, по журналу 29 октября, единогласно рѣшилъ дѣло о наследственныхъ правахъ N; наследственные права N не признаны. Журналъ подписали: судья А, засѣдатели Б и В. Что касается четвертаго члена суда Г, то онъ въ засѣданіи 29 октября не присутствовалъ. Вслѣдствіе протеста уѣзднаго стряпчачаго, состоялось 24 ноября новое журнальное постановление.—При этомъ, судья А остался при прежнемъ мнѣніи, засѣдатель В перемѣнилъ прежнее свое мнѣніе и далъ новое, согласное съ протестомъ стряпчачаго, засѣдатель Г, неучаствовавшій въ сужденіи, бывшемъ 29 октября, согласился съ мнѣніемъ В; засѣдатель Б командированъ по дѣламъ службы и при новомъ сужденіи дѣла не былъ.—Этимъ журналомъ постановлено: признать наследственные права N и составить протоколъ по большинству голосовъ засѣдателей В и Г.

На семъ основаніи составленъ 27 ноября протоколъ, подписанный судьей А, засѣдателями В, Г и Б, возвратившимся изъ командировки.—Необъявленіе засѣдателемъ Б опредѣлительно своего мнѣнія, согласенъ ли онъ съ журнальнымъ постановленіемъ 24 ноября, или остался при мнѣніи журнала 29 октября, слѣдовательно,—неизвѣстность, на чьей сторонѣ большинство голосовъ, на сторонѣ ли судьи А, или засѣдателей В и Г, было поводомъ настоящей жалобы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; апелляціонныя же просьбы они подали для того, чтобы удержать исполненіе опредѣленія суда.

Уѣздный судъ въ объяснительномъ рапортѣ противъ этихъ жалобъ, между прочимъ донесъ, что въ день рѣшительнаго опредѣленія, т. е. 27 ноября, присутствовалъ засѣдатель Б, неучаствовавшій въ сужденіи дѣла 24 ноября, и, не находя себя въ правѣ давать какое либо мнѣніе, подписалъ протоколъ, *какъ наличный членъ*. Рапортъ этотъ подписанъ полнымъ присутствіемъ суда, въ томъ числѣ и засѣдателемъ Б.

Для большей наглядности этого случая прилагаемъ таблицку голосовъ:

— 111 —

Журналь 29 октября.

Судья — А.
Засѣда- } Б.
тели } В.
Засѣдатель Г. былъ въ отлучкѣ.

{ рѣшили
{ дѣло едино-
{ гласно

Журналь 24 ноября, состояв-
шійся вслѣдствіе протеста
стряпчago.

Судья А, остался при мнѣніи
журн. 29 октября.

Засѣдатель В измѣнилъ мнѣніе.

Засѣдатель Г, возвратясь изъ
отлучки, согласился съ В.

Засѣдатель Б въ отлучкѣ.

Положено: составить протоколъ
по большинству голосовъ В.

и Г.

Протоколъ 27 ноября.

Судья А
Засѣдатели Б, возвратившійся изъ отлучки
В
Г.

При сужденіи этого частнаго дѣла въ гражданской па-
латѣ, образовалось два мнѣнія:

Первое: Хотя засѣдатель Б, по силѣ 178 ст. 1-й
ч. II т. обязанъ былъ подписать протоколъ по дѣлу, по
которому онъ, при сужденіи 24 ноября, не подписы-
валъ журнала; но эта обязанность не лишала его права и
обязанности, на основаніи 147 и 149 ст. того же тома и
части, объявлять свое мнѣніе свободно и явственно, по пря-
мому своему разумѣнію, и при подписи протокола, какъ это
требуется 154 ст.—Уѣздный же судъ и засѣдатель Б, по
собственному ихъ сознанію, изложенному въ рапортѣ, отсту-
пили отъ своихъ обязанностей: первый тѣмъ, что допустилъ
засѣдателя Б безгласно подписать протоколъ, а второй тѣмъ,
что не исполнилъ требованія закона въ свободномъ и явствен-
номъ объявленіи своего мнѣнія.—Такое отступленіе суда, во-
обще, и засѣдателя Б, въ особенности, отъ закона разрушаетъ
главную силу рѣшительнаго опредѣленія 27 ноября, которое долж-

по состоять въ свободномъ и явственномъ выраженіи членами своихъ мнѣній.—А потому, три члена палаты полагали: протоколъ уѣзднаго суда 27 ноября, по дѣлу о наследственныхъ правахъ N, считать несостоявшимся, всѣ послѣдствія его ничтожными и велѣть суду составить по сему дѣлу новый протоколъ, съ соблюденіемъ въ подачѣ членами голосовъ, въ вызовѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ къ слушанію рѣшенія и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, всѣхъ правилъ, установленныхъ закономъ. Апелляціонныя жалобы возвратить и пр.

Второе: Въ уѣздномъ судѣ состоялись два журнальныя опредѣленія, первое—29 октября, второе—24 ноября. Первое изъ сихъ опредѣленій, какъ отмѣненное въ установленномъ порядкѣ (ст. 2494 и 4082, т. 2) должно остаться безъ всякихъ послѣдствій. Вторымъ же опредѣленіемъ положено было составить протоколъ по мнѣнію засѣдателей В и Г, и, согласно такому заключенію, протоколъ подписанъ былъ засѣдателями В, Г и судьей А, давшимъ особое мнѣніе въ журналѣ 24 ноября, и засѣдателемъ Б, не участвовавшимъ въ сужденіи, бывшемъ 24 ноября. При такихъ обстоятельствахъ, составленный по настоящему дѣлу протоколъ долженъ остаться въ своей силѣ, мнѣніе же засѣдателя Б недействительнымъ, потому что оно дано прежде протеста стряпчего и составленія по оному въ уѣздномъ судѣ опредѣленія 24 ноября, и измѣнено самимъ Б безмолвнымъ подписаніемъ протокола, тогда какъ, на основаніи 180 ст. 2 т. ч. 2, Б, не соглашаясь съ опредѣленіемъ суда 24 ноября, объявилъ бы о томъ для записки въ журналъ. Хотя же, въ настоящее время, судъ и поясняетъ, что Б не находилъ себя въ правѣ давать какое либо мнѣніе, а подписалъ протоколъ какъ наличный членъ, но изъясненіе это не можетъ заслуживать уваженія, потому, во 1-хъ, что объ этомъ не было своевременно записано въ журналъ, во 2-хъ, что измѣненіе это несообразно съ указаніемъ 147 и 149 ст. 2 т. ч. 2, въ 3-хъ, что по смыслу 178 ст. 2 т. всѣ наличные члены подписываютъ протоколъ, не для одного счета, а напротивъ, въ этой статьѣ сказано, что они должны выслушивать дѣло, и наконецъ, въ 4-хъ

при столь ясныхъ указаніяхъ закона и при безусловной подписи Б протокола, всякое произвольное объясненіе судомъ дѣйствию Б неумѣстно и клонится къ перевершенію протокола, что строго воспрещено закономъ.—По симъ соображеніямъ, два члена палаты полагали: въ частной жалобѣ . . . отказать, а протоколъ суда 27 ноября оставить во всей силѣ.

Во время диспута въ палатѣ два члена, давшіе послѣднее мнѣніе, приводили еще слѣдующіе доводы: 1-е, судъ зналъ, что онъ объявлялъ рѣшеніе, которое иначе не могло состояться, какъ единогласно, или по большинству. Въ судѣ не было недоразумѣнія о большинствѣ.—2-е, Когда сторона объявляла на рѣшеніе суда неудовольствіе, она знала, на что она объявляла неудовольствіе и не заявляла тогда же, въ судѣ, своего недоразумѣнія относительно большинства.

Эти доводы вызвали слѣдующія возраженія: 1, судъ ошибся во взглядѣ на обязанность членовъ при подписи протокола. При такомъ ошибочномъ пониманіи, онъ считалъ, что протоколъ долженъ состояться на основаніи большинства голосовъ журнала 24 ноября. Это доказывается еще тѣмъ, что какъ открылось въ послѣдствіи, судья А, оставшійся при мнѣніи 29 октября, при подписаніи протокола просто подписалъ: *судья такой то безъ прибавленія: при мнѣніи 29 октября*, и не смотря на это, никто не сомнѣвается, что судья А остался при мнѣніи, данномъ имъ сперва 29 октября, потомъ 24 ноября.— 2-е, Сторона, изъявившая неудовольствіе на рѣшеніе суда, была тоже введена въ ошибку, которую желаетъ исправить, подавши въ палату въ узаконенный срокъ частную жалобу. Сторона, выслушавши рѣшеніе суда, имѣла право въ 7 дневный срокъ объявить удовольствіе или неудовольствіе. Она этого не сдѣлала, введенная въ ошибку кажущеюся правильностью формъ въ составленіи протокола; она обратила вниманіе только на сущность опредѣленія, что было для нея важнѣе; но когда ей выдали копію съ опредѣленія, когда она получила возможность въ данное время обратить вниманіе и на порядокъ составленія опредѣленія, ей, какъ это видно изъ частной жалобы, показалось страннымъ, что засѣдатель Б ничѣмъ не заявилъ въ

судъ отреченія отъ прежняго своего мнѣнія, и въ узаконенный срокъ подала просьбу въ палату о своемъ недоразумѣннн, выразивши это недоразумѣнне и въ аппеляціи. Могло случиться, что судъ донесъ бы палатѣ о заявленнн засѣдателемъ Б своего согласія, при подписи протокола, съ большинствомъ прочихъ засѣдателей, противъ судьи; тогда палата отказала бы въ частной жалобѣ; но не засѣдатель Б, а судъ, въ полномъ своемъ составѣ, прямо указываетъ на то, какъ онъ понималъ законъ о подписи протокола членомъ, неучаствовавшимъ при сужденнн 24 ноября. Это фактъ; его некуда дѣтъ. Повѣрить его нѣтъ возможности; отрицать его, безъ основанія, нельзя. Слѣдовательно, остается только, взявши донесеніе суда за фактъ, разсуждать о томъ, правильно ли судъ понималъ законъ, или неправильно, и на этомъ основаннн или утвердить дѣйствіе суда, или кассировать. Большинство членовъ палаты пришло къ тому убѣжденнн, что судъ неправильно разумѣлъ законъ; оно и сказало, что судъ не долженъ былъ такъ разумѣть, а потому кассировало и послѣдствія неправильнаго разумѣннн. Оставлять же во всей силѣ дѣйствіе суда на томъ основаннн, что онъ не долженъ былъ такъ разумѣть законъ, какъ онъ доноситъ, значитъ противорѣчить себѣ: оставлять въ своей силѣ то, что находишь неправильнымъ.

Конкурсъ въ Харьковскомъ Университетѣ. Харьковский университетъ обнародовалъ слѣдующую программу конкурса, для лицъ, желающихъ занять кафедру римскаго права.

«Желающій занять означенную кафедру обязанъ представить къ 1-му сентября 1861 года, въ совѣтъ университета: 1) дипломъ на степень доктора юридическихъ наукъ или, по крайней-мѣрѣ, магистра гражданскаго права; 2) разсужденіе, по которому пріобрѣтена ученая степень, и другія печатныя или рукописныя, имѣющіяся у конкурента, сочиненія, могу-

щія служить доказательствомъ его способностей и свѣдѣній по предмету искомой каѳедры; 3) подробную программу для университетскаго курса римскаго права. 4) Сопскаатель, на основаніи § 78 общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ, долженъ дать три пробныя лекціи въ одномъ изъ россійскихъ университетовъ. *Примѣчаніе.* Конкурентъ, имѣющій ученую степень магистра, можетъ поступить въ университетъ преподавателемъ только въ званіи адъюнкта.—Въ харьковскомъ университетѣ ординарный профессоръ состоитъ, по должности, въ VII классѣ и получаетъ жалованья 1,143 руб. 68 коп. и квартирныхъ 142 руб. 95 коп. въ годъ; экстраординарный профессоръ—по должности въ VIII классѣ и получаетъ жалованья 857 руб. 67 коп. и квартирныхъ 114 руб. 30 коп. въ годъ; адъюнктъ—по должности въ VIII классѣ, жалованья 571 руб. 51 коп. и квартирныхъ 85 руб. 80 коп. въ годъ. При увольненіи же изъ университета, прослужившій въ званіи преподавателя 20 лѣтъ получаетъ половину жалованья въ ежегодную пенсію, а прослужившій 25 лѣтъ получаетъ въ таковую-же пенсію полный окладъ жалованья».

Порядокъ избранія въ судебныя слѣдователи въ пензенской губерніи. Новое положеніе о судебныхъ слѣдователяхъ, возложивъ утвержденіе слѣдователей въ ихъ должностяхъ на министерство юстиціи, избраніе ихъ въ эту должность предоставило соглашенію начальниковъ губерній съ губернскими прокурорами. Министерство юстиціи, при разсмотрѣніи представленій мѣстныхъ начальствъ объ утвержденіи избираемыхъ кандидатовъ, не имѣя другихъ удостовѣреній въ благонадежности представляемыхъ лицъ, кромѣ служебныхъ ихъ документовъ и ручательства мѣстныхъ властей, поставлено въ невозможность дѣлать самостоятельную оцѣнку способностямъ утверждаемаго въ должности слѣдователя и по необходимости должно вполнѣ полагаться въ этомъ случаѣ на удостовѣренія мѣстнаго начальства. При такомъ порядкѣ назначенія слѣдо-

вателей, полная оцѣнка способности и благонадежности избираемыхъ кандидатовъ принадлежить губернскому начальству.

Въ пензенской губерніи, какъ сообщилъ намъ мѣстный прокуроръ, соблюдается слѣдующій порядокъ при избраніи слѣдователей. Каждое лицо, изъявляющее желаніе поступить въ судебные слѣдователи, получаетъ отъ губернскаго прокурора какое либо изъ рѣшенныхъ уголовныхъ дѣлъ и обязано, въ присутствіи прокурора, разсмотрѣть это дѣло и написать свои замѣчанія какъ о томъ, правильно ли было произведено по дѣлу изслѣдованіе полиціею, вѣдомству которой до настоящаго времени исключительно принадлежало производство уголовныхъ слѣдствій, а также о томъ, какимъ образомъ надлежало бы произвести слѣдствіе по дѣлу на основаніи новаго наказа судебнымъ слѣдователямъ; при этомъ испытуемый кандидатъ составляетъ и тѣ слѣдственные акты, которые должны быть принадлежностью слѣдственного дѣла. Основываясь на этихъ работахъ, прокуроръ дѣлаетъ заключеніе о большей или меньшей способности кандидата къ занятію должности слѣдователя. Мы имѣемъ подъ рукою нѣсколько записокъ, составленныхъ испытуемыми, по приглашенію прокурора. Многія изъ нихъ обѣщаютъ въ составителяхъ ихъ довольно искусныхъ слѣдователей.

Съѣзды калужскихъ судебныхъ слѣдователей. Экономическій указатель въ 12-мъ своемъ выпускѣ за нынѣшній годъ сообщаетъ весьма интересный слухъ о томъ, что судебные слѣдователи въ калужской губерніи предположили съѣзжаться періодически въ разныхъ городахъ губерніи, для размѣна собранныхъ свѣдѣній и большаго сближенія. Мы не знаемъ, въ какой степени можно довѣрять этому слуху, но во всякомъ случаѣ желали бы, чтобы онъ осуществился и чтобы примѣръ калужскихъ слѣдователей нашелъ себѣ подражаніе въ другихъ губерніяхъ. Наказъ судебнымъ слѣдователямъ, по новости этого учрежденія, не можетъ конечно не возбудить на практикѣ многихъ недоумѣній и разнообразныхъ возрѣній на обязанности слѣдователя. Подобныя недоумѣ-

нія, если только они происходят от неполноты или неясности закона, могут быть разрѣшены не иначе, какъ законодательною властію; но не о всякомъ же недоумѣніи, какое только можетъ возникнуть, слѣдуетъ обращаться къ разрѣшенію законодательной власти. Бываютъ недоумѣнія такого рода, которыя происходятъ отъ мнимой неясности закона или отъ неумѣнія исполнителей въ общемъ предписаніи закона видѣть разрѣшеніе и частнаго случая. Для разрѣшенія подобныхъ то недоумѣній и будутъ полезны предположенные съѣзды калужскихъ слѣдователей. Они напомнятъ намъ конференціи парижскихъ адвокатовъ, которыя принесли громадную пользу французскому праву, распространеніемъ между адвокатами единообразія въ возрѣніяхъ на спорные вопросы права. Мы желали бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о предположенныхъ съѣздахъ калужскихъ слѣдователей, и увѣрены, что наши калужскіе читатели не откажутся подѣлиться съ нами этими свѣдѣніями, и будутъ повременамъ сообщать намъ о вопросахъ, занимавшихъ вниманіе слѣдователей во время ихъ съѣзда.

Конференція парижскихъ адвокатовъ.

3 декабря 1860 г. происходило торжественное открытіе конференцій парижскихъ адвокатовъ, подъ предсѣдательствомъ вновь избраннаго главы этого сословія, Жюля Фавра.

Во Франціи адвокаты, состоящіе при каждомъ судѣ, обыкновенно составляютъ особую корпорацію.

Каждая такая корпорація заключаетъ въ себѣ адвокатовъ, получившихъ право заниматься своею профессіею (*avocats en exercice*), и адвокатовъ молодыхъ, приготовляющихся практически къ своей профессіи. Время этого приготовленія называется стажемъ, а самые адвокаты этого разряда стажерами (*stagiaires*).

Конференціи—учрежденіе, имѣющее въ виду молодыхъ адвокатовъ. Онѣ бываютъ двухъ родовъ: частныя и публичныя; послѣднія періодически открываются въ залѣ бібліотеки адвокатовъ.

Частныя конференціи—это просто бесѣды молодыхъ адвокатовъ, соединившихся въ кружокъ для теоретическаго и практическаго приготовленія къ своей профессіи.

Публичныя конференціи ведутъ свое начало съ первой четверти прошедшаго столѣтія. Въ 1708 г. адвокатъ Рипарфондъ завѣщаль парижскому сословію адвокатовъ свою библиотеку и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе, чтобы въ извѣстное время молодые адвокаты собирались въ ней подъ руководствомъ старыхъ, для бесѣдъ о предметахъ, касающихся ихъ профессіи.

Кромѣ устныхъ бесѣдъ, въ этихъ конференціяхъ иногда читались сочиненія. Такъ въ 1772 г. Генріонъ Пансе, очень извѣстный впоследствии судья, будучи тогда молодымъ адвокатомъ, читалъ похвальное слово знаменитому юристу Дюмулену.

Нынѣ эти конференціи обыкновенно открываются въ зимній сезонъ рѣчью *bâtonnier* (старшины).

При открытіи прошлогоднихъ засѣданій были произнесены рѣчи *bâtonnier*, Жюлемъ Фавромъ, и двумя адвокатами—стажіерами—однимъ о слогѣ и формѣ адвокатскихъ рѣчей, другимъ о заслугахъ Кольбера.

Нынѣшній *bâtonnier* парижскихъ адвокатовъ, Жюль Фавръ, одинъ изъ замѣчательныхъ адвокатовъ современной Франціи. Онъ принадлежитъ къ республиканской партіи; въ 1837 г. онъ былъ защитникомъ Лудовика Наполеона, поднявшаго тогда въ Страсбургѣ возстаніе противъ существовавшаго правительства. Послѣ того какъ Наполеонъ захватилъ власть, онъ не переставалъ держаться оппозиціи. Въ 1858 г. онъ защищалъ Орсини, покусившагося на жизнь Лудовика Наполеона.

Рѣчи, произносимыя *bâtonnier*, обыкновенно не представляютъ ничего новаго. Такъ какъ ораторъ имѣетъ въ виду молодыхъ адвокатовъ, то онъ передаетъ въ своей рѣчи общія понятія о профессіи, которой они себя посвящаютъ, указы-

ваетъ на жизнь знаменитыхъ адвокатовъ, какъ на людей, приблизившихся къ идеалу своего званія.

Мы постараемся передать содержаніе тѣхъ рѣчи, въ которыхъ говорится о профессіи адвокатовъ, опуская мѣста болѣе личнаго характера.

Выразивши чувства глубокаго уваженія и безграпичной преданности тому сословію, во главѣ котораго онъ поставленъ, ораторъ говоритъ о важности званія *bâtonnier*. «Нѣтъ высшей чести для адвоката, посвятившаго свою жизнь на служеніе своей профессіи, какъ честь, которую его товарищи оказываютъ ему избраіемъ въ это званіе. Она—самое драгоцѣнное и самое лучшее выраженіе уваженія и довѣренности своихъ собратій. Но въ тоже время нѣтъ другой, которая бы болѣе обязывала. Поддерживать правила дисциплины сословія, направлять къ возвышенной цѣли полезныя труды стажа, предупреждать затрудненія и несогласія духомъ примиряющей умѣренности, слѣдить бодрствующимъ глазомъ за малѣйшими актами, которые касаются достоинства сословія, защищать его права отъ губельныхъ притязаній, смѣло нести его знамя вездѣ, гдѣ оно должно явиться и умѣть заставить уважать его,—такова обязанность, возлагаемая преданіями сословія на *bâtonnier*».

«Иногда сословіе адвокатовъ упрекаютъ за то, что оно придаетъ своей профессіи мнимое величіе. Но сила ея и заключается именно въ той высотѣ, на которую она возведена этимъ сословіемъ. Самое преувеличеніе не можетъ имѣть другаго результата, кромѣ усиленія и очищенія чувства долга».

«Величіе профессіи вытекаетъ изъ ея сущности и цѣли. Если правда, что у цивилизованныхъ народовъ самое высокое чувство—чувство права, и самая первая нужда—нужда просвѣщеннаго законодательства и безпристрастной юстиціи, то учрежденіе, удовлетворяющее этимъ потребностямъ, занимаетъ въ государствѣ мѣсто, важности котораго никто не можетъ отрицать. Такимъ образомъ магистратура вездѣ, гдѣ она независима, имѣетъ право на законное уваженіе. Нѣтъ обязан-

ности святѣе и труднѣе ея обязанностей. Она не подчиняется другимъ побужденіямъ, кромѣ побужденій твердаго и свободного разума. Будучи неусыпной покровительницей всѣхъ угрожаемыхъ интересовъ, неутомимымъ врагомъ обмана, насилія и притѣсненій, она въ нашихъ новѣйшихъ обществахъ есть самая уважаемая и самая страшная изъ властей. Она бываетъ для народовъ благодѣяніемъ и славой, равнымъ образомъ можетъ сдѣлаться ихъ безчестіемъ и бичемъ, если она, забывъ свой долгъ, станетъ злоупотреблять огромною властію, ей ввѣренной».

«Возлѣ магистратуры стоитъ сословіе адвокатовъ (Barrreau), которое съ другой точки зрѣнія содѣйствуетъ выполненію той же самой задачи. Первой принадлежитъ рѣшеніе и власть, второму изслѣдованіе и свобода. Адвокатъ есть боецъ индивидуальнаго права, прибѣжище притѣсняемыхъ, патронъ и утѣшитель всѣхъ несчастныхъ. Чтобы достойнымъ образомъ служить своему дѣлу, ему необходимы всѣ средства науки и искусства. Для изясненія законовъ ему нужно знать исторію и философію. Онъ долженъ вносить свѣтъ во мракъ, которымъ очень часто невѣжество и недовѣріе окружаютъ спорные вопросы. Онъ долженъ проникать въ тайные изгибы сердець, чтобы понять игру страстей, чтобы, проникнувъ ихъ мыслию, умѣть разобратъ ихъ увлеченіе. Наконецъ во всѣ времена онъ являлся на помощь праву, вездѣ, гдѣ ему угрожала торжествующая сила».

«Для подобной задачи едва ли достаточно жизни. Адвокатская профессія есть одна изъ тѣхъ, которыя требуютъ исключительной страсти и всецѣлой преданности. Пусть оставятъ ее тѣ, которые не хотятъ отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій и дѣловаго шума. Д'Агессо, написавшій для своего сына совѣты, внушалъ ему, что успѣхъ невозможенъ безъ добровольнаго заключенія на многіе годы. Выборъ предметовъ чтенія, которые онъ считаетъ для него необходимыми, составляетъ истинную энциклопедію. Для современнаго адвоката не должно быть чуждо ни одно изъ новѣйшихъ приобрѣтеній разума».

«Въ самомъ дѣлѣ, не жизнь ли человѣческая съ своими безконечными случаями, съ своимъ величіемъ и своею бѣдностію, съ своими свѣтлыми и темными сторонами безпрестанно развивается въ этихъ разнообразныхъ драмахъ, которыя называются процессами? Не касаются ли они нравственности, исторіи, литературы, науки, промышленности, политики, и чтобы не быть ниже ихъ пониманія, не долженъ ли адвокатъ быть посвященъ во всѣ эти знанія? Чѣмъ шире будетъ его горизонтъ, чѣмъ тверже взглядъ, тѣмъ плодоноснѣе будетъ его мысль, тѣмъ могущественнѣе его дѣйствіе на тѣхъ, которыхъ просвѣщать и убѣждать есть его назначеніе».

Нашъ положительный вѣкъ, говорятъ, не останавливается надъ формой; онъ требуетъ прежде всего идей практическихъ и точныхъ, которыя можно выразить безъ фразъ. Но это софизмъ, годный для безсильныхъ. Нельзя не признать стремленія многихъ умовъ къ измельчанію; посредственность находится въ этомъ свой расчетъ. Сколь необходимо избѣгать надутости, столь же должно съ благоговѣйнымъ уваженіемъ держаться старыхъ преданій изящества и разборчивости, которыя составляютъ драгоценное достояніе французской національности. Прекрасный языкъ французскій, языкъ Декарта, Боссюэта, Паскаля, Расина, Мольера, Вольтера, есть удивительное орудіе, и тѣ, которые призваны къ высокой чести употреблять его при отправленіи общественной обязанности, обязанности свободной защиты права, будутъ виновны, если онъ исказится въ ихъ рукахъ».

«Цицеронъ чрезвычайно справедливо замѣтилъ, что самый большой недостатокъ ораторской рѣчи заключается въ чрезмѣрномъ удаленіи отъ обыкновенной манеры говорить. Но онъ доказалъ собственнымъ своимъ примѣромъ, что тривіальности должно также старательно избѣгать, какъ и неологизма, и что главная сила оратора состоитъ въ выработкѣ слога и благородствѣ его языка. Красота формы привлекаетъ всегда непреодолимымъ очарованіемъ. Самые непокорные покоряются ей обаянію».

«Стараніе хорошо говорить, безпкойная привычка заботливо изыскивать форму, наиболѣе приспособленную къ мысли, не только послужать адвокату въ трудныхъ обстоятельствахъ, гдѣ способность есть условіе спасенія, но они сообщать каждой рѣчи его, даже самой обыкновенной, два рѣдкихъ качества: точность выраженія и трезвость изложенія. Адвокаты иногда жалуются, что ихъ худо слушаютъ; вмѣсто того, чтобы обвинять судью, пужно обратиться къ самимъ себѣ и употребить свое вниманіе на то, чтобы его заинтересовать и плѣнить. Когда Перикль всходилъ на трибуну, онъ говорилъ самъ себѣ: «Помни, что ты станешь говорить предъ Греками, предъ Аѳинянами».

«Часто повторяютъ, что разсужденія о правѣ неумѣстны въ адвокатской рѣчи. Если бы это было такъ, можно было бы обвинять въ томъ адвокатуру. Хорошее изслѣдованіе всегда выслушивается. Осуждать магистратуру на общія мѣста, на неосновательныя ученія, на тезисы, брошенные въ споръ безъ приготовления, значитъ рисковать встрѣтить невниманіе, единственная причина котораго бываетъ легкомысліе неблагоразумнаго оратора».

«Не должно вѣрить тѣмъ совѣтникамъ, столь обыкновеннымъ въ настоящее время, которые учатъ удобнымъ правиламъ ораторскаго нестѣсненія (*sans gêne oratoire*). Искусство хорошо говорить примиримо съ логикой и наукой. Пусть молодые адвокаты съ разумною настойчивостію возвышаютъ блескъ своего сословія естественнымъ соединеніемъ права, философіи и краснорѣчія. Конференціи, установленныя между ними достопамятнымъ обычаемъ, могутъ ихъ образовать и послужить превосходнымъ приготовленіемъ. Плутархъ передаетъ, съ какимъ жаромъ Цицеронъ посвящалъ себя приготовленію: «Онъ предался снова изученію риторики и усовершенствованію своего краснорѣчія, какъ орудій необходимыхъ тому, кто хочетъ вмѣшиваться въ управленіе общественными дѣлами, постоянно занимаясь составленіемъ рѣчей на заданныя себѣ предметы и сближаясь съ ораторами—учителями краснорѣчія, знаменитостями своего времени».

«По общему закону вознагражденіе есть естественное условіе труда. Жизнь адвоката есть только долгій и суровый трудъ. Занятый адвокатъ едва имѣетъ время для святыхъ радостей семейства. Часы его бодрствованія не ему принадлежать. Согбенный подъ игомъ, которое облегчается только сознаниемъ быть полезнымъ, постоянно волнуемый чувствомъ отвѣтственности, не дорожа ни своимъ спокойствіемъ, ни своимъ здоровьемъ, неосторожно бросая свой умъ и свое сердце въ ту пожирющую борьбу, гдѣ, истощается все его существо, часто изнуренный прежде времени, онъ, послѣ столькихъ усилій, столькихъ жертвъ и такого добровольнаго отреченія, рѣдко успѣваетъ пріобрѣсти скромный достатокъ. Пусть поэтому оставляютъ эту благородную карьеру тѣ, которыхъ грызетъ желаніе прибыли и которые мѣряютъ успѣхи только богатствомъ».

«Времена не измѣнились и адвокаты могутъ еще прославиться своею умѣренностію, которая не имѣетъ другой причины, кромѣ безкорыстія, составляющаго основное ихъ правило. Имъ принадлежитъ благородное преимущество протягивать бѣдному и угнѣтенному руку, которая отвергаетъ всякое вознагражденіе. Имъ свойственъ деликатный стыдъ, который заставляетъ ихъ безъ спора устранять съ невыгодою для себя всякій вопросъ о личномъ вознагражденіи. Пусть эти начала будутъ особенно священны для адвокатовъ; пусть они поставятъ для себя честию сохранять ихъ въ ихъ чистотѣ, и чѣмъ болѣе міръ, среди котораго они живутъ, неистово влечется къ слѣпому служенію матеріальнымъ наслажденіямъ, которыя доставляетъ богатство, тѣмъ болѣе они должны возвышаться надъ нимъ, представляя въ своемъ лицѣ контрастъ простоты, умѣренности и безкорыстія, завѣщанныхъ преданіями сословія».

Вторая половина рѣчи посвящена была воспоминаніямъ о недавно умершихъ членахъ парижскаго сословія адвокатовъ— Бетмонъ, Лувилъ, Ватменилъ и другихъ.

Бетмонъ былъ сынъ мельника, съ трудомъ содержавшаго свое семейство. Мать его, женщина ума здраваго, замѣтивши

его счастливыя способности, старалась, со многими лишеніями для себя, доставить ему образованіе. Сначала онъ былъ помѣщенъ въ лицей Карла Великаго, потомъ въ одну изъ коллегій. Но семейство рѣшило, что издержки на воспитаніе въ коллегіи ему не по силамъ, и потому онъ принужденъ былъ возвратиться къ своему отцу для занятій при мельницѣ. Но управляшіе коллегіею отцы, успѣвшіе оцѣнить даровитаго юношу, доставили ему возможность окончить свое образованіе.

Вступивъ въ сословіе адвокатовъ, онъ скоро сдѣлался извѣстнымъ и въ послѣдствіи занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ между своими товарищами.—Одинъ разъ, когда онъ былъ еще въ стажѣ, президентъ ассизнаго суда призвалъ его по случаю внезапной болѣзни его товарища, оставившаго судебную палату, къ защитѣ подсудимаго. Дѣло шло объ одномъ англичанинѣ, который, проигравши все въ игорномъ домѣ и будучи отуманенъ мыслию о несчастіи, которое должно постигнуть его жену и дѣтей, бросился въ окошко, унося съ собою пачку банковыхъ билетовъ. Послѣ получасоваго приготовленія, Бетмонъ исполнилъ защиту съ такимъ успѣхомъ, что присяжные признали подсудимаго невиннымъ.

Съ 1842 г. Бетмонъ засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ на скамьяхъ оппозиціи. Въ февральскую революцію онъ былъ министромъ торговли и потомъ юстиціи. Съ переворотомъ 1852 г. онъ оставилъ политическія дѣла и возвратился опять къ адвокатурѣ. Въ 1855 г., послѣ Беррье, онъ былъ избранъ bâtonnier парижской корпораціи. Онъ завѣщальей 10,000 франковъ съ тѣмъ, чтобы доходы выдавались одному изъ наиболѣе достойныхъ стажіеровъ.

Другой, не менѣе извѣстный, хотя можетъ быть менѣе даровитый членъ парижской корпораціи, недавно сошедшій въ могилу—Лиувиль. Онъ родился въ 1805 г. Получивъ на 21 году степень доктора правъ, онъ записался въ стажъ и въ то же время былъ главнымъ клеркомъ у одного изъ первыхъ парижскихъ ходатаевъ по дѣламъ (avocat). Въ это время, по настоянію своего патрона, онъ защищалъ одного кліента, не-

ожиданно оставшагося безъ защитника. Явленіе его въ качествѣ защитника предъ судьями, ожидавшими увидѣть Дюпена старшаго, извѣстнаго адвоката, было неожиданностію для нихъ, а особенно для совѣта корпораціи (*conseil de discipline*). Такъ какъ по закону адвокатъ не можетъ заниматься другою профессіею, то Лиувиль долженъ былъ по предложенію совѣта оставить стажъ. Скоро послѣ того онъ опять вступилъ въ него.

«Лиувиль», говоритъ Жюль Фавръ, «былъ человѣкъ дѣловой въ самомъ высокомъ смыслѣ слова. Одни невѣжи могутъ считать это названіе униженіемъ для адвоката; но справедливо говоря, оно есть лучшая для него похвала. Человѣкъ дѣловой, какимъ я его понимаю, какимъ былъ и Лиувиль, тотъ, кто, колеблясь, угадываетъ причины существованія спора. Отбрасывая опытною рукою случайныя подробности, онъ нападаетъ на главный пунктъ, разоблачаетъ козни, указываетъ средства, и, среди лабиринта процедуры и актовъ, проводитъ руководящую нить, при помощи которой никогда нельзя заблудиться. Нужно ли оказать защиту угрожаемому праву, онъ выбираетъ средства, которыя лучше всего могутъ убѣдить судей. Идетъ ли дѣло о томъ, чтобы привести въ порядокъ запутанное положеніе, установить гарантіи, избѣжать процесса, онъ указываетъ дорогу, объясняетъ препятствія, охраняетъ довѣрчивость, отнимаетъ надежды у коварства. Наконецъ какъ въ публичномъ засѣданіи, такъ и въ кабинетѣ, онъ есть право въ дѣйствіи, и законный авторитетъ, которымъ онъ пользуется, есть только естественное свидѣтельство ежеминутныхъ услугъ, которыя судьи и частныя лица отъ него получили.— Лиувиль обладалъ въ высшей степени этими драгоценными качествами. Онъ безпрестанно ихъ оплодотворялъ упорнымъ трудомъ, постояннымъ изученіемъ, вдохновеніемъ благородной и чистой души. Его жизнь была всепожженіемъ долгу».

«Самъ Лиувиль, сознавалъ настоящее свое положеніе въ корпораціи. «Назначая моихъ предшественниковъ, Беррье и Бетмона, говорилъ онъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ званіи *batonnier* при открытіи конференцій», совѣтъ управленія (*Conseil de discipline*) избралъ двухъ человѣкъ, краснорѣчіе и слава которыхъ имѣ-

ли влияніе на его мнѣніе. Сдѣлавъ свой послѣдній выборъ, совѣтъ громко заявляетъ, что для полученія этой высшей награды, можетъ быть достаточно любви къ своему званію, упорнаго труда и постояннаго соблюденія правилъ нашей профессіи; онъ далъ вамъ этимъ понять, любезные собраты, что всякій изъ васъ можетъ на это надѣяться, и что каждый солдатъ судебной милиціи также имѣетъ въ своей лядункѣ маршальскій жезлъ».

Послѣ Жюля Фавра, по назначенію совѣта управленія, говорилъ молодой адвокатъ Беле (Beslay) о слогѣ и формѣ адвокатской рѣчи. Въ рѣчи своей онъ сдѣлалъ легкій очеркъ внѣшней исторіи судебного краснорѣчія во Франціи.

Особенный интересъ представляютъ указанныя имъ черты его въ семнадцатомъ вѣкѣ и въ періодъ реставраціи.

Въ XVII вѣкѣ судебное краснорѣчіе во Франціи объ руку съ языкомъ достигло значительной степени совершенства. Изыщество, сила, выработанность и ясность сдѣлались его качествами. Но на немъ отразилось очень сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень вредное влияніе такъ называемаго *bel esprit*. Молодые женщины и мужчины, привыкшіе болѣе нравиться чѣмъ любить, великіе (по тогдашнимъ понятіямъ) поэты, довольные рифмованіемъ сонетовъ, великіе писатели, гордые своими сочиненіями о малыхъ предметахъ, составили, въ началѣ семнадцатаго столѣтія, общество, котораго кругъ былъ очень тѣсенъ, но котораго влияніе было огромно. Это общество овладѣло французскимъ умомъ, и дало ему форму, которая не была совсѣмъ чужда его инстинктамъ, но которая должна была скоро ихъ погубить. *Bel esprit* былъ дѣломъ людей жеманныхъ. Испорченность вкуса, измѣнивши идеи, должна была скоро овладѣть сердцемъ; щегольство (*galanterie*), которое у французовъ есть, можетъ быть, самое естественное изъ всѣхъ ложныхъ чувствъ, сдѣлалось любимую модою, подъ прикрытіемъ которой скрывалось много истинныхъ страстей и обнаруживалось много страстей натянутыхъ.

Вліяніе *bel esprit* и литературной галантерейности проникло въ судебныя палаты. Адвокатская рѣчь наполнилась

фигурами, сравненіями, метафорами и антитезами; естественная чистота ея скрылась подъ плохими румянами. Ораторы не говорили, напимѣръ: *жениться* или *взять жену*, это было и обыкновенно и низко, а *зажечь факель имения*. Тяжущійся, говоря о своемъ отцѣ и матери, не говорилъ: мой *отецъ*, моя *мать*, а *виновники моихъ дней*. Судебная палата сдѣлалась храмомъ правосудія, а судьи—оракулами его.

Должно сказать, что французскіе ораторы до сихъ поръ не освободились отъ изысканности и риторическихъ украшеній. Въ краснорѣчїи ихъ много декламации и общихъ мѣстъ.

«Правительство 1815—1830 г.» такъ говорилъ молодой адвокатъ объ эпохѣ реставраціи, «воображало, что можно обращаться съ свободой печати, какъ съ тѣми дѣтьми, которымъ оказываютъ больше ласкъ, по мѣрѣ того какъ они умнѣютъ; можно было говорить почти все, но нужно было говорить ловко, не очень тихо, чтобы услышали, и не слишкомъ громко, чтобы не остановили; нужна была умѣренная смѣлость и благоразумное безразсудство; были довольно далеки отъ опасности, чтобы меньше было страха; были довольно близки къ ней, чтобы имѣть драгоценное право показать какъ мало страха, показать завидное положеніе счастливыхъ жертвъ тѣхъ преслѣдованій, которыя съ такимъ шумомъ причиняли такъ мало зла; адвокатъ въ своей рѣчи, имѣвшей назначеніе защитить людей умныхъ противъ смѣшныхъ преслѣдованій, употреблялъ оружіе обвиняемыхъ, пользовался имъ также хорошо, какъ они сами, и доказывалъ, что они невинны, дѣлаясь такимъ образомъ самъ гораздо виновнѣе ихъ самихъ».

«Тогда было прекрасное время для риторической фигуры, вполне афинской и вполне французской: намекъ. Говорить и не говорить, молчать и сказать, скрыть свою мысль такимъ образомъ, чтобы заставить ее видѣть, прикрывая ее вѣроломною невинностію слова ловко прозрачнаго,—вотъ искусство, котораго тайна, до сихъ поръ непотерянная, была открыта адвокатами того времени. Нужно нѣсколько доискиваться, чтобы понять адвокатскія рѣчи за сорокъ лѣтъ; но тогда все

было выслушано, понято, схвачено, и сопровождалось рукоплесканіями, всё, что адвокат говорилъ и даже чего онъ не говорилъ. Стоило ему бросить въ свою рѣчь ѣдкой соли щедрую или бережливую рукою, публика, судъ, всё находили въ этомъ вкусъ; намекъ вездѣ былъ понятъ, вездѣ былъ повторяемъ; онъ заставлялъ смѣяться тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ задѣвалъ, и не одинъ разъ остроумнымъ словамъ, сказаннымъ въ судѣ, рукоплескали въ Тюльери; это значить, что смѣявшіеся были съ той стороны, съ какой и осмѣянные, и что жертвы хвалились ловкостію удара, которымъ ихъ поражали. Адвокатская рѣчь измѣнилась; она стала не похожа ни на проповѣдь, ни на привѣтственную рѣчь; она приняла свободное и непринужденное теченіе разумной бесѣды о важныхъ предметахъ».

То, что Беле говоритъ о временахъ реставраціи, можетъ быть примѣнено къ настоящему времени. Стоитъ вспомнить процессъ Монталамбера и рѣчь его защитника Беррье, говорившаго даже безъ намековъ о переворотѣ 1852 г. Защитникъ едва ли не сильнѣе и не прямѣ высказался самаго защищаемого. Впрочемъ процессы печати при нынѣшней системѣ правительства во Франціи, очень рѣдки, и потому адвокаты весьма рѣдко могутъ высказываться. За то намеками наполнена и литература, и ораторская рѣчь, какъ ни рѣдко она раздается публично. Рѣчь самаго Жюля Фавра содержитъ въ себѣ нѣсколько намековъ на теперешнее положеніе дѣлъ во Франціи. Такъ онъ намекаетъ на безумную любовь нѣкоторыхъ къ вліянію, добытому всякими средствами, на нѣкоторыхъ политиковъ, строящихъ зданіе своего благосостоянія на нравственномъ измельчаніи массъ. Разница нынѣшняго времени отъ времени реставраціи заключается въ томъ, что и говорятся, и слушаются намеки не съ такимъ юношескимъ увлеченіемъ, какъ прежде, и что теперь больше возлагаютъ надеждъ на природу вещей, чѣмъ на силу слова.

Рѣчи другаго адвоката, говорившаго послѣ Беле, мы не приводимъ. Она не заключаетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго.

Совѣтъ Бруна Захарію Маколею (*).

(Ньюкастль 10-го марта 1823 г.) Любезный другъ! Я пишу къ вамъ сегодня, желая сообщить вамъ нѣсколько совѣтовъ вслѣдствіе одного разговора съ Лордомъ Греємъ, который отзывается о вашемъ сынѣ въ Кембриджѣ съ величайшею похвалою. Онъ знаетъ его чрезъ своего сына, но изъ всего слышаннаго мною отъ другихъ я не могу сомнѣваться въ справедливости его отзыва. Вы, безъ сомнѣнія, назначаете своего сына къ адвокатской дѣятельности. Имѣя въ виду это или иное общественное назначеніе, я желалъ бы убѣдить васъ, а чрезъ васъ и его, въ нѣсколькихъ истинахъ, узнанныхъ мною самимъ на опытѣ и за которыя я много бы далъ, если бы могъ познакомиться съ ними раньше, изъ опытности другихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что основаніемъ всякому превосходству служить раннее приобрѣтеніе общихъ свѣдѣній. Это ему уже извѣстно. Но быть можетъ онъ еще не вполне проникнуть тою истинною, что каждое специальное превосходство можетъ быть достигнуто только раннимъ знакомствомъ съ самыми незанимательными, самыми трудными занятіями избраннаго поприща. Я нахожу, что, при настоящемъ положеніи судебной части, исправленіе въ теченіе года обязанностей атторнея не составляетъ ни слишкомъ большаго труда, ни слишкомъ большей цѣны въ виду тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыя оно необходимо повлечетъ за собою. Но во всякомъ случаѣ я вполне увѣренъ, что занятія *special pleader*'а (***) должны предшествовать призванію къ адвокатурѣ. Молодой человѣкъ, котораго умъ обогащенъ

(*) Подъ этимъ заглавіемъ было помѣщено въ одномъ изъ номеровъ Times письмо лорда Бруна къ отцу Томаса Маколея, Захарію. Какъ извѣстно, знаменитый историкъ сначала предназначалъ себя къ адвокатской дѣятельности.

(**) Въ іерархіи англійской адвокатуры *special pleaders* самая низшая степень, предшествующая степени *barrister*. *Special pleaders* занимаются изготовленіемъ актовъ и другими письменными работами, подъ руководствомъ атторнеевъ.

общими сужденіями и который приобрѣлъ классическія познанія, никогда не обратится въ простаго рутиниста. Онъ всегда выйдетъ невредимъ изъ той удушливой атмосферы, въ которой онъ долженъ былъ жить и работать, и чѣмъ онъ образованнѣе, тѣмъ скорѣе выйдетъ изъ нея и займетъ высшее положеніе. Но при тѣхъ замѣчательныхъ способностяхъ общественнаго оратора, которыми такъ счастливо одаренъ вашъ сынъ, я въ особенности желаю указать ему на единственный путь, посредствомъ котораго этотъ талантъ можетъ достигнуть высоты искусства. Въ этомъ отношеніи я попрошу его обратить вниманіе на два пункта. Я говорю объ этомъ предметѣ, основываясь на своей собственной опытности и наблюдательности; я много изучалъ его въ теоріи; я много писалъ объ немъ и изъ написаннаго мною незначительная часть была напечатана; остальной же вѣроятно суждено остаться навсегда въ неизвѣстности; я много думалъ и говорилъ объ немъ съ замѣчательными людьми; я имѣю нѣкоторую практическую опытность и приготавливалъ себя для гораздо большей дѣятельности многими трудными методами, чтеніемъ, упражненіемъ въ сочиненіяхъ, переводами, сочиненіями на иностранныхъ языкахъ и пр.; я жилъ во времена, когда были между нами великіе ораторы. А потому я думаю, что мое мнѣніе заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что я самъ глубоко убѣжденъ въ его справедливости и въ томъ, что я спасъ бы себя отъ многихъ трудовъ и не потерялъ бы столько времени, если бы я зналъ его въ началѣ своей карьеры.

1) Основаніе искусству должно быть положено приобретеніемъ способности говорить легко и свободно. Она должна быть приобретена во что бы то ни стало. Что касается до способа, то указать на него можно предоставить личнымъ наклонностямъ или случаю. Я отличаюсь отъ всѣхъ другихъ учителей краснорѣчія въ томъ, что я говорю: учитесь прежде всего говорить легко и свободно, безъ сомнѣнія, обращайтесь также сколько возможно вниманіе на складность и логичность вашей рѣчи, но главнымъ образомъ учитесь говорить. Это для краснорѣчія или искусства произносить публичныя рѣчи

тоже самое, что въ дитяти способность болтать для правильного грамматическаго языка. Это необходимое основаніе и на немъ вы должны строить. Притомъ вы можете приобрести эту способность только въ молодости, а потому старайтесь приобрести ее всѣми средствами, не щадя никакихъ жертвъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы можете впасть въ большія ошибки. Легкая рѣчь приобретается привычкою легко писать (что доказываетъ, какъ сказалъ Уиндгамъ, прилежное чтеніе), привычкою говорить много въ обществѣ, участіемъ въ спорахъ, при чемъ не слѣдуетъ обращать много вниманія на правильность рѣчи, но должно болѣе стараться сказать что нибудь, нежели сказать хорошо. Я даже предположу, что при подобныхъ спорахъ обращается больше вниманія на содержаніе, нежели на выраженіе; но все таки говорить легко, *ad libitum*, быть въ состояніи сказать, что вы желаете, что вы имѣете сказать,—это первое условіе, для приобретенія котораго должно жертвовать всѣмъ.

2) Слѣдующій затѣмъ шагъ весьма важенъ: онъ состоитъ въ превращеніи легкаго слова въ истинное краснорѣчіе. И здѣсь также существуетъ только одно правило. Я серьезно совѣтую вашему сыну и днемъ и ночью имѣть предъ собою греческіе образцы. Сначала онъ можетъ познакомиться съ лучшими новѣйшими рѣчами, какъ онъ уже вѣроятно сдѣлалъ, съ лучшими произведеніями Бэрка, какъ то: «мысли о причинѣ настоящихъ неудовольствій» (*Thoughts on the cause of the present discontents*) и «о долгѣ Аркотскаго Набоба» (*On the Nabob of Arcot's debt*); Фокса: «рѣчь объ уэстминстерскомъ изслѣдованіи (*speech on the Westminster Scrutiny*) (первую часть ея онъ долженъ читать, пока не выучитъ на память); «о вооруженіи Россіи» (*on the Russian Armament*) и «о войнѣ» 1803 г., съ одною или двумя изъ лучшихъ рѣчей Уиндгама и съ весьма немногими или даже ни съ одною Шеридана. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ на этомъ остановиться. Если онъ желаетъ быть замѣчательнымъ ораторомъ, то онъ долженъ обратиться къ главному источнику и познакомиться съ каждымъ изъ великихъ

произведеній Демосѣена. Я увѣренъ, что онъ знаетъ на память рѣчи Цицерона: онѣ прекрасны, но мало полезны, исключая быть можетъ «за Милона» (рго Milone), «за Лигарія» (рго Ligario) и еще одной или двухъ. Но греки положительно должны служить образцомъ. Простое чтеніе ихъ сочиненій, какъ дѣлаютъ мальчики, чтобы познаться съ языкомъ, ни къ чему не ведетъ. Онъ долженъ понять духъ каждой рѣчи, вполне узнать положенія ея отдѣльныхъ частей, слѣдить за каждымъ оборотомъ приводимыхъ доказательствъ и совершенно усвоить себѣ эту самую лучшую, простую и строгую методику. Его вкусъ будетъ совершенствоваться каждый разъ, когда онъ будетъ читать или повторять про себя (потому что лучшія мѣста онъ долженъ знать на память), и онъ научится какъ многого можно достигнуть искуснымъ расположеніемъ нѣсколькихъ словъ съ устраненіемъ всего излишняго. Въ этомъ отношеніи я считаю весьма важнымъ познакомиться послѣ Демосѣена съ Данте. Несправедливо говорятъ, что подражаніе этимъ образцамъ не годится для нашего времени. Во первыхъ, я не совѣтую подражать, а только стараться усвоить себѣ тотъ же духъ. Во вторыхъ, я знаю по опыту, что ничто не имѣло такого успѣха въ нашъ вѣкъ, какъ подражанія (хотя плохія) греческимъ образцамъ. Въ примѣръ я приведу самаго себя: я увѣряю васъ, что въ судахъ и парламентахъ, даже предъ народомъ, я никогда не производилъ такого фурора (употребляя вполне новое выраженіе), какъ когда почти что переводилъ съ греческаго. Я написалъ заключеніе моей рѣчи въ защиту королевы (*) предъ палатою лордовъ, послѣ того, какъ я читалъ и перечитывалъ Демосѣена въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль, я передѣлывалъ ее по крайней мѣрѣ двадцать разъ и она дѣйствительно имѣла огромный успѣхъ, далеко превосходящій ея собственныя достоинства. Изъ этого я заключаю, что весьма полезно и до пріобрѣтенія легкаго слога сперва написать рѣчь, а потомъ ее

(*) Королевы Каролины.

произнести, но въ послѣдствіи времени нельзя довольно трудиться надъ составленіемъ и передѣлкою рѣчи. Это совершенно ясно. Безъ сомнѣнія, произнести рѣчь, предварительно написавши ее, трудно и даже гораздо труднѣе нежели говорить безъ приготовленія; но это нужно для усовершенствованія ораторскаго искусства и во всякомъ случаѣ необходимо для приобрѣтенія правильной дикціи. Но я пойду далѣе и замѣчу, что даже до конца своей жизни онъ долженъ готовить слово за слово лучшія мѣста своихъ рѣчей.

Затѣмъ желаетъ ли онъ быть великимъ ораторомъ или нѣтъ? Другими словами, желаетъ ли онъ имѣть въ свободной странѣ почти неограниченную власть приносить пользу людямъ или нѣтъ? Если да, то долженъ слѣдовать указаннымъ правиламъ.

Сборъ денегъ за входъ въ центральный уголовный судъ въ Лондонѣ. Много разъ уже замѣчалось въ нашихъ журналахъ, что Англія страна самыхъ необъяснимыхъ противурѣчій. Безъ всякаго сомнѣнія, нигдѣ не существуетъ болѣе гласности для суда, какъ въ Англіи, а между тѣмъ кто могъ-бы предполагать, что входъ въ центральный уголовный судъ въ Лондонѣ (Central Criminal Court) не свободный, а за входъ собирается небольшая плата! Мы объ этомъ никогда нигдѣ не читали, и ни отъ кого не слыхали, но, бывши въ Лондонѣ, должны были сами нѣсколько разъ платить за входъ въ засѣданіе Old Bailey, между тѣмъ какъ ни въ одномъ изъ другихъ лондонскихъ судовъ этого не существуетъ; входъ, разумѣется, всюду свободный. Ни какъ не могли мы объяснить себѣ эту странность и признаемся подозревали, что не такіе же ли это безгрѣшные поборы, какъ и въ другихъ странахъ? Недавно, къ удовольствію нашему, прочли мы въ *Times* объясненіе этой аномаліи. Какъ оказывается, совѣтъ управленія сити (court of common council), состоящій подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра, изъ выборныхъ, зналъ о существованіи этихъ поборовъ: треть сбора за входъ въ

центральный судъ поступала въ пользу лорда-мэра, треть въ пользу шерифовъ и треть въ пользу меченосца (передъ судьбою при входѣ его въ судъ несетя мечъ) (*). Наконецъ въ нынѣшнемъ году вздумалось совѣту узнать: на какомъ же основаніи взимается эта плата? Нарядили комитетъ, который объявилъ, что по архивнымъ дѣламъ о происхожденіи этого сбора ничего нельзя узнать, но что вѣроятно это была мѣра предупредительная, имѣвшая цѣлью не допускать въ число слушателей лицъ неприличнаго поведенія (improper characters). Цѣна за входъ назначалась стоявшими у входа приставами, которые сами назначались шерифами. Совѣтъ управленія принялъ единогласно предложеніе комитета объ уничтоженіи этихъ сборовъ; но затѣмъ происходилъ споръ о томъ, что надзоръ за впускомъ публики долженъ лежать на обязанности шерифа, который можетъ впускать публику по билетамъ, но ни подъ какимъ видомъ за деньги; если же мѣста довольно, то впускать въ судъ могутъ и состоящіе въ завѣдываніи шерифа приставы. Противъ впускныхъ билетовъ возставали нѣкоторые изъ альдерменовъ и выборныхъ членовъ, говоря, что гдѣ есть билетъ, тамъ нѣтъ свободнаго суда, и удивлялись, какимъ образомъ такое безобразіе могло безнаказанно существовать такъ долго въ Англіи. Интересно знать, чѣмъ рѣшитъ совѣтъ: быть-ли билетамъ или нѣтъ?

Въ извиненіе можно сказать, что зала Old Bailey очень мала, и, что не смотря на сборъ денегъ, она все-таки всегда набита народомъ. Но какъ объяснить тотъ фактъ, что въ Парижѣ въ засѣданіе ассизъ, въ залу, которая чуть не втрое болѣе лондонской, зрителей впускается или впускалось лѣтомъ 1859 года, счетомъ *двадцать* человекъ, и для этихъ двѣнадцати человекъ, въ залѣ стоитъ (для порядка?) почти такое же количество жандармовъ. Правда, что кромѣ двѣнадцати, бываетъ еще нѣсколько человекъ по билетамъ, по-

(*) По собраннымъ свѣдѣніямъ, за послѣдніе пять лѣтъ, ежегоднаго чистаго сбора бывало около 100—150 фунт. стерл. среднимъ числомъ.

лученнымъ отъ президента, вслѣдствіе письма, которое къ нему надо написать,—но спрашивается, къ чему это писаніе и билеты?!

Полицейскій судъ въ Лондонѣ и солдаты.

Недавно (въ декабрѣ), въ Лондонѣ, около Уэстминстера произошла между солдатами полка *Coldstreams* драка; кругомъ собралась толпа, по показанію полицейскихъ, человекъ до трехъ сотъ; солдатъ было человекъ съ двадцать. Констабль Блумфильдъ, видя, что въ дѣло употреблены даже сабли, позвалъ на помощь другаго констабля Ратана и пикетъ солдатъ лейбъ-гвардіи (*Life guards*), состоявшій изъ сержанта и двухъ солдатъ; съ помощью пикета, Блумфильдъ схватилъ дравшагося солдата Смита, и повелъ его подъ арестъ, но пикетъ былъ оттиснуть прочими товарищами Смита, однако Блумфильдъ не выпускалъ Смита, пока на него не напалъ солдатъ Маннъ, который ударилъ его кулакомъ въ глазъ, а потомъ, взявъ у Смита изъ рукъ саблю, ударилъ нѣсколько разъ Блумфильда саблею; другіе солдаты тоже напали на Блумфильда, онъ упалъ и нѣсколько минутъ не приходилъ въ себя; потомъ, очнувшись, вскочилъ, догналъ Смита и Манна, но рѣшительно не могъ увести ихъ,—такъ велика была толпа народа, пока на помощь къ нему не подоспѣли изъ казармъ десять солдатъ лейбъ-гвардіи *Life guards*, съ унтеръ-офицеромъ и еще нѣсколько констаблей. Но когда пришли лейбъ-гвардейцы, то и тогда нѣкоторые изъ кольдстримовъ продолжали нападать на полицейскихъ, рвали ихъ за волосы, не смотря на помогавшихъ имъ солдатъ, такъ что лейбъ-гвардейцы принуждены были прибѣгнуть къ оружію для защиты самихъ себя, а многіе изъ толпы стали говорить, что они будутъ помогать полиціи и дѣйствительно повалили нѣсколькихъ изъ кольдстримовъ, и дали полиціи возможность уйти съ арестованными въ казармы лейбъ-гвардіи.

На другой день обвинители — полицейскіе сержанты и обвиненные — солдаты, явились въ полицейскій судъ

Уэстминстера. Сержантъ Блумфильдъ обвинялъ четырехъ солдатъ кольдстримовъ въ произведеніи сильнаго волненія (desperate riot) около Найтсбриджа. Показаніе Блумфильда подтверждали съ дополненіями и другіе полицмэны и постороннія лица. Судья Пэинтеръ (Painter) приказалъ задержать солдатъ подъ арестомъ, и отложилъ разборъ дѣла на недѣлю, для того, чтобы въ это время, (какъ дѣлается почти всегда) собрать дальнѣйшія свѣдѣнія и свидѣтелей. Черезъ недѣлю допрашивались новые свидѣтели, и между прочими явился маіоръ, командиръ 1-го батальона кольдстримовъ и просилъ судью дозволить ему сдѣлать нѣсколько вопросовъ одному изъ свидѣтелей унтеръ-офицеру лейбъ-гвардейцевъ. Когда судья ему это дозволилъ, то маіоръ спросилъ, вынимали-ли лейбъ-гвардейцы изъ ноженъ сабли? Унтеръ-офицеръ отвѣчалъ, что если и вынимали, то не по его командѣ, а для своей защиты, что онъ самъ принужденъ былъ это сдѣлать для своей личной защиты, что его солдаты не имѣли на себѣ оружія и что многіе солдаты кольдстримовъ были съ обнаженнымъ оружіемъ. Нѣкоторые же изъ свидѣтелей показывали, что и солдаты Life guards были съ оружіемъ. Маіоръ, сказавъ, что онъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько вопросовъ для разъясненія противурѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей, просилъ судью обратить вниманіе на то, что онъ вовсе не желалъ замаять случившееся происшествіе, что напротивъ того военное начальство дало полиціи всевозможныя способы къ открытію виновниковъ для представленія ихъ къ суду.

Судья, замѣтивъ, что никому не могли и притти въ голову такого рода мысли касательно маіора, выразилъ свое сожалѣніе, что солдаты лучшаго англійскаго полка замѣшаны въ такое дѣло. Этому дѣла онъ самъ разрѣшить не имѣетъ права, потому что это уже не простое нападеніе на полицію, а волненіе, произведенное нѣсколькими лицами (riot), и

потому онъ долженъ отослать подсудимыхъ къ ассизамъ (1).

Не служить-ли все это происшествіе, и въ особенности отзывъ маіора лучшимъ опроверженіемъ того мнѣнія, что будто бы при разслѣдованіи дѣлъ, судебное вѣдомство можетъ встрѣчать противудѣйствіе со стороны независящей отъ него военной власти? (см. Мор. Сбор. 1860 г. апр. кн. II стр. 43. части неофиц.). Военныя власти въ Англіи, какъ видно, не только не противудѣйствуютъ, но напротивъ помогаютъ суду въ отысканіи и преслѣдованіи виновныхъ; и на подчиненіе военныхъ за общія преступленія общему суду никто не жалуется, какъ уже это и было замѣчено въ нашемъ журналѣ за сентябрь (стр. 514).

Большое количество подсудимыхъ изъ солдатъ въ ассизахъ. При открытіи зимнихъ ассизъ въ Мэдстонѣ (Home Circuit) судья Байльзъ выразилъ большимъ присяжнымъ свое удивленіе, что изъ 46 уголовныхъ случаевъ, которые имъ предстоитъ обсудить, 23 совершены солдатами разныхъ полковъ. Большая часть совершенныхъ ими преступленій принадлежитъ къ разряду самыхъ тяжкихъ и въ особенности многіе обвиняются въ поджигательствѣ. Чему приписать такое большое число преступленій, совершаемыхъ солдатами? «Было время, говорилъ судья, когда воспитаніе почитали обезпеченіемъ противъ преступленій, но новѣйшія изысканія, кажется, доказываютъ, что воспитаніе еще очень неэффективное средство для предупрежденія совершенія преступленій. Въ настоящемъ случаѣ, по списку подсудимыхъ, дѣйствительно нѣкоторые изъ солдатъ показаны не совсѣмъ грамотными, но многіе умѣютъ и читать и писать, а нѣкоторые читаютъ и пишутъ даже хорошо. Какія же особенныя причины порождаютъ эти преступленія. По мнѣнію судьи,—столь большое

(1) Черезъ нѣсколько дней въ ассизахъ двое изъ солдатъ были приговорены къ каторжной работѣ на годъ, Маинъ на 1½ года, такъ какъ онъ уже и прежде разъ находился подъ судомъ и былъ наказанъ. Четвертый солдатъ былъ освобожденъ отъ суда по недостатку доказательствъ.

число преступлений совершается английскими солдатами по недостатку у нихъ занятій; солдаты отъ нечего дѣлать шлятся и совершаютъ преступления. Сдѣлалось почти пословицею, что занятіе есть второе названіе для счастья. Одинъ знаменитый писатель сказалъ: «занятіе есть счастье девяти десятыхъ всѣхъ людей; люди, занимаясь, не имѣютъ времени разсматривать и знать, какъ они дѣйствительно несчастливы».—Нечего напоминать присяжнымъ, что самая знаменитая изъ всѣхъ военныхъ державъ, властвовавшая надъ міромъ въ теченіи 12 вѣковъ, постоянно заботилась о томъ, чтобы въ мирное время ея армія была занята физическими работами, отъ которыхъ ея войска при открывавшейся войнѣ дѣлались и здоровы, и сильны, и смѣлы. Памятники мирныхъ работъ этихъ войскъ сохранились до настоящаго времени въ тѣхъ превосходно устроенныхъ улицахъ и дорогахъ, которые соединяли Римъ со всѣми его провинціями. «Поэтому судья говорилъ: «слѣдуетъ подумать о томъ, не должно ли въ мирное время избытокъ силъ англійскаго войска, которое признается необходимымъ содержать для обороны отечества, употреблять на постройки, служащія для этой защиты».

Черезъ нѣсколько дней этотъ же судья при открытіи ассизъ въ Уингестерѣ (Western Circuit), встрѣтился опять съ такимъ же случаемъ: на 60 подсудимыхъ половина было солдатъ.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что солдаты не мало прибавляютъ работы къ прочимъ судебнымъ занятіямъ англійскихъ судей, но какъ въ настоящихъ случаяхъ, такъ и прежде намъ никогда не случалось еще встрѣчать жалобъ англійскихъ судей на «непрактичность», будтобы, подсудности военныхъ за общія гражданскія преступления общимъ гражданскимъ судамъ.—Теоретики же, какъ напримѣръ Бентамъ въ своемъ сочиненіи «о судоустройствѣ», переводъ котораго приложенъ къ журналу М. Ю. за прошедшій годъ, точно также возстаютъ противъ устройства особыхъ военныхъ судовъ для военныхъ за преступления не противъ службы,

Замѣтка по поводу процесса Гарриэтты Муръ, помѣщенного въ № 5 Журн. М. Ю за 1860 г.

Въ процессѣ Муръ, судья, постановляя смертный приговоръ, объявилъ: «что онъ не намѣренъ, чтобы законъ воспріялъ свое теченіе; онъ надѣется, что правосудіе будетъ удовлетворено, если онъ прикажетъ записать въ протоколъ произнесенный надъ Гарриэттою Муръ смертный приговоръ». Мы никакъ не могли понять, какимъ образомъ лицо, присужденное къ смерти, совершенно избавляется отъ наказанія. Нельзя же считать одно вписаніе приговора въ протоколъ—наказаніемъ. Въ теченіи прошедшаго года мы нашли разъясненіе нашего недоумѣнія въ другихъ процессахъ. Англійскій судья, какъ извѣстно, не только имѣетъ власть опредѣлять степень наказанія, но въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнять наказаніе, опредѣляемое закономъ, другимъ, менѣе тяжкимъ. Въ июль мѣсяцѣ на оксфордскихъ ассизахъ разсматривался случай дѣтубійства, подобный изложенному въ 5 книжкѣ Ж. М. Ю. Точно также присяжные признали мать виновною, и точно также судья сказалъ, что за совершенное ею преступленіе она должна бы быть лишена жизни, но что онъ прикажетъ только записать въ протоколъ смертный приговоръ, и что онъ постановитъ приговоръ о заключеніи ее въ тюрьму на весьма продолжительный срокъ.

Въ декабрѣ 1860 года, также на оксфордскихъ ассизахъ судился Джемсъ Слимъ. Онъ обвинялся въ нанесеніи ранъ Уильяму Лойстеру съ намѣреніемъ умертвить его (murder). Присяжные признали его виновнымъ. Судья, постановляя приговоръ, сказалъ: что ему никогда еще не случалось судить о болѣе звѣрскомъ нападеніи на человека. Будь это нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подсудимый былъ бы приговоренъ къ смертной казни; теперь же онъ (судья баронъ Уайльдъ) считаетъ долгомъ приказать внести въ протоколъ смертный приговоръ. Приговоръ этотъ не будетъ приведенъ въ исполненіе, но онъ (баронъ Уайльдъ) считалъ бы не исполненіемъ своей обязанности, если бы, представляя ея величеству кородеви о замѣнѣ этого приговора, не просилъ бы

назначить самое тяжкое наказаніе, которое слѣдуетъ за смертною казнію,—именно, тюремное заключеніе на всю жизнь.

Этими двумя примѣрами, кажется, совершенно объясняется приговоръ по дѣлу Муръ. Судья, какъ въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, приказалъ записать въ протоколъ смертный приговоръ и, не приводя его въ исполненіе, замѣнилъ его тюремнымъ заключеніемъ на продолжительный срокъ, но такъ какъ этотъ послѣдній приговоръ не былъ постановленъ въ тотъ же самый день, то о немъ и не было ничего сказано въ отчетѣ засѣданія суда.

Тѣлесныя наказанія въ Англіи. Въ дополненіе къ замѣткѣ г. Хвостова въ декабрьской книжкѣ Ж. М. Ю. за 1860 годъ (стр. 649) приводимъ слѣдующія цифры, сообщаемыя газетою Times въ одномъ изъ лѣтнихъ номеровъ прошедшаго года.

За послѣдніе три года было 852 случая тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ Англіи и Валлиса.—Иногда эти наказанія назначаются по приговорамъ присяжныхъ и мировыхъ судей на четвертныхъ засѣданіяхъ, въ особенности за воровство (stealing), впрочемъ также и за другіе проступки, напримѣръ, за нападеніе съ намѣреніемъ совершить покражу или за покинутіе жены и семейства съ оставленіемъ ихъ на попеченіи прихода.—Иногда же тѣлесныя наказанія назначались по приговорамъ судей, посѣщающихъ тюрьмы (visiting judges), за тюремныя преступленія, подъ которыми разумѣются: неповиновеніе, отказъ работать, попытки на самоубійство, ломаніе и поджогъ вещей, находящихся въ тюремной кельѣ, нападеніе на тюремщика съ угрозою убить его.—Обыкновенно тѣлесному наказанію подвергаются несовершеннолѣтніе, и оно заключается въ нѣсколькихъ ударахъ розгами, но иногда сѣкутъ и взрослыхъ. За болѣе важныя преступленія число ударовъ доходитъ до трехъ или четырехъ дюжинъ кошками (with the cat). Такъ, напримѣръ, въ дорсетской тюрьмѣ подвергался тѣлесному наказанію люди 20, 33, 46, и даже 53 лѣтъ. Обыкновенно нака-

зываютъ приватно, но иногда при этомъ присутствуютъ и другіе заключенные, въ тѣхъ видахъ, чтобы примѣръ наказанія удерживалъ (for the sake of warning).—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе посѣщающими судьями присуждалось общими словами «за лѣность», но одинъ судья наказалъ заключеннаго за то, «что онъ спалъ на открытомъ воздухѣ». Въ Тивертонѣ при наказаніи присутствуетъ мэръ. На сѣверѣ сѣкутъ веревкой.—Въ Шотландіи за это время тѣлесному наказанію подверглись 150 несовершеннолѣтнихъ по приговору судовъ; но въ Единбургѣ и Глазго и отдѣльные судьи имѣютъ право подвергать тѣлесному наказанію, и *часто* пользуются своимъ правомъ.—Въ Ирландіи по приговорамъ четвертныхъ засѣданій тѣлесному наказанію подверглись въ 1857—42 несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ (lads), въ 1858—13, въ 1859—8.

СПІВІД

СПБГУ

000188215

ЮФ СПБГУ

СП6Г

Издаваемый съ іюля 1859 года *Журналъ Министерства Юстиціи* выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ января 1861 по январь 1862 года составляетъ, безъ пересылки и доставки *шесть руб. сер.*, съ пересылкою же и доставкою на домъ *семь руб. пятьдесятъ коп. сер.*

Подписка на журналъ принимается исключительно въ Конторѣ Редакціи, находящейся при книжномъ магазинѣ Комисіонера Министерства Юстиціи книгопродавца А. И. Давыдова, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Заѣтнаго.

Желающіе доставить въ журналъ статью или какое свѣдѣніе благоволятъ обращаться въ *Редакцію Журнала Министерства Юстиціи*, имѣющую помѣщеніе на углу Загороднаго проспекта и Можайской улицы въ домѣ Соколова.

ВЪ ТИПОГРАФІИ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Печатать позволено. С.-Петербургъ. 18 февраля 1861 года.
Цензоръ *Обертъ.*

